

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 2016 г.

ISSN 2658-7254

Вестник Вологодского государственного университета

Серия:
Исторические
и филологические
науки

№ 2(17)/2020

V E S T N I K
VOLOGDA STATE
U N I V E R S I T Y

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (17) / 2020

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2020

№ 2 (17) / 2020 / ИЮНЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкоизнание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Гуманитарного института ВоГУ по научной работе,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашнин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель (учитель русского языка и литературы) ГБОУ Школа № 597 «Новое поколение» (Москва),

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкоизнания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 2 (17) / 2020

Series: History and Philology

VOLOGDA
2020

No. 2 (17) / 2020 / June. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology

10.01.00 Literature Studies

10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Deputy Director for Science, the Humanities Institute, Vologda State University

Ludmila V. Yegorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Russian Language and Literature Teacher at School No 597 «New Generation» (Moscow)

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: Office 202a, S. Orlov Street, 6, Vologda, 160000

Tel.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

E-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Саблин В.А. ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОЛОГОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андранинова Л.С., Грязнов А.Л. ДВОРОВЛАДЕНИЕ В ВОЛОГДЕ В XV – НАЧАЛЕ XVIII В.	13
Богатырев А.В. «МУДРОСТИЮ И РАЗУМОМ»: РУССКИЙ ДИПЛОМАТ XVII В. ОБ «ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ» И ПРОТИВОСТОЯНИИ ЕЙ	22
Квашнин В.А. ОБ ОДНОЙ «ОШИБКЕ» ВАЛЕРИЯ МАКСИМА.....	26
Кириллова Э.А. ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОГО ЦЕНТРА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	29
Мазаев Р.М., Соловьева А.С. ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АПОЛОГЕТИКИ ЮСТИНА МУЧЕНИКА	35
Турубанов А.Н., Тюкавина И.А. ОБ ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКАХ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.П. МОРОЗОВА.....	39

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

Пермяков А. К ПЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СЕРИИ «ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ».....	43
Егорова Л.В., Сучкова Н.А. «ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ»: АНТОЛОГИЯ НОВЕЙШЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	49
Егорова Л.В., Кириловский А.Н. О РАБОТАХ АЛЕКСЕЯ КИРИЛОВСКОГО В «ТОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ»	63
Егорова Л.В. О НАТАЛИИ БОЕВОЙ	67
Боева Н.С., Егорова Л.В. НАТАЛИЯ БОЕВА: «СТАТЬ ПЕРЕВОДЧИКОМ».....	74
Марков А.В. «МОНАХ» ПУШКИНА В СТИХОТВОРЕНИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ «НА МОТИВ ИКОСА»	82
Черкасов В.А. АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РАССКАЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЕНИН ДВОР»	88

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Колгушкина Н.В. ГОЛОСА МИНУВШИХ ДНЕЙ (К ДНЮ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО).....	93
Милютина Ю.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ СВОЙСТВЕННОГО РОДСТВА В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ	98
Юкина Е.Ю. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	103

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (обзор подготовил М.А. Безнин).....	109
Розанов Ю.В. ФИЛОЛОГИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ	114
Якушева Л.А., Дицковская Н.А. ФОН И ФИГУРА: КНИЖНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	116

ЮБИЛЕЙ

Витушкина Е.А. С ЮБИЛЕЕМ ТАТЬЯНУ НИКОЛАЕВНУ КУЗНЕЦОВУ	118
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	123

CONTENTS

Sablin V.A. CONDUCTING HISTORICAL AND PHILOLOGICAL RESEARCH AT VOLOGDA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	7
--	---

HISTORY

Andrianova L.S., Gryaznov A. L. HOMESTEADS IN VOLOGDA IN THE 15th – EARLY 18th CENTURIES	13
Bogatyrev A.V. «WISDOM AND MIND»: RUSSIAN DIPLOMAT FROM THE 17th CENTURY ABOUT THE «INFORMATION WAR» AND OPPOSITION TO IT	22
Kvashnin V.A. ON ONE «ERROR» BY VALERIUS MAXIMUS	26
Kirillova E. A. FROM THE HISTORY OF VOLOGDA CENTRE OF FOLK CULTURE	29
Mazaev R.M., Solov'yova A.S. PHILOSOPHICAL AND POLEMICAL ASPECTS OF JUSTIN MARTYR'S APOLOGETICS.....	35
Turubanov A.N., Tyukavina I.A. ON THE SOURCES PUBLISHED IN THE KOMI REPUBLIC TO STUDY I.P. MOROZOV'S STATE AND PUBLIC ACTIVITY.....	39

LITERATURE STUDY

LITERARY VOLOGDA TODAY

Permyakov A. TO THE 5th ANNIVERSARY OF THE BOOK SERIES «WRITERS' COMPENDIUM».....	43
Yegorova L.V., Suchkova N.A. «WRITERS' COMPENDIUM»: AN ANTHOLOGY OF CONTEMPORARY VOLOGDA WRITING.....	49
Yegorova L.V., Kirillovskiy A.N. ON THE WORKS BY ALEXEY KIRILOVSKIY IN «WRITERS' COMPENDIUM».....	63
Yegorova L.V. ON NATALIA BOEVA	67
Boeva N.S., Yegorova L.V. NATALIA BOEVA: «TO BECOME AN INTERPRETER».....	74
Markov A.V. «THE MONK» BY A. PUSHKIN IN BELLA AKHMADULINA'S POEM «ON THE OIKOS MOTIF»	82
Cherkasov V.A. HAGIOGRAPHIC GENESIS OF THE MAIN CHARACTER'S IMAGE IN ALEXANDER SOLZHENITSYN'S STORY «MATRYONA'S PLACE»	88

LINGUISTICS

Kolgushkina N.V. VOICES OF YESTERYEAR (IN MEMORY OF ACADEMICIAN IZMAIL I. SREZNEVSKY)	93
Milyutina Yu.V. LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE WORDS DENOTING RELATIONSHIPS BY MARRIAGE IN BRYANSK DIALECTS.....	98
Yukina E.Yu. PSYCHOLINGUISTIC PECULIARITIES OF DESCRIBING DISABLED PEOPLE IN ENGLISH FICTIONAL TEXT	103

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

METHODOLOGICAL SEMINAR ON THE DEVELOPMENT OF SOVIET SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (the overview is presented by M.A. Beznin)	109
Rozanov Yu.V. PHILOLOGY AS A VOCATION	114
Yakusheva L.A., Didkovskaya N.A. BACKGROUND AND FIGURE: LITERARY DIMENSION	116

THE ANNIVERSARY

Vitushkina E.A. TO THE ANNIVERSARY OF TATIANA NIKOLAEVNA KUZNETSOVA.....	118
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	125

B.A. Саблин
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОЛОГОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1930 г. в Вологде открылся Северный краевой педагогический институт (СКПИ) им. С.А. Бергавинова, реорганизованный накануне Великой Отечественной войны в Вологодский государственный педагогический институт. Одним из отделений института было историко-экономическое, позднее реорганизованное в общественно-литературное отделение с тремя секциями: истории, экономики, литературы и языка.

Существовавшие профильные учебные отделения вскоре были преобразованы в факультеты: исторический, русского языка и литературы, физико-математический (с отделениями физики и математики) и естествознания (с отделениями биологии и химии).

В годы Великой Отечественной войны структура института существенно не менялась. Деканом факультета естествознания был Виталий Владиславович Тарчевский. Физико-математический факультет возглавлял с 1936 по 1941 г. Алексей Иванович Козлов, в 1943–1946 гг. – Антонина Сергеевна Гусева. Историческим факультетом с 1938 по 1943 г. руководил Владимир Иванович Панов, с 1943 по 1946 г. – Иосиф Сергеевич Киссельгоф, который начал работать в ВГПИ в 1941 г. Факультет русского языка и литературы с 1937 по 1946 г. возглавлял Василий Сергеевич Третьяков.

*B.B. Тарчевский
(1905–1969)*

Создание института и открытие историко-экономического отделения в Вологде происходило в условиях глубочайших идеологических изменений.

Четко оформились две тенденции в идеологической жизни советского общества. Это существовавшая ранее, до прихода к власти, традиционная для партии революционно-классовая и новая, родившаяся вместе с овладением властью, – национально-государственная тенденция. Она воплощала в себе политический реализм сталинской элиты и была ориентирована на традиционные российские ценности – сильное централизованное государство, патриотизм, культ вождей (монархов) и пр., то есть была укоренена в российской почве и отвечала насущным потребностям, в частности интересам обороны страны.

*A.I. Козлов
(1895–1956)*

A.C. Гусева

В.И. Панов

И.С. Киссельгоф
(1908–1973)

Б.С. Третьяков
(1884–1950)

Поэтому далеко не случайно, что власть вернулась к преподаванию истории в школе именно в эти годы. В 1934 г. в педвузах страны открываются исторические факультеты. Северный краевой пединститут в Вологде не стал исключением. Внедрение важных духовных ценностей в науку шло постепенно в связи с написанием учебника по истории СССР для школ. В конце концов была создана новая концепция истории, запечатленная главным образом в учебнике «История СССР» для исторических факультетов высших учебных заведений стра-

ны. Эта концепция содержала в себе как революционно-классовую, так и национально-государственную, в чем-то даже великодержавную стороны.

В концепции история страны, развивавшейся в своеобразных, во многом неблагоприятных условиях, была стилизована под западноевропейскую модель, представленную в трудах Маркса и Энгельса. Все же общая концепция отечественной истории и методологические требования не закрывали пути к решению множества частных вопросов и разработке тех или иных тем. Трудным путем, соблюдая установленные властью границы и «правила поведения», историческое познание, тем не менее, двигалось вперед. Марксистский подход к истории принес свою пользу. Он раскрыл «свои» стороны истории, расставил новые акценты, заложил «свои» односторонние традиции изучения прошлого. Ориентируясь на него в большей или меньшей степени, историки развивали свою науку. Поэтому история в эти и последующие годы не сводилась только к идеологии.

Власть рассматривала историков как инструменты своей политики, объекты идеологического воздействия. В стране была разрушена старая система организации науки и создана иная, которой не было до революции. Уцелевшие после репрессий и продолжавшие подвергаться репрессиям (стоит отметить, что 1937 г. для историков начался раньше, в конце 1920-х гг. в связи с так называемым «Академическим делом») историки разных научных школ были объединены в 1936 г. в Институте истории Академии наук и стали выполнять заказы власти.

Долгое время в качестве единственной организационной структуры развития исторической науки в Вологодском пединституте оставалась специализированная кафедра истории, просуществовавшая с 1930 по 1940 гг. Первым руководителем кафедры в институте являлся Бочкирев Валентин Николаевич (с 5 сентября по 16 декабря 1930 г.), выпускник Московского университета, ученик В.О. Ключевского, приват-доцент, профессор с дореволюционным стажем. Занимался историей монастырского вотчинного хозяйства (синьорией) 16–18 вв. В 1930 г. В.Н. Бочкирев был подвергнут репрессиям. После войны работал в Коломенском пединституте.

В.Н. Бочкирев
(1880–1967)

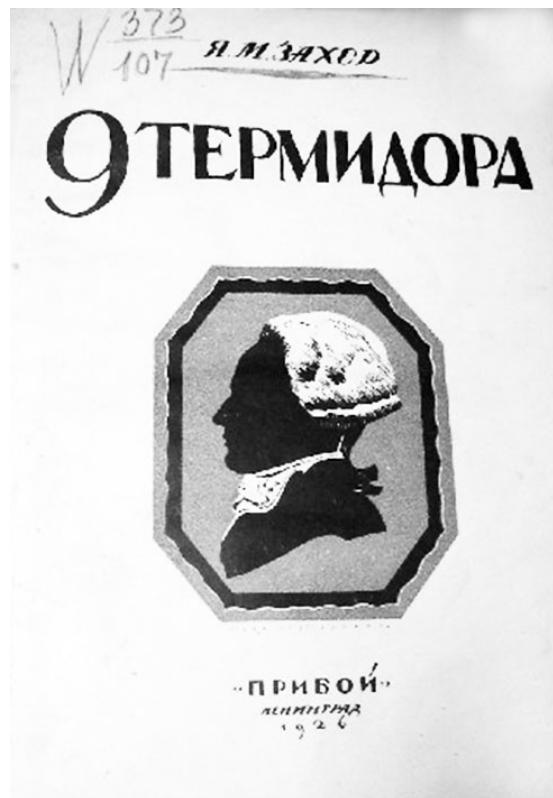

Обложка книги В.Н. Бочкарева
Вопросы политики в русском парламенте XVIII века:
Опыт изучения политической идеологии XVIII века:
По материалам Законодательной комиссии 1762—1768 гг. /
Проф. В.Н. Бочкарев. — [Тверь]: Октябрь, 1923. — 67 с.

С 16 октября 1930 г. курс лекций по истории Запада в институте читал профессор (с 1927 г.) Захер Яков Михайлович. 14 января 1931 г. он возглавил кафедру истории СКПИ и проработал в этой должности до 22 декабря 1935 г. Я.М. Захер являлся крупным специалистом по проблемам Великой французской революции. Заметным явлением в отечественном французоведении стала опубликованная им еще в 1926 г. монография «9 термидора». В 1934 г. Вологодский пединститут предпринял попытку ее переиздания. В 1938 г. Я.М. Захер был арестован и вернулся в историческую науку лишь в 1956 г.

Я.М. Захер
(1893—1963)

Монография Я.М. Захера
Девятое термидора / Я. М. Захер. —
Ленинград : Прибой, [1926]. — 128 с.

С 1 ноября 1937 г. доцентом по истории средних веков и одновременно исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории стал Чирникин Лев Наумович, выпускник Московского государственного института истории, философии и литературы. Защищил кандидатскую диссертацию по теме «Английская деревня в эпоху Тюдоров» 15 ноября 1937 г. Л.Н. Чирникин уволился из института 10 февраля 1939 г. Кафедру истории на время передали декану исторического факультета В.И. Панову.

С 1 марта 1939 г. кафедру возглавил Козлов Иван Тимофеевич, старший преподаватель истории СССР. Под его началом на кафедре работали профессиональные историки, посылаемые сюда Наркомпросом или приезжавшие в Вологду с целью уберечься от репрессий. С 15 апреля 1933 по 20 сентября 1934 г. историю доклассового общества читал профессор Семен Анатольевич Семенов-Зусер (1887—1951), имевший за плечами Петербургский лесной институт, Археологический институт и Петроградский университет (юридический факультет), выдающийся археолог, знаток древнегреческого и скифского Причерноморья. С.А. Семенов-Зусер, как и многие ученые из его поколения, был подвергнут репрессиям.

С 1 сентября 1934 г. по 1 сентября 1939 г. в качестве доцента по древней истории на кафедре работал А.Ф. Лещенко (тема его диссертации «Дунайские провинции Римской империи и движение Максимилиана Фракийца»). В ученом звании доцента он был утвержден 5 июня 1937 г.

С 22 февраля 1935 г. по 1 июля 1937 обязанности профессора по средней и русской истории выполнял

Андрей Александрович Введенский. Андрей Александрович также подвергся репрессии в 1937 г.

*A.A. Введенский
(1891–1965)*

23 августа 1940 г. кафедра истории была разделена на 2 кафедры: истории СССР в составе Ивана Тимофеевича Козлова (руководил кафедрой до 1947 г.), В.И. Панова, А.П. Голодова, Е.А. Авенировой, И.Т. Ковцева, А.И. Ильиной; всеобщей истории в составе Уткина Г.М. (и.о. заведующего кафедрой), И.А. Рускуль, Г.Р. Левина, М.И. Брагинского, Э.И. Алурдос. С конца ноября 1940 г. до января 1946 г. заведующим кафедрой всеобщей истории был Генрих Рувимович Левин.

*Г.Р. Левин
(1915–2003)*

В годы Великой Отечественной войны состав кафедр заметно уменьшился, многие преподаватели ушли на фронт. Тем не менее, 17 ноября 1942 г. в Саратове, куда был эвакуирован Ленинградский государственный университет, И.Т. Козлов защитил кандидатскую диссертацию по теме «К вопросу разложения крепостного хозяйства крупного феодала в 20–50-х гг. 19 в.». Ученое звание доцента получил 10 апреля 1943 г. И в это же время начал работать над докторской диссертацией по теме «Внутренняя политика

самодержавия в 1914–1917 гг.», ее защита состоялась после войны.

На кафедре всеобщей истории в годы войны начали свою работу над докторскими диссертациями доценты Г.Р. Левин, И.С. Киссельгоф (1908–1973). Первый – по теме «Демократические движения в Англии 1648–1949 гг.», второй – по теме «Франко-русские отношения в 1904–1914 гг.». Следует подчеркнуть, что И.С. Киссельгоф защитил кандидатскую диссертацию по теме «Общество друзей народа и восстание 1932 г. в Париже», в 1941 г., уже работая в Вологде.

Важным направлением исследовательской деятельности преподавателей факультета в годы Великой Отечественной войны стала публикация множества научных статей в помощь студентам и учителям – о героическом прошлом нашей Родины и великих полководцах древности, «для того, чтобы вселить надежду, оптимизм и гордость за свою страну в умах детей».

Состав преподавателей кафедры филологического факультета комплектовалась по тому же принципу, что и на историческом факультете. С 1930 г. по окончании Петроградского университета читал курсы «История русского литературного языка» и «Синтаксис» Сергей Александрович Голованенко (1888 г.).

С 1931 г. читал лекции по методике русского языка и литературы Василий Сергеевич Третьяков (1884), – с 1937 г. декан филологического факультета. В.С. Третьяков – выпускник Вологодской духовной семинарии, словесного факультета Петербургского университета, который с дипломом первой степени он закончил в 1914 г.

В апреле 1934 г. был выслан на три года в Вологду всемирно известный ученый, один из первых докторов филологических наук в СССР (1924 г.), классик украинского и белорусского языкоznания, основоположник белорусской лингвистической географии, автор первого в СССР диалектологического атласа (1928), участник Первого международного конгресса славистов (Чехословакия, 1929), первый директор Института языкоznания Белорусской академии наук (1931–1933) Петр Александрович Бузук. Это был его второй арест. Первый раз он был арестован 6 августа 1930 г. ГПУ Белорусской ССР по делу так называемого «Союза освобождения Беларуси». К моменту приезда в Вологду П.А. Бузук имел пятьдесят пять опубликованных книг и статей – больше, чем у всех преподавателей филологического факультета ВГПИ в то время. В той или иной степени он владел всеми славянскими, румынским (молдавским), итальянским, немецким, английским, татарским, ивритом, латынью и некоторыми другими языками. В Вологде он преподавал в институте немецкий язык, написал большой труд «Происхождение языков», занимался изучением местных диалектов. 13 февраля 1937 г. срок вологодской ссылки закончился, но П.А. Базук не мог бросить своих студентов, не закончив учебный год. Это стоило ему жизни. В июле 1937 г. его арестовали, а в декабре тройка УНКВД по Вологодской области приговорила его к расстрелу. Он был расстрелян в Вологде 7 декабря 1938 г. В 1956 году посмертно реабилитирован.

П.А. Бузук
(1891–1938)

В 1937 г. по окончании аспирантуры в Государственной академии искусств на работу в Вологду прибыл известный в будущем литературовед Иван Васильевич Князев (1904–1974). В том же 1937 г. работу на кафедре языкоznания и русского языка начал работать Василий Михайлович Никитин (1905–1998). Он читал курс современного русского языка. 20 июня 1941 г. В.М. Никитин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Именные наречия времени в русском языке». Научные интересы В.М. Никитина в основном были связаны с вопросами синтаксиса русского языка, он зарекомендовал себя как вдумчивый и тонкий наблюдатель и как хороший знаток отечественной лингвистической литературы и историк грамматики. С 1940 по 1943 год на кафедре литературы ВГПИ работал Василий Михайлович Черников (1906). В 1927–1930 гг. он учился на общественно-экономическом и лингвистическом отделении историко-факультета Саратовского государственного университета, затем работал преподавателем русского языка и литературы в средней школе, преподавал политэкономию в индустриальном техникуме г. Саратова, в 1932–1935 гг. прошел курс аспирантуры в Саратовском пединституте.

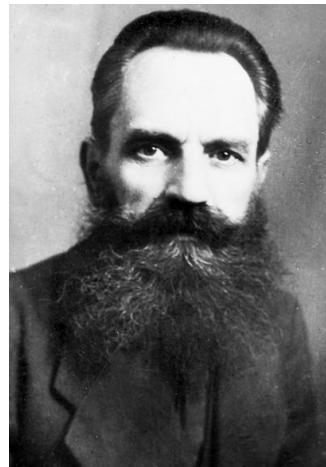
В.М. Черников

В Вологде В.М. Черников изучал творчество М. Горького и Н.В. Гоголя, выступал в местной печати, писал стихи. В январе 1943 г. он был призван в РККА, демобилизовался в октябре 1945 г.

Во время войны на филологическом факультете начал работать литературовед Виктор Семенович Бакинский (1907–1990), позднее – писатель, автор рассказов и романов. В вологодский период он писал статьи о Лермонтове, Есенине, Маяковском. Кафедру русского языка одно время возглавляла эвакуированная, как и В.С. Бакинский, из Ленинграда вместе с мужем Елена Васильевна Матвеева.

20–28 июля 1944 г. в Вологде произошло невероятное для условий войны событие – состоялась Вологодская диалектологическая конференция по северно-русским говорам. По сути это была III всесоюзная диалектологическая конференция (1938 г. – Ростов, 1939 г. – Ленинград, 1944 г. – Вологда). С нее началась череда вологодских конференций, которые проводились в последующем с разной периодичностью.

Инициатором созыва ее был доцент Александр Семенович Ягодинский. Он был направлен в Вологду в 1938 г. В феврале 1939 г. в Ленинграде он вместе с заведующим кафедрой языкоznания и русского языка В.М. Никитиным представлял Вологду на 2 Всесоюзной диалектологической конференции. С 9 декабря 1944 г. А.С. Ягодинский заведовал кафедрой русского языка. С 23 марта 1945 г. был заместителем директора ВГПИ по учебно-научной работе. 28 июля 1945 г. ВАК присвоил ему звание доцента по кафедре русского языка.

А.С. Ягодинский
(1895–1949)

Александр Семенович был колоритной фигурой. Он имел высокий рост, богатырское телосложение, мощный голос и широкую окладистую бороду. Являясь завучем и руководителем экспедиций, он пользовался большим авторитетом в студенческой среде.

Создание им в 1939 г. научного диалектологического кружка и проведение первой диалектологической экспедиции позволяют считать 1939 г. начальной датой диалектологических исследований в ВоГУ.

Перед войной Всесоюзную диалектологическую комиссию возглавил академик Л.В. Щерба. Он и ру-

ководил вологодской конференцией. На конференции были представлены академические учреждения и 30 педагогических институтов. В ней участвовали 52 специалиста – практически весь цвет диалектологической науки того времени: доктора наук Д.В. Бубрих, Н.Т. Гринкова, П.Я. Черных, профессора В.И. Борковский, А.Л. Георгиевский, С.А. Копорский, Б.А. Ларин, А.А. Малаховский, кандидаты наук Е.А. Бахмутова, М.А. Генкель, А.Г. Евгеньева, И.А. Елизаровский, А.М. Иорданский, В.Д. Левин, Е.П. Луппова, М.Д. Мальцев, Г.Г. Мельниченко, К.А. Немировская, А.В. Гекучев, К.А. Тимофеев, Ф.П. Филин. Конференция отметила среди вузовских коллективов лидеров диалектологической работы: Куйбышевский и Вологодский пединституты.

Конференция приняла чрезвычайно важное решение, существенно повлиявшее на развитие вузовской диалектологии: она обратилась в Правительство с предложением восстановить с 1944/45 учебного года самостоятельный курс русской диалектологии. 3 октября 1944 г. был издан совместный приказ Народного Комиссариата просвещения РСФСР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР «Об итогах научной диалектологической конференции по севернорусским говорам в г. Вологде». Итоги конференции были высоко оценены. В вузах был выделен самостоятельный курс диалектологии.

Таким образом, становление исторической и филологической науки в ВГПИ в 1930–1940-е гг. происходило в невероятно сложных условиях. Но, тем не менее, именно в эти годы были заложены научные традиции и формы работы, созданы основы научных школ, выдержавших проверку временем.

Некоторые детали проблемы можно изучить в работах Т.Г. Овсянниковой, В.А. Саблина, Г.В. Судакова (см.: Исторический факультет педагогического института Вологодского государственного университета, 1934–2014 / [В. А. Саблин, А. В. Савина]. – [Вологда]: [Древности Севера], [2014]. – 55 с.; Овсянникова, Т. Г. Филологический факультет Вологодского государственного университета. История и современность / Т. Г. Овсянникова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 1 (8). – С. 97–101; Саблин, В. А. Развитие исторической науки в ВГПУ. 1918– 2010 гг. / В. А. Саблин // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 34–45; Судаков, Г. В. В начале пути: (60 лет диалектологических исследований в ВГПИ) / Г. В. Судаков // Актуальные проблемы диалектологии: тезисы докладов межвузовской научной конференции, 24–26 ноября 1999 г. / Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 2000. – С. 1015).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).04

Л.С. Андрианова

Региональный центр дополнительного образования детей (Вологда)

А.Л. Грязнов

Научно-исследовательский центр «Древности» (Вологда)

ДВОРОВЛАДЕНИЕ В ВОЛОГДЕ В XV – НАЧАЛЕ XVIII В.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Вологодской области в рамках научного проекта № 18-49-350008*

В работе представлены первые итоги реконструкции городской топографии г. Вологды на примере Рощенской улицы, представлявшей в период позднего Средневековья классический жилой район с преимущественно посадским населением. Проведено сопоставление кадастров XVII–XVIII вв. с привлечением актового материала и археологических данных, прослежена трансформация городских усадеб, сделаны предварительные выводы о причинах изменения состава населения в данном районе на протяжении двух веков.

Позднее Средневековье, Новое время, Вологда, историческая топография, Рощенская улица, дворовладение.

При изучении исторической топографии русских городов позднего Средневековья и раннего Нового времени наиболее полные данные можно получить, привлекая одновременно письменные источники и материалы археологических раскопок. Подобные исследования могут быть проведены с различной степенью успешности в силу неоднородной сохранности письменных источников, культурного слоя и возможностей систематических археологических раскопок. В этом плане Вологда представляет собой сравнительно удобный объект для изучения, поскольку, во-первых, сохранилось большое количество актов XVII в. и практически полный корпус кадастровых материалов XVII – начала XVIII вв. с описанием Вологды. Во-вторых, в значительной части территории города XVI–XVIII вв. отложились довольно мощные напластования влажного культурного слоя, сохранившего органику, в том числе остатки уличных мостовых, жилых и хозяйственных построек. Эти обстоятельства позволяют более детально реконструировать топографию крупного городского центра и более надежно осуществить сопоставление письменных и археологических источников [1; 2; 6; 16].

Необходимо отметить, что кадастры XVII – начала XVIII вв. зачастую составлялись с разной целью и без единого подхода, поэтому, как правило, содержат неодинаковый объем информации, охватывают разные категории населения и не всегда описывают всю территорию города. В одних кадастрах могли фиксироваться сведения только о жителях посада, в других – о жителях всего города, включая население, живущее на белых местах. Одни и те же усадьбы в разных описаниях фигурируют на улицах с разными названиями, не всегда выделяются переулки, население

фиксируется по улицам или по сорокам. В результате в большинстве случаев сопоставление описаний, даже следующих одно за другим (с промежутком в один-два десятилетия), оказывается затруднено, и всегда возникают сомнения в корректности интерпретации информации писцовых и переписных книг о дворовладении и генеалогии посадских людей. Тем не менее, детальное изучение отдельных районов Вологды XVII в. позволяет вполне надежно решить эту проблему.

Как и в других исторических городах, топография старейших районов Вологды, куда входит городище и прилегающие к нему территории, складывалась под влиянием особенностей местности, в первую очередь рельефа, для которого было характерно чередование возвышенных и заболоченных участков, рек и ручьев, береговых валов и пойм [24]. Для этой части Вологды характерна густая сетка коротких улиц с большим количеством изгибов, плотной застройкой и значительным числом храмов. Для окраинных районов, складывавшихся в XVI в., характерна совершенно другая планировка. Здесь преобладали длинные прямые улицы с храмами, удаленными на большие расстояния друг от друга. К первой категории можно отнести Никольскую, Власьевскую, Коровину улицы, а ко второму – Рощенскую, Козленскую, Петровскую, Новинковскую, Калачную улицы. Промежуточное положение занимала территория, ограниченная стенами вологодской крепости, сооружение которой началось при Иване Грозном. Судя по отдельным летописным сведениям и археологическим данным, городская застройка в этой местности возникает еще в XIV–XV вв., позже, вследствие грандиозных строительных работ, частичной трансформации подверглись не только первоначальная планировка этой

части города, но и элементы ландшафта. Здесь проходили улицы Пятницкая, Широкая, Рождественская и др.

Сравнительный анализ писцовых и переписных книг показал, что поиск и отождествление дворов посадских людей, описанных в разных кадастрах, крайне затруднен вследствие большой мобильности населения и неустойчивости именования улиц и переулков в разных источниках [12; 6]. Тем не менее, особенности топографии новых районов позволяют с большой степенью надежности провести сопоставление данных кадастровых источников XVII – начала XVIII в. Наиболее показательны в этом плане районы Новинки и Рощенье, располагавшиеся на юго-восточной окраине Вологды. Они представляли собой длинную улицу, шедшую от проезжих ворот городской крепости в сторону Московской дороги. От улицы в обе стороны отходило несколько переулков к Петровской и Козленской улицам. По названию местности Рощенье за основной частью улицы закрепилось название Рощенская (рис. 1).

Рис. 1. Рощенская и Козленская улицы по переписной книге 1711 г. и плану 1784 г. Карта

На ней располагались храмы Иоанна Предтечи в Рощенье и Кирилла Белозерского в Рощенье, которые условно маркировали начальный и конечный участки улицы. Продолжением Рощенской улицы была Новинковская, но в плане населения оба района значительно отличались. Связано это с тем, что Новинковская улица шла вблизи берега р. Вологды, здесь располагался Гостиный двор и дворы большого числа иностранных купцов с торговыми пристанями. Здесь же стремились приобрести дворы местные купцы и иногородние монастыри [13; 25; 11]. В то же время Рощенская улица, судя по всему, была классическим жилым районом, в котором отсутствовали объекты торговой и транспортной инфраструктуры (кроме собственно мостовой), вследствие чего она не представляла серьезного интереса для торговых людей.

Именно поэтому на Рощенской улице можно ожидать большую стабильность населения¹.

По переписной книге 1711 г. на обеих сторонах Рощенской улицы описано 108 дворов («в Рощенской улице за Кирилловым монастырем», «улица Рощенская, в Город идущи от церкви Кирилла чудотворца, по правой стороне», «от Новинской улицы в Город по левой стороне») [19, с. 13–37]. Переписные книги 1646 и 1678 гг. перечисляют в этом районе 102 и 116 дворов соответственно («улица Рощенье от церкви Кирилла Чудотворца к Городу идущи по правой стороне», «в той же улице по левой стороне») [18, с. 22, 24, 98, 100].

Благодаря тому, что переписная книга 1711 г., кроме указания собственника, фиксирует правоуставнивающие документы на двор, становится известна дата его приобретения и предыдущие владельцы. Удалось установить, что, за очень редким исключением, общее число дворов и их последовательность в книгах 1678 и 1711 гг. совпадают полностью (табл. 1). Во многих случаях в них живут одни и те же лица, или в переписной книге 1711 г. указаны дети дворовладельцев в 1678 г. В ряде случаев в 1678 г. зафиксированы предыдущие владельцы двора, указанные в 1711 г. в качестве их продавцов. Отмеченная в переписных книгах разница в числе дворов связана, судя по всему, с отнесением в 1711 г. некоторых дворов к переулкам.

Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении этих двух кадастров с более ранними переписными книгами 1646 и 1657 гг. (табл. 2). Например, располагающийся, по переписной книге 1711 г., в самом начале Рощенской улицы, у церкви Кирилла Белозерского «двор Галанской земли иноземца Володимера де-Юнга» был им приобретен в 1698/99 г. «по закладной кабале вдовы Татьяны Борисовы дочери Даниловская жены Киприянова сына Носкова» [19, с. 15]. По переписной 1678 г., этот двор записан за Киприяном Носковым [18, с. 98], который упоминается как житель Кирилловского сорока в переписной книге 1657 г. [20, с. 196]. Или, например, «двор вдовой дьяконицы Ирины Григорьевы дочери Галахтионовской жены Игнатьева», по данным составителей переписной книги 1711 г., был приобретен через заклад ее мужем в 1680/81 г. у «Ивана, да Никулы, да Алексея Степановых детей Плотниковых» [19, с. 27]. Однако за дьяконом Галактионом Михайловым этот двор числился уже в книге 1678 г. [18, с. 100]. Старшего из бывших владельцев братьев Плотниковых можно соотнести с жителем Кирилловского сорока 1657 г. Ивашкой Степановым, а их отцом, скорее всего, был владевший этим двором в 1646 г. Степка Лукьянинов [20, с. 199; 18, с. 24]. Соседним двором в 1711 г. владел Михаил Дмитриев с. Попов, который сообщил переписчикам, что его отцу этот двор в 1670/71 г. завещала вдова Григория Батракова [19, с. 27]. В книге 1678 г. действительно указан «двор Кирилловского попа Дмитрея Алексеева сына, у него два сына – Васка 12 л., Мишка 4 л.», а по книге 1646 г. этим двором владел Гришка Поликарпов с. Батраков [18, с. 100; 24].

¹ Предварительные наблюдения о топографии и населении Рощенской улицы ранее были опубликованы в тезисном виде [9].

Таблица 1

**ПРИМЕР СОПОСТАВЛЕНИЯ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ
1678 г и 1711 гг.²**

Переписная книга 1678 г.	Переписная книга 1711 г.
В той же улице по левой стороне	Улица Рощенская, от Новинской улицы идучи в город по левой стороне
Дв. посадского человека Федки Евтифеева сына Кумуги, у него сын Максимко 20 л. У него ж бобыль посадской Максимко Иванов сыни Фрянчиков , у него сын Ивашко 15 л.	Двор посадского человека Ивана Максимова сына Фрянчинова Двор посадского человека Матфея Михиева сына Глазунова Место дворовое посацкого человека Андрея Максимова сына Жельвунцова
Дв. посадского человека Дениска Полиехтова сына Солоденикова, у него сын Матюшка 20 л.	Двор посацкого человека Матвея Денисова
Дв. посадского человека Ивашка Филиппова, у него два брата – Илюшка 25 л., Васка 20 л. У Ивашка сын Федка 14 л.	Двор посацкого человека Федора Иванова сына Филиппова
Дв. посадского человека Андрюшки Данилова сына Серкова , у него сын Петрушка 2 л.	Двор посацкой вдовы Анны Васильевы дочери Андреевской жены Данилова сына Серкова
Дв. посадского человека Самсонка Ипатьева сына, у него три сына – Гришка 30 л., Федотка 20 л., Сашка 14 л.	Двор посацкого человека Алексея Иванова сына Швецова
Дв. посадского человека Гришки Михайлова сына Полова, у него два сына – Петрушка 13 л., Васка 25 л.	Двор посацкого человека Петра Григорьева сына Затвора

Таблица 2

ПРИМЕР СОПОСТАВЛЕНИЯ ПЕРЕПИСНЫХ КНИГ 1646, 1657, 1678 и 1711 гг.³

Переписная книга 1646 г.	Переписная книга 1657 г.	Переписная книга 1678 г.	Переписная книга 1711 г.
Дв. бобыля Стенки Лукьянова.	Во дворе Ивашко Степанов , ружья у него копье	Дв. Кирилловского дьякона Галактиона Михайлова сына, у него два сына – Митка 14 л., Федка 8 л.	Двор вдовой дьяконицы Ирины Григорьевы дочери Галахтионовской жены Игнатьева... тем двором владеет она после мужа своего по закладной кабале посадских людей Ивана да Никулы да Алексея Степановых детей Плотниковых с прошлого 7189 году
Дв. посадского человека Гришки Поликарпова сына Батракова		Дв. Кирилловского попа Дмитрия Алексеева сына, у него два сына – Васка 12 л., Мишка 4 л.	Двор посацкого человека Михаила Дмитриева сына Попова... тем двором владеет после отца своего по духовной вдовы Крестины Савиновы дочери Григорьевской жены Батракова , к艰苦 она дала отцу ево в прошлом 7179 году
Дв. посадского человека Гришки Незнаева зятем с Ивашком Михайловым	Во дворе Ивашко Михайлов , ружья у них по копью	Дв. вдовы посацкие Феклины Григорьевской дочери Ивановской жены Незнамово , у нее три сына – Якушко 25 л., Андрюшка 19 л., Алешка 17 л.	Двор посацкого человека Якова Иванова сына Незнамова ... тем двором владеет после деда и отца своего изстари по родству
Дв. посадского человека Ивашки Фомина	Во дворе Ивашко Самодуров , ружья у него пищаль	Дв. посадского человека Ивашка Фомина сына Самодура , у него сын Васка 25 л.	Двор посацкого человека Григорья Фомина сына Кормилцева... тем двором владеет по купчей 7192 году посадского человека Василья Иванова сына Самодурова
Дв. посадского человека Ларки Фомина	Во дворе Ларка Самодуров , ружья у него шпага	Дв. посадского человека Сенки Ларionова сына Самодурова , у него сын Мишка 3 л. У него ж посадский человек тесть ево Оска Прохоров сын, у него два сына – Матюшка 18 л., Митка 7 л.	Двор посацкого человека Семена Ларionова сына Самодурова ... По скаске ево тем двором владеет после деда и отца своего

² Полужирным выделены лица, упоминаемые в сопоставляемых кадастрах или их родственники.

³ Полужирным выделены лица, упоминаемые в сопоставляемых кадастрах или их родственники.

Из всей совокупности дворов, расположенных на Рощенской улице, удается выявить шесть дворов, находившихся в руках одних семей на протяжении всего XVII в. (Щукиных, Карзиних, Солодяниковых, Апраксиных, Мошонкиных и Хомутниковых). Еще несколько дворов, история которых прослеживается на протяжении XVII в., перешла к новым владельцам в результате браков. Несмотря на эти примеры, наблюдается большой разрыв между 1627 и 1646 гг. В книгах этих годов, за очень редким исключением, нет почти никакой преемственности по владельцам. Потом стабильность нарастает, и в целом с 1646 по 1711 г. удается проследить владельческую историю подавляющего большинства усадеб (более 80%).

В целом сплошная перекрестная проверка персонального и фамильного состава дворовладельцев в кадастрах XVII в. показывает высокую мобильность населения. Большинство дворов в тот или иной момент сменили владельца в результате продажи или других сделок. Для ряда дворов характерна крайняя неустойчивость населения (по источникам удается отследить смену 3–4-х владельцев, не являющихся кровными родственниками и наследниками). В Рощенье могли переселяться из других районов⁴, но есть примеры приобретения здесь дворов и жителями самой Рощенской улицы. Смена владельцев двора, судя по всему, могла быть связана не только с переселением в другой район. Значительное число сделок по продаже дворов заключалось вдовами, а покупателями выступают торговые люди, для которых приобретаемая усадьба становилась инвестицией в недвижимость. Например, крупнейший вологодский предприниматель 1670-х гг., зачисленный в привилегированную корпорацию гостей, Гаврила Фетиев, владел на вологодском посаде почти тремя десятками дворов [17]. На следующий год после смерти Фетиева на вологодском посаде начал приобретать недвижимость один из представителей купеческой семьи Чадовых – Петр. За 1684–1707 гг. через его руки прошло не менее 28 дворов и земельных участков [10]. Сохранившиеся документы позволяют проследить непростую владельческую судьбу некоторых дворовладений на Рощенской улице. В архиве Соловецкого монастыря сохранилась купчая Ивана Сорокина на двор «на посаде в Кириловском сороку в Рощенской улице», составленная 30 июня 1675 г. [21]. Продавцом выступил «вологжанин, посадской человек Дмитревского сорока» Иван Исаков. По переписной 1646 г., усадьбой в этом месте владела Онтонида, вдова Калины Павлова. Иван Исаков, по переписной 1646 г., жил в другом районе и, кроме того, имел еще два двора на других улицах [18, с. 23, 12, 28]. Таким образом, купчая 1675 г. дает информацию о двух сделках на двор, сначала переданный от вдовы к Ивану Исакову, а затем проданный Ивану Сорокину. Однако 14 августа следующего 1676 г. датируется еще одна купчая на этот двор [22]. Здесь продавцом выступил Василий Иванов сын Сорокин (очевидно, сын Ивана Сорокина, купившего усадьбу в 1675 г.), а покупателем – Иван Семенов сын Колашников. В переписной книге 1678 г. владельцем этого двора показан Ивашка Семенов сын Бояткова, очевидно, тождественный Ивану Семенову с. Колашникову [18, с. 99].

⁴ Например, в 1678 г. одним из дворов владел Иван Артемьев с. Пятышев. Родовой двор его семьи располагался на Троицкой улице, здесь же Пятышевы владели несколькими дворами в 1646, 1678, 1687 гг. [18, с. 53, 54, 101, 135, 256].

Еще более показателен пример с огородным местом на Козленской улице, которое в 1647/48 г. Анисим Хлебников заложил Григорию Мануйлову, в 1649/50 г. Мануйлов перезаложил его Леонтию Протопопову. В 1671/72 г. сын Леонтия Ганка Протопопов заложил огородное место Кириллу Борисову, а в 1673/74 г. поступил им. В 1687 г. вдова и сын Борисова продали его племяннику Ивану Михайлову с. Борисову, а в 1719 г. Иван Борисов продал этот огород иноземцу Андрею Гутману [26].

Усадьбы 1627 г., которые удается связать с дворами по переписной 1646 г. (их на Рощенской улице всего 18), дают надежные ориентиры для оценки изменений в топографии и числа усадеб на протяжении всей улицы в 1627 и 1646 гг. Благодаря этому выясняется, что одной усадьбе 1627 г. соответствует 2–3 двора переписных книг 1646–1711 гг. Подтверждает это наблюдение и сопоставление ширины дворов, которые указаны в писцовой 1627 г. и переписной 1711 г. (табл. 3). Размеры дворов 1711 г. вполне точно складываются в ширину дворов, указанную в писцовой 1627 г. Например, ширина двора Владимира де Юнга (11 саж.) практически соответствует ширине двора Ермолки да Рычка Ивановых (10 саж.). Соседний двор Федыки Ерофеева, да Первушки Тестова, да Терешки Федотова сына Прядильщика (15 саж.) уже к 1646 г. был разделен на 3, а в 1711 г. общая ширина этих дворов составляла 16 саж. Следующий двор, принадлежавший Якушке Тимофееву сыну Щуки и Сенке Павлову (12,5 саж.), к 1646 г. был разделен на два, общая ширина которых в 1711 г. составляла немногим более 12 саж. Большинство остальных усадеб на Рощенской улице подверглись аналогичной трансформации. Нетрудно заметить, что в писцовой 1627 г. во дворе во многих случаях показано несколько совладельцев, а уже к 1646 г. такая усадьба разделяется, как правило, именно на такое же количество дворов, и в дальнейшем их число на улице остается стабильным. Скорее всего, и писцовая 1627 г. фиксировала не реальное совместное проживание нескольких семей в границах одной усадьбы, а некую формальность, созданную именно для писцов⁵, тем более что в дозорной книге 1617 г. указано, что все эти посадские люди живут в своих отдельных дворах.

Интересные сведения содержатся в судном деле 1690 г. по поводу размеров огородного места подьячего Ивана Борисова [26]. Это огородное место на Козленской улице шириной 25 саженей граничило с огородами восьми жителей Рощенской улицы. Для выяснения владельческих прав участников разбирательства потребовалось обращение к писцовой книге 1626–28 гг., однако только двое из восьми привлеченных к ответу жителей Рощенья смогли указать на владельцев соответствующих дворов по писцовой 1626–28 гг. Тем не менее, в материалах судного дела содержится крайне важные для нас сведения о размерах дворов этих восьми жителей Рощенья, в том числе и о ширине⁶, что позволяет найти эти дворы в переписной книге 1711 г. и сравнить данные о ширине дворов в этих двух источниках (табл. 4).

⁵ Следовательно, видеть в характерной именно для вологодской писцовой книги 1626–28 гг. ситуации совместного проживания двух или более тяглецов или бобылей отражение какой-то социальной ситуации [7], скорее всего, некорректно.

⁶ Длина огородов по результатам разбирательства была уменьшена в пользу огородного места подьячего Ивана Борисова и не дает сопоставимых данных.

Таблица 3

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ШИРИНЫ УСАДЕБ В РОЩЕНСКОЙ УЛИЦЕ
в 1627 и 1711 гг.**

Дворы по писцовой 1627 г.	Ширина двора в 1627 г.	Ширина двора в 1711 г.	Дворы по переписной 1711 г.
Д. тяглой мясников Ермолки да Рычка Ивановых	10	11	Двор Галанской земли иноземца Володимера де-Юнга
Д. бобылей Федьки Ерофеева да Первушки Тестова да Терешки Федотова сына Прядильщика	15	6	Афонасий Иванов с. и его племянник Матвей Гаврилов Кузнецовы
		5	Двор посацкого человека Ивана Павлова сына Большого Свешникова
		5	Двор посацкого человека Прокофья Тимофеева сына Щукина
Д. тяглой солодянина Якушка Тимофеева сына Щуки да Сенки Павлова	12,5	5	Двор посацкого человека Ивана Петрова сына Щукина
		6	Двор посацкого человека Ивана Федорова сына Дьякова
Д. бобылей Офонки Иванова сына Лапотника да Куземки Федотова сына Судоплаты да Федки Григорьева сына Щепетника	13,5	4,5	Двор посацкого человека Гаврила Данилова
		4	Двор посацкого человека Ивана Дмитриева сына Карзина
		4,5	Двор пуст вологжанки посацкой вдовы Ирины Пиминовых дочери Ивановской жены Петрова сына Киселева
Д. тяглой мясников Тренки Кондратьева сына Пустохина да Завьялка Тихонова	17,5	6	Двор посацкого человека Андрея Стакина сына Шапошникова
		9	Двор посацкого человека Андрея Борисова сына Плотникова
Д. Феоктистка Васильева да Евсевейка Подъемщика	14	4	Двор посацкой вдовы Параксовой Козмины дочери Ивановские жены Васильева сына Корягина
		4	Двор посацкого человека Ивана Васильева сына Татарина (внук Феоктиста Васильева)
Д. Жданка Елизарьяева каменщика	5	8	Двор посацкого человека Степана Андреева сына Опраксина
Д. каменщика Васки Медведева	8	2	Двор посацкого человека Алексея Тимофеева сына Щукина
		4	Двор посацкого человека Федора Никитина сына Извощикова
Д. бобылей Неведалка Васильева да Тренки Красильника	15	3	дьякон Козьма Федоров
		3	Двор Офимы Федотовской ж. Оглоблина
		3	Двор Офимы Михайловой ж. Сергеева Фуглова
		3	Двор Спаса на Лому
М. дворовое Дружинки Яковлева	3,5	4,5	Двор Ивана Захарова сына Красильника
Д. вдовы Марьицы Васильевы жены Носкова	7	6	Двор Обросима Ларионова сына Самодурова

Таблица 4

**СРАВНЕНИЕ ШИРИНЫ УСАДЕБ В РОЩЕНСКОЙ УЛИЦЕ
ПО СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ 1690 г. И ПЕРЕПИСНОЙ КНИГЕ 1711 г.**

Дворовладельцы в 1690 г.	Ширина двора в 1690 г.		Ширина двора в 1711 г.		Дворовладельцы по переписной 1711 г.
	саж.	арш.	саж.	арш.	
Ирина Дмитриева жена Щукина	4	0,25	4		Осип Дмитриев с. Щукин
Федька Тимофеев	4	0,875	3	2,75	Федор Тимофеев Холщухин
Самсон Чернобаев	3	0,875	3	0,75	Параксюя Федорова дочь, Самсонова жена Плотникова
Якушка Никонов	3	2,25	3	2,5	Иван Яковлев с. Прелов
Алена Иванова жена Жукова	6	2,25	6	1	Алена Федорова Иванова жена Жукова
Ирина Андреева жена Голыгина	6	2,25	6	2,75	Кирил Петров с. Киселев
Федот Поликарпов	4	2,5	4	2,25	Афанасий Петров с. Шубников
Потап Арменинов	7	1,25	7	1	Анна Карпова Козьмина жена Жижкина
Итого:	49,5		49		

Как видим, в целом ширина дворов в обоих источниках очень близка, но ни в одном из восьми случаев полного совпадения не обнаруживается, и общее расхождение достигает полсажени (порядка 1%). Собственно, данный случай подтверждает сделанное выше наблюдение при сравнении ширины дворов по книгам 1627 и 1711 гг., когда оказывается, что размеры подавляющего большинства дворов 1711 г. немногого не укладываются в размеры дворов 1627 г. Получается разница (в большую или меньшую сторону) до 2 метров. Такая ситуация могла возникать как от неточности измерений при проведении описаний, так и в результате изменения границ участков. Во всяком случае, по материалам археологических раскопок, проведенных в границах города-крепости Ивана Грозного, перемещение межусадебных частоколов на 1–2 м на протяжении XV–XVII вв. прослежено неоднократно [8].

Подвижность межусадебных ограждений дворов (частоколы-тыны, заборы-заплоты), хозяйственных и «огородных» участков (изгороди, заметы) фиксировалась археологами во многих городах, особенно на поселениях с влажным культурным слоем, например в Новгороде и Пскове, где при общей стабильности усадебных границ внутренняя планировка дворов с течением времени существенно менялась. Возникали внутридворовые границы, дробящие усадьбу на части, и появлялись самостоятельные хозяйства, которые можно сравнить с «полудворами» писцовых книг XVI века; также зафиксированы факты объединения соседних дворовых участков в одну большую усадьбу [27; 14]. Похожая картина была прослежена при археологическом изучении отдельных участков в границах вологодской крепости XVI, особенно в раскопах, прилегающих к Кремлевской площади (рис. 2).

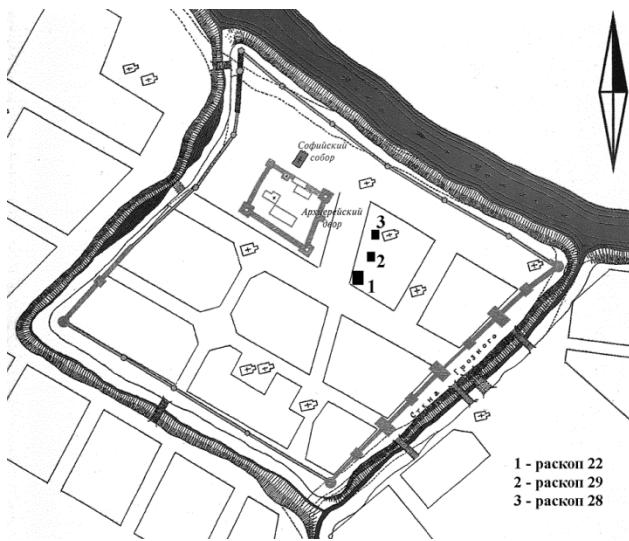

Рис. 2. Расположение раскопов в границах вологодской крепости XVI века. Карта-схема

В ходе работы выявлено несколько относительно крупных усадеб, существовавших в разные периоды вологодской истории, начиная с XIV века до середины XVIII вв. В силу охранного характера работ ни одна из выявленных усадеб не была раскопана полностью [3; 4; 15].

В юго-западной части раскопа 28 (Торговая пл., 15, работы 2011 г.) (рис. 3), на глубине 1,6–1,9 м от современной поверхности, была выявлена обнесенная частоколом небольшая усадьба с остатками срубной постройки. В процессе расчистки прослежены параллельные частокольные канавки, указывающие на изменение площади дворового участка за счет смещения межусадебной границы на 1,5–2 м (рис. 4).

Рис. 3. Место раскопа 28 на Торговой площади, 15 (открытка, тиражное издание начала XX в.)

Рис. 4. Раскоп 28 на Торговой площади, 15. Расчистка усадьбы XIV века с остатками частоколов (работы А.Ю. Кашицова и И.В. Папина, 2011 г.)

Дендроспилы (десять образцов), взятые с наибольшего позднего частокола, были датированы в хронологическом диапазоне 1390–1406 гг.⁷

В раскопе 22 (пр. Победы, 20/Кремлевская пл. 2) (рис. 5), на глубине 2,8 м от современной поверхности, выявлены четыре усадьбы «догрозненского» времени, существование которых относится к концу XV – первой половине XVI вв. (рис. 6).

Дендрохронологическое определение бревен (16 дендрообразцов) крупной хозяйственной постройки 10 в усадьбе 3 показало, что они были срублены в 1478–1494 гг. В усадьбе 2 датирован столб у входа в жилую постройку (№ 13) – 1486 годом, восемь бревен поздней пристройки (№ 5а) к жилому срубу – 1498–

⁷ Определение А.А. Карпухина, лаборатория естественнонаучных методов ИА РАН.

1505 годами, а также бревно вторичного использования из крылечка – 1496 годом⁸.

Рис. 5. Место раскопов 22 и 29 на Кремлевской площади (фото 1860-х гг. из собрания ВГИАХМЗ; ВОКМ 694-197)

Рис. 6. Раскоп 22 на пр. Победы, 20.
Расчистка дворов-усадеб «догрогзненского» времени
(работы Л.С. Андриановой, 2007 г.)

Усадьбы были разделены частоколами, на внутридворовой территории сохранились настилы, вымостки, жилые и хозяйственные постройки (хлев, амбар, загон, ледник, пристройки-мастерские) [3]. Все усадьбы раскопаны частично, поэтому полные размеры дворовой территории установить не удалось, прослежена лишь ширина двух усадеб: 11 м (усадьба № 2) и 8 м (усадьба № 3). Под отдельными постройками зафиксированы частокольные канавки и остатки срубленных вровень с землей частоколов, говорящих об периодических изменениях границ усадеб. Зафиксировано также объединение двух дворов-усадеб: к пристройке жилого дома усадьбы № 2 был сделан еще один хозяйственный прируб, часть которого расположилась поверх частокола, разделявшего вторую и третью усадьбу (рис. 7).

Сам частокол, возможно, частично был сохранен в качестве внутреннего, на что указывают сделанные в нем проходы. Длину усадебных участков выяснить

не удалось, но, по данным писцовых книг XVII вв., она могла достигать 100–150 м.

Рис. 7. Раскоп 22 на пр. Победы, 20.
Свидетельство изменения границ усадьбы № 2
(второй строительный горизонт)

Подобная картина была прослежена в раскопе 29 (Кремлевская площадь, 8а) в строительных горизонтах второй половины XVII века, где было зафиксировано расширение усадебного участка и перестройка жилого дома, в результате чего новый жилой сруб (постройка № 3), положенный на нижние венцы старого дома (сруб № 4) оказался поверх прежнего частокола [5, с. 214] (рис. 8).

Рис. 8. Раскоп 29 на Кремлевской пл., 8а.
Свидетельство расширения границ усадьбы
первой половины XVII века
(работы Л.С. Андриановой 2011 г.)

В этом же раскопе, в культурных напластованиях XV–XVI вв., были прослежены постоянно меняющиеся границы участков, предназначенных для хозяйственного использования и сельских работ (выгоны, загоны, огороды, «косебные места»). В нижней части культурного слоя зафиксированы многочисленные остатки разнонаправленных частоколов, частокольных канавок, а также остатки заборов-заметов и иных ограждений, свидетельствующих о неоднократном изменении конфигурации и площади частных владений.

⁸ Определение А.А. Карпухина, лаборатория естественнонаучных методов ИА РАН.

Правильность осуществленной реконструкции дворовладения на Рощенской лице в XVII – начале XVIII вв. подтверждается тем, что длина улицы, по Переписной книге 1711 г. (получаемая при сложении ширины дворов) – 570 м, совпадает с реальным расстоянием между Кирилловской и Предтеченской церквами (точнее между их оградами). Кроме того, визуальное представление о планировке Рощенской улицы можно получить по первому регулярному плану г. Вологды 1780 г. [23]. На нем отмечены границы участков, существовавших на тот момент, в том числе и на Рощенской улице, причем соотношение их ширины в сравнении друг с другом вполне соответствует их ширине, указанной в переписной книге 1711 г., а значит, подтверждается наблюдение о достаточно высокой преемственности не только городской топографии в целом, но и сохранении вплоть до конца XVIII в. общей планировки отдельных усадеб, что дает возможность использовать планы города конца XVIII в. для ретроспективного изучения городской топографии XVI–XVII вв.

Если суммировать сделанные выше наблюдения, то получается, что горожане переселялись как в пределах одной улицы, так и из других районов города; примеров дробления родового двора крайне мало (в масштабах города удалось выявить всего несколько); размеры усадеб оставались стабильными на протяжении всего XVII века и, скорее всего, установились в более ранний период. Хотя в писцовых описаниях прямо не говорится о дроблении дворов, указание на их размеры в 1627 и в 1711 гг. свидетельствует, что из двора 1627 г. к 1711 г. в среднем юридически выделилось 2–3 (хотя физически «малые» дворы существовали уже в XVI в. и, судя по археологическим данным, даже в конце XIV–XV в.). Следовательно, городской тип застройки и планировки улиц (с узкой частью усадьбы, выходящей лицом на улицу и длинной частью, уходящей вглубь квартала) был характерен даже для окраинных районов Вологды в XIV–XV в. Выявленные закономерности хотя и видны наиболее рельефно на примере Рощенской улицы, но типичны и для остальной территории города.

Литература

1. Адаменко, О. Н. Каменье в городе Вологде: результаты историко-археологических изысканий / О. Н. Адаменко // Некрасовские чтения : материалы III Всероссийской научной конференции (памяти доктора исторических наук, профессора Ю. К. Некрасова). – Вологда : ВоГУ, 2017. – С. 163–167.

2. Адаменко, О. Н. Формирование территории Заречной части города Вологды в XV–XVII веках: результаты историко-археологических исследований / О. Н. Адаменко // Управление социально-экономическим развитием территории: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы : материалы научно-практической конференции (Вологда, 26 декабря 2016 г.). – Вологда : ВоГУ, 2017. – С. 5–14.

3. Андрианова, Л. С. К вопросу о начальном освоении исторического центра Вологды (по материалам раскопок 2007 года на проспекте Победы, 20) / Л. С. Андрианова // Русский Север: вариативность в контексте исторического и социально-философского осмысления. Ч. 1. – Вологда, 2008. – С. 3–9.

4. Андрианова, Л. С. Охранные работы в исторической части города Вологды в 2011 году / Л. С. Андрианова // Археология Севера : материалы V археологических чтений памяти Еремеева С. Т. Вып. 5. – Череповец, 2012. – С. 200–217.

5. Андрианова, Л. С. Археологические раскопки на Кремлевской площади города Вологды / Л. С. Андрианова // Труды IV (ХХ) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. – Казань, 2014. – С. 214.

6. Андрианова, Л. С. К вопросу о формировании городской территории Вологды в XVII–XIX вв. по результатам историко-археологических исследований / Л. С. Андрианова, А. Н. Гуслистова // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века : материалы Международной научной конференции. – Москва, 2018. – С. 8–10.

7. Булгаков, М. Б. Общежитие посадских людей Вологды по писцовой книге 1627/28 г. / М. Б. Булгаков // Проблемы исторической географии и демографии России. – Москва, 2013. – Вып. 2. – С. 232–245.

8. В глубину веков: очерки вологодской археологии. – Вологда : Древности Севера, 2016. – 135 с.

9. Грязнов, А. Л. Население Рощенской улицы Вологды в XVII – начале XVIII в. / А. Л. Грязнов // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. – Москва : МГУ, 2019. – С. 217–221.

10. Гуслистова, А. Н. Коммерческое дворовладение Чадовых в Вологде (по переписной книге 1711 г.) / А. Н. Гуслистова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. – Москва : РГГУ, 2013. – С. 285.

11. Гуслистова, А. Н. Немецкая слобода: дворы иностранных купцов в Вологде в XVII – начале XVIII в. / А. Н. Гуслистова // Чтения к 80-летию со дня рождения д. и. н., профессора Ю. К. Некрасова (1935–2006) : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Вологда : ВоГУ, 2016. – С. 86–89.

12. Гуслистова, А. Н. Петровская улица г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: история и реконструкция / А. Н. Гуслистова // Некрасовские чтения : материалы III Всероссийской научной конференции (памяти доктора исторических наук, профессора Ю. К. Некрасова). – Вологда : ВоГУ, 2017. – С. 114–119.

13. Захаров, В. Н. Иностранные купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII в. / В. Н. Захаров, М. С. Черкасова // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда : Легия, 2000. – С. 97–132.

14. Королева, Э. В. К вопросу о дворах в средневековом Пскове / Э. В. Королева, Б. Н. Харлашов // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. – Псков, 1994. – С. 94–95.

15. Краткий отчет о выполнении НИР в области археологии по договору № 162а от 22.04.2011 г. «Археологические исследования (раскопки) на территории г. Вологды на участке по адресу: Торговая пл., 15: отчет о НИР (закл.) / НП «Древности Севера»; руководитель Кашинцев А. Ю. – Вологда, 2011.

16. Кукушкин, И. П. Вологодская крепость / И. П. Кукушкин. – Вологда : Древности Севера, 2018. – 199 с.

17. Малинина, Н. Н. Торговые люди и православная церковь в XVII в. (по архиву вологодского гостя Г. М. Фетиева) / Н. Н. Малинина, М. С. Черкасова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2016. – № 4 (16). – С. 84–152.

18. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 1. – Москва : Кругль, 2008. – 391 с.

19. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 2. – Москва : Кругль, 2008. – 398 с.

20. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Т. 3. – Вологда : Древности Севера, 2018. – 390 с.
21. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Ед. хр. 173.
22. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 3. Ед. хр. 174.
23. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Вологодская губ. Д. 7. Л. 1.
24. Скупинова, Е. А. Историческая топография Вологды в границах крепости XVI века / Е. А. Скупинова // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности : материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 12 декабря 2018 г. – Вологда : ООО «Маркер», 2018. – С. 172–174.
25. Черкасова, М. С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII – начале XVIII века / М. С. Черкасова // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. – Вологда : Книжное наследие, 2002. – С. 327–339.
26. Черкасова, М. С. Вологда в период Петровских реформ: сборник документов и материалов / М. С. Черкасова, А. Н. Гуслистова – Вологда : Древности Севера, 2007. – С. 62–72.
27. Янин, В. Л. Итоги и перспективы новгородской археологии / В. Л. Янин, Б. А. Колчин // Археологическое изучение Новгорода. – Москва : Наука, 1978. – С. 39–41.

L.S. Andrianova, A.L. Gryaznov

HOMESTEADS IN VOLOGDA IN THE 15th – EARLY 18th CENTURIES

The paper represents the first results of town topography reconstruction of Vologda on the example of Roshchenskaya Street, which was a typical living area with predominantly town population in the Late Middle Ages. The analysis of the cadastres of the 17th-18th centuries was carried out with the use of act materials and archaeological data. The researchers traced the town homesteads transformation and presented preliminary findings on the reasons for population changes in this area during two centuries.

Late Middle Ages, Modern history, Vologda, historical topography, Roshchenskaya Street, homestead.

A.B. Богатырев
Тольятти

«МУДРОСТИЮ И РАЗУМОМ»: РУССКИЙ ДИПЛОМАТ XVII В. ОБ «ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ» И ПРОТИВОСТОЯНИИ ЕЙ

Находясь в заграничной поездке, московский посланник В. Тяпкин изучает роль информационного воздействия в политической борьбе, выясняет некоторые нюансы использования на Западе «политтехнологий», высказывается за более активное применение «мягкого давления», в какой-то мере предвосхищая внешнеполитические взгляды российских политиков XXI в.

Внешняя политика, «мягкая сила», политическая пропаганда, XVII столетие, Московское царство, Речь Посполитая, архивные источники, В. Тяпкин.

Инструменты агитации, внешнеполитической пропаганды используются в международных отношениях все чаще, и нередко объектом атаки становится Россия. «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2016 г.) гласит: «...Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам..., исходящим из информационного пространства...» [5]. Историческая наука предостерегает от проведения «временных» параллелей, но сложно не заметить – похожие вопросы занимали умы российских дипломатов уже несколько веков назад. Следует коснуться сокровищницы нашей истории, актуализировать накопленный опыт противостояния агрессивным действиям враждебных сил.

Бытует мнение, что наиболее ранние попытки обращения российского правительства к использованию отдельных сторон «мягкой силы» становятся заметны при Петре I [1]. Архивные материалы не позволяют с этим полностью согласиться. Считается, первым о «скоординированном» наступлении недружественных к Российскому государству стран предупреждал еще Василий Тяпкин, московский резидент в Речи Посполитой в 1674–1677 гг. [16, с. 84]. Взволнованные ростом влияния Московии, прежде всего Швеция, Франция, Османская империя и втянутый в орбиту их отношений польский король Ян III Собеский, как известно, оказались в открытой или неявной оппозиции к ней.

Не станем вдаваться в подробности этого конфликта. Для нас в данном случае значимо другое – одной из главных «наступательных технологий» вновь стало давно уже опробованное на Западе орудие пропаганды, действенность агитационных ресурсов в политической (внешнеполитической) игре была оценена Тяпкиным по достоинству. Его нельзя считать в дипломатии человеком новым, акции резидента не раз попадали в поле зрения историков (свежий пример: [18]), но в данном «преломлении» исследовались мало.

«Московит» наблюдал и в своих отписках в Посольский приказ, ведавший внешней политикой России, прояснял малоизвестные россиянам-современникам аспекты внешнеполитической активности, просвещая «начальных людей» Руси на самых разных направлениях [2]. «Резидентство» было для нас тогда делом неосвоенным, при этом длительное нахождение вне пределов родного государства позволило более пристально понаблюдать за явлениями заграничной жизни, в том числе и в области международных контактов. Тяпкин увидел настоящую «информационную войну», развернутую в отношении Московского царства, особо упомянув: «...Не токмо сильный силою воюет, но и мудрый мудростию и разумом...» [12, л. 544–544 об.]. Весьма созвучно положению «Концепции» 2016 г. «наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как... информационные...» [5].

Замечание Тяпкина нуждается в комментарии, ведь информационные «козни» со стороны Запада не были для России новостью. В 1650 г. Москва требовала от Речи Посполитой уничтожения порочащих честь и достоинство российского самодержца книг. А в 1655 г. фигурирует протест против изданных в Ревеле материалов, рисовавших неприглядный портрет государя Московии [8, с. 261]. Позднее репрезентант России в Амстердаме Иван Гебдон-старший жаловался на однобокость освещения «прессой» русско-польского военного противостояния, отмечая, что широко распространяется польская точка зрения. Ссылку Гебдона с Москвой признают за одно из доказательств «информационной войны», подкрепляя утверждение фрагментом переписки, из которого это прямо не следует – речь идет лишь о подмене вестей на выгодные представителям российской власти [6, с. 355–356]. Именно в трактовке Тяпкина интеллектуальный, информационный ресурс предстает конкретно в военном ключе со всеми вытекающими последствиями.

В отличие от Гебдона, который находился далеко от польских дел, резидент, служа в Речи Посполитой,

смог лично и подробно познакомиться с премудростями и тонкостями организации информационного давления. Одной из разновидностей подобных атак была дезинформация. Политические партии Польско-Литовского государства вели информационную борьбу столь ожесточенно, что московский резидент отчаялся распознать хотя бы крупицу истины: «А бог весть все ли правда, или нет» [10, л. 127]. Он видел, как с помощью откровенно лживых и непроверенных данных создавалась напряженная политическая обстановка, происходила манипуляция мнениями в интересах некоторых групп: «...Поляки... отнюдь... не хотят праведного союза и святого покою с государством Московским, но наипаче злохитную[т] и... поощряют на злые поступки против государства Московского...» [10, л. 85].

В рядах «агентов влияния» значился польский резидент Павел Михал Свидерский. О его деятельности уже писалось [14, с. 485], он неустанно отправлял жалобы на «обиды», которые якобы терпел при дворе московского властелина. «...Безпрестанно пишет противности святому союзу...» [10, л. 144], – заклеймил его московский дипломат. Тяпкин не раз ловил поляка на лжи, получив официальные документы из Москвы со свидетельствами достойного уровня проживания польского представителя в столице [9, л. 23–23 об.].

Приемы пропаганды и частично дезинформации, похожие на уже перечисленные, использовались у нас в делах внешнеполитических при царе Федоре Алексеевиче (80-е гг. XVII в.) [4, с. 29]. Конечно, известно о них было гораздо раньше. Вот Тяпкин приводит пример подобной «информационной бомбы», к которому всколызь притронулся один из современных авторов [17, с. 70], зафиксировав параллельное бытование противоречивых ведомостей: «...Писал резидент цесарского величества... Римского (Священной Римской империи. – А. Б.) из Датские земли, ис Копнагава (Копенгагена. – А. Б.), к резиденту своему товаришу, объявляючи великую битву датских Немцов с свийскими, которая была в нынешнем во 1676-м году декабря... зело крепка, где на обе стороны много... ратных людей побито.

А хотя описует, что свейских большая половина... побита, и трех у них генералов и многих начальных людей в полон датчаня побрали. Однако ж и то пишет, что полевую победу одержали шведы, и знамена и пушки, и весь наряд и возы со многою казною, и запасы отгромили и город свой, которой был в крепкой осаде от датских Немцов очистили и запасами ево всякими наполнили...» [13, л. 15–16]. Каждая сторона, естественно, пыталась выставить описанное событие – с военной точки зрения важный эпизод датско-шведского конфликта (фрагмент более крупной Голландской войны) сражение при Лунде 4 декабря 1676 г. – в выгодном для себя свете.

Чтобы воспрепятствовать пересылке точных вестей, намеренно создавался информационный вакуум. Действовали грубо, стремились не допустить своевременного получения депеш Тяпкина через почтовое сообщение, для чего перехватывались письма, иной раз о времени отправления почты просто умалчивалось. Об этом писалось в литературе (до револю-

ции упоминал, например, С.М. Соловьев [15, с. 490]), но есть еще несколько яких зарисовок на эту тему. «...Нам не сказали, потому и писем через ту почту не было от меня...» [3, с. 71], – оправдывался «московит». Резиденту пришлось просить об информировании относительно почтовых отправлений отдельно: «...И я о том говорил референдарию (должностное лицо. – А. Б.) литовскому, чтоб впредь таких нарочных почт от нас не таили, и впредь про них нам сказывали...» [3, с. 71].

Многое в описанном случае выглядит наивно, но с подобным россиянин столкнулся впервые – почтовое сообщение наладили сравнительно недавно, проходила его апробация в плоскости дипломатической. Тревоги Тяпкина были небеспочвенны: часть документов московского посланника государственной важности таким образом была элементарно потеряна [10, л. 37 об.].

Особый случай составляют агитационные материалы, содержащие порочащую ту или иную сторону информацию. Тяпкин, как видим, включился в постепенно набиравший обороты процесс борьбы Москвы с антироссийскей агитацией в европейской печати. Но только наш резидент, благодаря своему положению, смог увидеть эту пропагандистскую «кухню» изнутри. Как образец такого «политвторчества» с польской стороны чаще всего вспоминают «Музу» – литературный сборник, в котором наблюдают оскорбительные для Московии и ее государя выпады [7, с. 92–95]. Заметив это, Тяпкин поспешил переслать книгу в Россию. Но были и другие казусы, резидент не раз подчеркивал, что в Речи Посполитой и за ее пределами распространяются «возводящие хулу» на Московское царство слухи: «Да... от пристава слышу, что многие злословят на государство Московское...» [10, л. 86 об.].

Из докладов Тяпкина явствует, что агитация велась через печатные издания, различные письма. Резидент напомнил московскому правительству некоторые каналы распространения провокационных сведений. Один из них – «друкарни», печатни. Посредством печатных изданий привычно решались политические задачи и поляками, и иноземцами: «...Цесарской резидент печатное писмо о князе лоторинском падкинул, в котором паче всех иных государей угоднейшаго к королевствованию над поляки лоторинчика вызвалляет...» [9, л. 145 об.].

«Московит», как уже было сказано, сам переправлял начальству показательные экземпляры пропагандистских «куловок» жителей Речи Посполитой, например, «Глас отчизны», содержащий оскорблении и различные обвинения в адрес Яна III. Тяпкин недоумевал – «...нетрудно полским народом и о своем государе яко из волных уст испущати как добрые, так и злые гласа и повести...» [10, л. 178 об.]. После выхода из печати «злокозненные» сочинения распространялись – «клевещут и разсеивают в народе» [11, л. 87 об.].

Тяпкин, как и некоторые его соотечественники, полностью осознавал всю силу подобных «черных» приемов и их опасность для России, ее внешнеполитического образа. Он непосредственно наблюдал запускаемый ими разрушительный механизм, предостерегая царский двор: вражеские наветы имели непри-

ятное воздействие, настраивали польско-литовские круги, которые еще могли содействовать переговорам между странами, против России. «...А про то уже все сенаторы и сам королевское величество (Ян III – А. Б.) ведает...» [10, л. 144], – докладывал Тяпкин об инсинациях Свидерского.

Резидент не только держал Москву в курсе приемов политической игры, но и давал советы, какими мерами противостоять таким действиям. По нынешним меркам (да и в свете накопленных Посольским приказом данных) они кажутся довольно бесхитростными. Тем не менее, царский представитель, судя по всему, верил в значимость отправляемых в Москву «наставлений». Причем между ними были структурированные, логично выстроенные и ясно изложенные своего рода «пункты». Прежде всего, всяческие «многохульные» пополнования следует решительно пресекать – «...объявить..., что с стороны их полской оглашают и укоряют великою грубою, и пишут на весь свет... неправду...» [10, л. 80]. Иными словами, «...Россия добивается объективного восприятия ее в мире...» [5].

Также дипломат напирал на необходимость личного участия в крупных государственных событиях, не доверяя информации «вторичного» характера: «...А когда бы я был при боку королевского величества..., тогда бы я о всяких делах мог писать прямую правду..., поступки бы их всякие имел пред очима своими, и ведал о всем подлинно, а наипаче достоверно мог видеть и правду разуметь...» [10, л. 127–127 об.]. Тут пришлось выдержать сопротивление со стороны недружелюбно настроенных политических группировок Речи Посполитой. «...Велено крепко за мною подматривать, и варту отят (сопровождение. – А. Б.) приставили..., будто для обыклье учтивости, а втайне приказано им накрепко, чтоб сказывали, что у меня бывает, или куды езжу, и с кем знаемоту и дружбу имею...» [10, л. 86], – наталкиваемся у резидента.

В контрпропагандистских «рецептах» Тяпкин совершенно очевидно апеллировал к уже имеющемуся мировому опыту, предлагая бить врага его же оружием и огласить официальное опровержение всем не-праведным наветам, растиражировав его среди шляхты (для пущего эффекта на весьма многолюдном мероприятии – коронации Яна III в 1676 г.): «...Еще, государь, надобно... [с] таким вышепомянутым обличением на них и на коронацию послов прислать, и те речи на коронации во всемножественное собрание народов полских, а наипаче послом поветовым и иноzemцом то обличение на них на писме... разгласить...» [10, л. 87]. Итак, в «арсенале» «информационной войны» России и Речи Посполитой имелись средства и помимо публикаций в периодических изданиях [6, с. 364].

Отстаивая тезис о решительном отпоре, Тяпкин не открывал Америку – сталкиваясь с антироссийскими выпадами западных государств на протяжении всего XVII столетия, московское руководство не раз выражало на дипломатическом уровне протест [8, с. 261]. Однако в данном случае говорится о гораздо более широком «разглашении», без ограничения только печатной продукцией. Московское правительство должно настойчивее продвигать собственные интересы, нужно держать удар и после завершения

активных боевых действий. Важно, что в донесениях Тяпкина абсолютно четко, без необходимости домысливать, мы видим отношение к информационному фактору как к одному из инструментов ведения войны. Так совершались первые шаги к выработке стратегии «информационной обороны» Российского государства, а в более долгосрочной перспективе – и «Концепции внешней политики» 2016 г.

Литература

1. Астахов, Е. М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «Мягкой силы» / Е. М. Астахов. – Текст : электронный // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 34 (1). – С. 45–53. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-zametki-o-nekotoryh-aspektah-myagkoj-sily> (дата обращения : 20.11.19).
2. Богатырев, А. В. К предыстории нововведений в российском погребальном церемониале (В. М. Тяпкин на похоронах Яна II Казимира и Михаила Вишневецкого) / А. В. Богатырев // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2019. – № 1–2, Т. 14. – С. 7–22.
3. Богатырев, А. В. Об использовании почты русским резидентом в Речи Посполитой В. М. Тяпкиным / А. В. Богатырев // Будущее нашего прошлого-5: история как коммуникативный проект : материалы международной научной конференции. 14 ноября 2019 г. – Москва : РГГУ, 2019. – С. 68–76.
4. Богданов, А. П. Внешняя политика России и европейская печать (1672–1689 гг.) / А. П. Богданов // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 26–46.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). – URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 20.11.19). – Текст : электронный.
6. Кроль, П. Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа / П. Кроль, А. В. Малов, С. М. Шамин // Slovène. – 2019. – Vol. 8, № 2. – С. 350–376.
7. Николаев, С. И. От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX вв. / С. И. Николаев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2004. – 264 с.
8. Потемкин, В. П. История дипломатии / В. П. Потемкин. – Москва : Директ-Медиа, 2015. – Т. 1. – 543 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79 (Сношения с Польшей). Оп. 1. Д. 160.
10. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 163.
11. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164.
12. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 166.
13. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 182.
14. Соболева, Т. А. История шифровального дела в России / Т. А. Соболева. – Москва : Олма-Пресс, 2002. – 511 с.
15. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – Москва : Мысль, 1991. – Кн. 6, Т. 11–12. – 671 с.
16. Уткин, А. И. Вызов Запада и ответ России / А. И. Уткин. – Москва : Алгоритм, 2002. – 539 с.
17. Флоря, Б. Н. Наследник А. Л. Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин и балтийский вопрос) / Б. Н. Флоря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 1 (63). – С. 64–70.
18. Флоря, Б. Н. Русский резидент в Варшаве В. М. Тяпкин о месте России среди европейских государств / Б. Н. Флоря // Средние века. – Москва : Наука, 2017. – Вып. 78 (4). – С. 138–152.

A.V. Bogatyrev

**«WISDOM AND MIND»: RUSSIAN DIPLOMAT FROM THE 17th CENTURY
ABOUT THE «INFORMATION WAR» AND OPPOSITION TO IT**

During his foreign travel Vasily Tyapkin, a Moscow envoy, studies the role of information influence in political struggle, clarifies the peculiarities of using «political technologies» in the West, advocates a more active use of propaganda techniques. Thereby, he anticipates Russia's foreign policy in the 21st century.

Foreign policy, “soft power”, political propaganda, 17th century, Russia, Rzeczpospolita (The Polish-Lithuanian Commonwealth), archival sources, V. Tyapkin.

B.A. Кваашин
Вологодский государственный университет

ОБ ОДНОЙ «ОШИБКЕ» ВАЛЕРИЯ МАКСИМА

Анализируется сюжет античной традиции, связанный с количеством рабов, сопровождавших римского магистрата на территории провинции. В этой связи обращается внимание на расхождение данных Валерия Максима и других древних историков. Вопреки расхожему мнению о несовершенстве методов работы древних авторов с источниками и их склонности к фальсификации недостающих количественных данных, делается вывод о необходимости учета особенностей античной историографии и специфики методов работы с историческим материалом.

Древний Рим, античная историография, Катон Старший, Сципион Эмилиан, рабы.

В сочинении Валерия Максима обращает на себя внимание сообщение, относящееся к римскому политику II в. до н.э. Публию Корнелию Сципиону Эмилиану. Римский автор пишет: «После двух знаменитых консульств и множества выдающихся по славе триумфов Сципион Эмилиан взял на себя обязанности легата, в сопровождении семи рабов» (IV.3.13). Как нами было показано в другой работе, скорее всего, речь идет о римском посольстве в Александрию, имевшем место в период между 141 и 139 гг. до н.э [2, с. 84–92]. В Египте в это время правил Птолемей VII, младший сын Птолемея V Эпифана и Клеопатры I, дочери Антиоха III. В период с 169 по 164 гг. до н.э. страной управлял своеобразный триумвират, в который входил Птолемей VI Филометор, его младший брат Птолемей VII Фискон (известный также как Птолемей VIII Эверget II) и их сестра Клеопатра II. Споры между братьями, которые не могли поделить между собой царство, вызвали неоднократное вмешательство римского сената, по крайней мере дважды (в 168 и между 141 и 139 гг. до н.э.) посылавшего в Египет своих представителей в качестве посредников и арбитров. Диодор Сицилийский, Плутарх и Афиней подтверждают информацию Валерия Максима, сообщая о том, что Сципион прибыл в Александрию вместе с другими послами, хотя имена их не называются (Diod. XXXIII.1; Plut.Reg. et imp. aroph. Scip.Min.13; Athen.VI.105 (=273b)). Юостин называет участников этого посольства, оказавшихся вне поля зрения греческих авторов: помимо Сципиона Эмилиана в нем приняли участие Спурий Муммий и Луций Метелл, под именем которого, скорее всего, скрывается консул 142 г. до н.э. Луций Цецилий Метелл Кальв (XXXVIII.8. 8).

В сообщении Валерия Максима обращает на себя внимание то, что хотя все остальные древние авторы сообщают о пяти рабах, римский историк пишет о том, что их было семь (табл. I). Можно было бы счесть его сообщение ошибкой, тем более что данный раздел 4-й книги, посвященный Сципиону Эмилиану, содержит и другие неточности. К примеру, римский автор описывает посольство Сципиона как событие,

имевшее место уже после его двух консультатов и триумфа. Однако первое консульство Сципиона относится к 147 г. до н.э., а триумф – к концу 146 г. до н.э., так что только второй консул, имевший место в 134 г. до н.э., приходится на время уже после посольства в Египет. В связи с этим возникает соблазн счесть ошибки и неточности Валерия Максима прямым следствием тех методов, которые античные авторы использовали в работе с источниками. Несовершенство методологии античной историографии стало общим местом в литературе, в связи с чем и сочинение Валерия Максима зачастую предстает как некий компендиум портретов выдающихся исторических личностей вперемешку с анекдотами и комическими ситуациями. Приведем в этой связи два примера, выхваченные, что называется, наугад. Так, с точки зрения А.И. Немировского, именно методика исследования является наиболее слабым местом античной историографии, в связи с чем «подход античных историков к источникам носил наивный и дилетантский характер» [3, с. 60–72]. По мнению В.С. Дурова, культа исторической истины у римских историков никогда не было, поэтому «когда фактов не хватало, они их просто домысливали» [1, с. 4].

Ради справедливости следует сказать, что подобного рода погрешности характерны не только для Валерия Максима. К примеру, Цицерон в одном из своих сочинений указывает: «...как говорят, Публий Сципион Африканский во время своего знаменитого посольства (которое ему пришлось исполнять еще до того, как стал цензором) взял себе в спутники одного только Панетия» (Acad.II.5, пер. Н.А. Федорова). Как видно из этого сообщения, он относит посольство Сципиона Эмилиана ко времени, предшествовавшему цензуре последнего, тогда как в действительности как раз цензура 142 г. до н.э. предшествовала его поездке в Александрию. Кроме того, Цицерон настаивает на том, что Сципиона сопровождал один Панетий, хотя другие авторы пишут о еще как минимум двух участниках посольства. С другой стороны, Плутарх сообщает сразу о нескольких дипломатических миссиях Сципиона: «Сенат в третий раз отправил его объехать

народы, города и царства, чтобы посмотреть, как выразился Клитомах “кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду”» (Plut.Reg. et imp. aporph. Scip.Min.13, пер. М.Л. Гаспарова). В связи с этим неизвестно, смешались ли у греческого автора путешествия его героя в Грецию, Галлию, Египет и сопредельные территории или таким образом нашли свое отражение римские легации разного времени в период правления Птолемея VI Филометора и Птолемея VII Фискона. Кроме того, Плутарх путает имя спутника Сципиона, называя в качестве такового Клитомаха (Κλειτόμαχος), философа родом из Карфагена, жившего на рубеже II–I вв. до н.э. Скорее всего, в данном случае мы сталкиваемся с авторской небрежностью или просто ошибкой, поскольку в другом сочинении Плутарха, описывающем ту же ситуацию, стих Гомера цитирует философ Панетий (Mog.777A). Как отмечалось в литературе, достоверность такого рода информации невысока уже потому, что античные авторы, зачастую не располагая точными сведениями о давно минувших событиях, были вынуждены измышлять недостающие количественные данные [4, с. 192].

Тем не менее, не стоит недооценивать древних авторов. Как проницательно отметил в свое время В.М. Смирин, специфика античной историографии, никогда не терявшей своей связи с риторикой, объясняется не ее некритичным отношением к источникам, но иным представлением о смысле и задачах истории [5, с. 102, прим. 45]. Присмотримся в этой связи к тому, что нам сообщает античная традиция. Очевидно, что разбираемый сюжет следует воспринимать в контексте литературно-риторического концепта, призванного воспеть древнеримскую умеренность и простоту. При этом обращает на себя внимание, что сюжет с рабами, сопровождающими своего господина во время исполнения им некой миссии, не ограничивается фигурой Сципиона Эмилиана.

В биографии Катона Старшего, принадлежащей Плутарху, содержится аналогичный рассказ, в котором присутствуют, однако, совсем иные герои. Плутарх пишет: «однако не только собственные руки, но и руки близких к нему людей Катон сохранил чистыми от грабежа. В походе с ним было пять рабов. Один из них, по имени Паккий, купил трех пленных мальчиков. Катон об этом узнал, и Паккий, боясь показаться ему на глаза, повесился, а Катон продал мальчиков и внес деньги в казну» (Cat.Mai.X.5, пер. С.П. Маркиша). Информацию Плутарха подтверждает Апулей: «Марк Катон, не дожидаясь, похвалят ли его другие, сам объявил о себе устно и письменно, как в бытность свою консулом взял с собою из столицы в Испанию только трех рабов, и лишь на городской заставе рассудил, что для надобностей его троих маловато, а потому велел прикупить на рабском рынке еще двоих мальчишек и уехал в Испанию с пятью рабами» (Apol.XVII.9-10). Как можно видеть, Апулей воспро-

изводит общую канву рассказа, хотя и путается с количеством рабов (три и пять вместо пяти и восьми у Плутарха). Сообщение Апулея ценно тем, что оно сообщает о существовании речи, которая должна рассматриваться в качестве первоисточника разбираемого сюжета. К сожалению, эта речь не сохранилась. В изданиях Г. Майера и Г. Иордана она присутствует в виде фрагмента, воспроизведя текст Апулея, под названием «...cum in Hispaniam profisceretur» [6, р. 38; 7, р. 28–30]. Основанием для этого служит плохо сохранившееся сообщение Феста о существовании подобной речи у Катона (Р.169 М).

Таким образом, перед нами непростой выбор: чью фигуру считать более достоверной в контексте рассматриваемого сюжета, Катона Старшего или Сципиона Эмилиана, поскольку Плутарх помещает их в однотипную ситуацию. На наш взгляд, кандидатура Катона Старшего выглядит предпочтительнее, в пользу чего можно привести следующие аргументы. Во-первых, сообщение Плутарха в этой части подтверждается свидетельством Апулея, ссылающегося на существовавшую в его время речь Катона Старшего. Во-вторых, это наличие конкретных деталей в рассказе Плутарха, который называет имя одного из рабов – Паккий (Πάκκιος), точное время – испанская кампания 195 г. до н.э., и, наконец, детали, позволяющие понять истинный смысл передаваемого греческим историком эпизода катоновской биографии. Точной соприкосновения нескольких историографических линий, одна из которых была связана с Катоном Старшим, а другая – со Сципионом Эмилианом, является пласт античной традиции, связывающий историю о нескольких рабах, сопровождающих правителя или полководца, с Птолемеями. Согласно Диодору, в 164 г. до н.э. Птолемей VI Филометор отправился в Рим в сопровождении только евнуха и трех рабов (XXXI.18). Эти сведения подтверждаются Валерием Максимом, который также пишет о том, что Птолемей прибыл в Рим «с незначительным числом рабов» (V.1.1). Три раба сопровождали Катона в Испанию по версии Апулея, а согласно Плутарху, уже на территории провинции было куплено еще три раба. В то же время Афиней и Плутарх настаивают на том, что Сципиона/Катона сопровождали пять рабов, хотя версия Афинея представляется более аутентичной.

Обратим в этой связи внимание на цифры, которые приводят античные авторы. Афиней сообщает о пяти рабах, сопровождавших Сципиона. Плутарх также пишет о пятерых рабах, отправившихся вместе с ним в Египет. Пять рабов присутствует и в биографии Катона Старшего. С другой стороны, Апулей упоминает о трех рабах, к которым позже были добавлены еще двое. Также три раба сопровождали Птолемея VI Филометора во время его поездки в Рим. Возникает вопрос, сталкиваемся ли мы в каждом случае с самостоятельной традицией?

Таблица I

Автор	Количество рабов	Персонаж	Источник
Плутарх	5	Сципион	Reg. et imp. aporph. Scip. Min. 14
Плутарх	5	Катон	Cat.Mai.X.5
Валерий Максим	7	Сципион	IV.3.13
Афиней	5	Сципион	Athen.VI.105 (=273b)
Апулей	5	Катон	Apol.XVII.9-10

Пример Полибия, в тексте которого в связи с обсуждаемыми сюжетами постоянно возникает цифра 5, показывает, что данное число могло иметь символико-риторическое значение. Пять дней были даны послам Птолемея VI Филометора на то, чтобы покинуть Рим. (XXXII.1.3). Пять римских граждан были выбраны в качестве послов к Птолемею VII Фискону, причем на Кипр они отплыли на пяти пятипалубных кораблях (XXX.8.6). При этом неизменным число рабов остается только в сборнике апофтегм Плутарха и у Афинея. Присутствующие в их сочинениях данные можно выразить простейшим арифметическим действием:

$$5-1=4+1=5.$$

У Апулея к трем рабам, присутствовавших изначально, прибавляются еще два, приобретенных в Риме, что в сумме дает цифру пять:

$$3+2=5.$$

Однако исходным пунктом в наших вычислениях должна стать биография Катона Старшего, опирающаяся, как мы попытались показать, на первоисточник в виде несохранившейся речи Цензора. Согласно Плутарху, к пяти рабам, которые были с самого начала военной кампании, Паккий прибавил еще троих, приобретенных в Испании. После того как Катон узнал об этом, Паккий наложил на себя руки. Сомнения возможны в связи с тем, что согласно Плутарху, Паккий приобрел трех рабов, что предполагает наличие у него правоспособности и, в частности, способности вступать в хозяйствственные отношения (*ius commercium*). Однако в данном случае сделка была совершена за пределами территории Италии. Дошедший текст юриста классического периода Юлия Павла указывает на подобные приобретения как распространенную практику, коль скоро они попали в поле зрения юридического источника (D.V.1.24.1-2). С точки зрения цивильного права раб мог совершать определенные экономические действия по поручению господина (*ex persona domini*), что предполагало возникновение у него ограниченной правоспособности в рамках конкретной хозяйственной ситуации, связанной с реализацией поручения. В том случае, если Паккий входил в число пяти первоначальных рабов, что в общем-то не вызывает сомнений, мы получаем следующее значение:

$$5+3=8-1=7.$$

Таким образом, мы получаем то число рабов, которое приводит Валерий Максим. Как можно заметить, в источниках постоянно присутствует несколько цифр – 3, 5 и 7. В рамках арифметического действия, используемого в наших расчетах, 5 – это исходное число рабов, 3 – число рабов, купленных дополнительно, 7 – итоговое число после смерти одного из рабов. В различных культурах, в том числе античной, они имели разнообразные религиозно-символические, магические, математико-астрономические коннотации. Прежде всего их объединяет то, что будучи простыми числами, они делятся только на единицу и сами на себя. К примеру, в пифагорезме сумма последовательных нечетных чисел представляла собой последовательность квадратов:

$$\begin{aligned} 1 + 3 &= 2^2; \\ 1 + 3 + 5 &= 3^2; \\ 1 + 3 + 5 + 7 &= 4^2. \end{aligned}$$

Простое ли это совпадение или мы сталкиваемся здесь с некими жанровыми, фольклорными либо иными закономерностями, связанными с использованием этих цифр в устной и письменной традиции – тема будущего исследования.

Литература

1. Дуров, В. С. Художественная историография древнего Рима / В. С. Дуров. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1993. – 141 с.
2. Квашнин, В. А.: Сципион, Катон, Птолемей: римские мужи, «*τοσμαϊογυμ*» и бродячие сюжеты / В. А. Квашнин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2019. – Вып. 65. – С. 84–92.
3. Немировский, А. И. Теоретические аспекты античной историографии / А. И. Немировский // Вопросы истории. – 1982. – № 2. – С. 60–72.
4. Подосинов, А. В. A. Dreizehnter. Die rhetorische Zahl: Quellenkritische Untersuchungen anhand der Zahlen 70 und 700. Münich, 1978 / А. В. Подосинов // Вестник древней истории. – 1980. – № 2. – С. 192–196.
5. Смирин, В. М. Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (По «Контроверсиям» Сенеки Старшего) / В. М. Смирин // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С. 95–113.
6. Jordan, H. M. Catonis praeter librum De re rustica quae extant / H. M. Jordan. – Lipsiae, 1860.
7. Meyer, H. Oratorum Romanorum fragmenta ab Appioinde Caecousque ad Q. Aurelium Symmachum / H. Meyer. – Turici, 1842.

V.A. Kvashnin

ON ONE «ERROR» BY VALERIUS MAXIMUS

The article studies the ancient plot about the number of slaves that accompanied the Roman magistrate in the province. There is a discrepancy in the data given by Valerius Maximus and other ancient historians. Researchers usually explain it in terms of shortcomings of research methods used by ancient authors and their tendency to falsify missing quantitative data. In conclusion, V. Kvashnin emphasizes the necessity to take into account both the peculiarities of ancient historiography and special methods of working with historical documents.

Ancient Rome, ancient historiography, Cato the Elder, Scipio Aemilianus, slaves

Э.А. Кириллова
Вологда

ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОГО ЦЕНТРА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

*При подготовке статьи использованы материалы из личного архива автора:
записи интервью с участниками событий разных лет, программы мероприятий,
копии отчетов по результатам проведенной работы*

Статья посвящена истории БУК ВО «Центр народной культуры»: становлению коллектива, развитию направлений и форм работы, научно-исследовательского потенциала, укреплению роли в методическом руководстве самодеятельным художественным творчеством.

Вологодский центр народной культуры, история развития БУК ВО «ЦНК».

25 марта 2019 года Вологодский Центр народной культуры отметил 80 лет своего существования. Вся минувшая история учреждения оказалась временем роста коллектива, укрепления его доминирующей роли в методическом руководстве самодеятельным художественным творчеством области, годами создания уникального центра северного фольклора, центра возрождения стариных и поддержки новых, возникших в наше время, промыслов, центра учета всех существующих образцов художественного творчества народа.

Учрежденный в 1939 году Дом народного творчества (так первоначально называлось вновь созданное учреждение) начинал свою работу с организации олимпиады художественной самодеятельности и смотров любительских театров в Вологде и районах Вологодской области. С того самого первого областного смотра и до наших дней помочь носителям народных талантов остается ключевой задачей коллектива учреждения. Первыми директорами Дома народного творчества были Б.П. Ковалев и И.П. Недробов.

Областная олимпиада показала размах художественной самодеятельности в городах и районах нашего края. Творческое начало проявилось в самых разных сценических жанрах, в живописи, прикладном искусстве. Пожалуй, наиболее успешно были представлены хоровое и народное театральное творчество. Одно из них опиралось на глубокие традиции коллективного пения в нашем крае, другое поддерживалось усилиями местной интеллигенции. При этом почти повсеместно отсутствовали профессиональные руководители художественной самодеятельности, большинство хоровых коллективов разучивало по слуху весь свой репертуар. Самодеятельная хореография Вологодской области оставалась также преимущественно народной – бытовали подлинные фольклорные танцы, сопровождавшиеся наигрышами гармони…

В отчете по итогам Первой олимпиады народного творчества указаны 10 805 участников творческих коллективов города и области, 332 хора, 85 оркестров русских народных инструментов, ансамбли баянистов,

танцевальные коллективы, оркестры духовых инструментов, кружки сольного пения. Отмечены большие хоры Вологды и Череповца под руководством профессиональных музыкантов В.А. Воронина и А.А. Разживина, драматическая студия А.В. Бадаева, кружки художественной самодеятельности А.В. Волоцкого и Б.П. Ковалева.

В годы Великой отечественной войны появились новые формы художественного творчества участников из состава воинских частей и эвакогоспиталей, подвижных концертных групп драматического театра. Активизировалось частушечное творчество, за которым следила областная газета «Красный Север». Фолькорная северная песня по-прежнему активно жила в деревне. С учетом новых реалий уже с апреля 1943 года началась подготовка ко Второй областной олимпиаде народного творчества. Она прошла с меньшим размахом, чем первая, показав инсценировки северной свадьбы, народные танцы, множество частушечных композиций [14].

В победном 1945 году Дом народного творчества провел еще две олимпиады художественной самодеятельности села, смотры хоровых коллективов и вокалистов. В том же 1945 году в областном центре была открыта студия изобразительного искусства, возобновились семинары с руководителями хоровых коллективов, издан песенный сборник. Все это были отдельные успехи нового, только формирующегося коллектива, в котором долгое время оставались всего четыре штатные единицы.

Переломными в работе ДНТ стали 50-е годы XX века. Постепенно увеличивался штат организации, активизировалась работа волонтеров. Помощниками сотрудников становятся такие авторитетные представители художественного мира, как заместитель директора Государственной филармонии И.Я. Дlugач, режиссеры областного драматического театра Е.В. Свободин и В.И. Рыжов, артист Д.А. Турек-Далин, член Союза художников РСФСР Н.И. Крюков и художники-оформители товарищества «Художник», а также преподаватели и студенты Вологодского музыкально-

го училища. Участились выезды в районы. Вслед за отдельными энтузиастами с середины 1950-х годов в совместную работу с ДНТ включаются все профессиональные творческие союзы Вологды и общественные организации, областной Совет профсоюзов. Особенno тесным было взаимодействие с Вологодским отделением всероссийского хорового общества (ответственный секретарь – Н.И. Воронцова).

Все более систематическими становятся семинары руководителей народных художественных коллективов, различные конкурсы, методическая выездная работа, связь с композиторами-любителями, издательская деятельность.

Ольга Евгеньевна Бадаева руководила ДНТ 15 лет (с 1952 по 1967 годы). В прошлом участнице народной драматической студии в Грязовце, ей были особенно близки работы самодеятельных театральных коллективов и солистов-чтецов. Ее опыт, точная художественная интуиция, высокий авторитет среди культработников области были незаменимы в руководстве самодеятельным творчеством области. Методистом по народным театрам в начале 50-х годов работала Н.С. Декаленкова – в недавнем прошлом участница фронтовой бригады Волховского фронта, а в дальнейшем – молодежной концертной группы Вологодской государственной филармонии. Нужно назвать также опытного культработника, в дальнейшем заведующую методическим отделом ДНТ Валентину Константиновну Некипелову.

В 1954 году состоялся первый, организованный ДНТ, выезд нижегородских исполнительниц частушек в Москву. На заключительный концерт Первого фестиваля сельской художественной самодеятельности по рекомендации поэта Виктора Бокова и композитора Александра Абрамского, до того много поездивших по Вологодской области и хорошо знавших фольклор наших глубинных районов, были направлены шесть человек (четыре исполнительницы частушек и два аккомпаниатора-гармониста). Особое впечатление тогда произвела необычная, фальцетная манера пения вологжанок. Сохранилась фотография, сделанная в Георгиевском зале Кремля, на которой вологодская делегация снята с легендарным певцом и членом жюри фестиваля И.С. Козловским.

Кульминацией работы коллектива, руководимого О.Е. Бадаевой, стали Праздники песни, создание хоровых академических капелл, подготовка и проведение торжеств, посвященных 50-летию Великой октябрьской социалистической революции.

Праздники песни готовились совместными усилиями ДНТ и вологодского отделения Всероссийского хорового общества. Традиция выступления сводного хора Вологды на площади Революции родилась в ходе первого праздника 1951 года. Дирижировала хором в 2000 человек Роза Подольная. Сопровождал пение оркестр Лазаря Гаммера. Второй праздник отличался еще большим размахом. Вначале он был проведен в 26 районах области. Затем – на построенных амфитеатром подмостках в областном центре – совместно выступили 35 самодеятельных коллективов. Дирижировала хором выпускница Ленинградской консерватории Муза Жукова. В тот день на площади Революции было насчитано 10 тысяч зрителей [7].

В целом, праздники песни, а они проводились в течение 5 лет, демонстрировали успехи хоровой культуры в нашем крае. В 1954 году певческий собор был совмещен с 300-летием воссоединения Украины с Россией, в связи с чем концерт сводного хора был особенно торжественным и ярким.

Празднование 50-летия Октябрьской революции вызвало к жизни смотры агитационно-художественных бригад, выставки фотолюбителей и мастеров изобразительного искусства, областные смотры детской и взрослой художественной самодеятельности, конкурс бальных танцев. Успешно прошла организованная ДНТ театральная неделя.

И еще одна грань деятельности коллектива ДНТ, у истоков которой стояла О.Е. Бадаева, получила дальнейшее развитие и в новой форме живет до наших дней. Это объединение композиторов-любителей, проведение конкурсов песен на стихи поэтов-земляков (первыми авторами были Сергей Викулов и Александр Романов), организация концертов из произведений местных авторов (первый прошел в 1956 году) – все, что стимулировало самодеятельных композиторов на создание произведений о родном крае и его замечательных людях [2]. В конкурсах песен 50–60-х годов были отмечены работы Константина Козлова, Ильи Гинецинского, Виктора Пятигорского и автора из Бабаева А.Н. Проничева.

В буднях уже выросшего коллектива ДНТ мероприятия в областном центре чередовались с выездными: просмотрами программ художественной самодеятельности, приемкой любительских концертов и спектаклей, организацией семинаров на местах, выявлением самодеятельных художников и оказанием им методической помощи, проведением районных выставок изобразительного искусства.

С 60-х до середины 90-х годов директорами ДНТ были И.В. Зимина (1968–1972), В.С. Каменев (и.о. директора с 1972 по 1979 г.), К.П. Михайлов (с 1981 по 1985 годы), Ю.К. Митрошкин (1985–1994 гг.). Все это время было отдано работе по сохранению традиций и поддержке новых веяний в народной культуре Вологодской области. Хорошей базой для совершенствования методической работы учреждения стали коллективы, созданные непосредственно при ДНТ или при его активном содействии: академический хор, клуб фотографов-любителей, секция самодеятельных композиторов и эстрадный оркестр.

Возглавив учреждение, директор Дома народного творчества Инесса Васильевна Зимина запросила у вышестоящих руководителей новые ставки методистов по кинолюбительскому искусству и фольклору, тем самым выставив новые приоритеты в работе ДНТ. Движение кинолюбителей в области набирало силу и остро требовало организующего и методического руководства.

Фольклор же все годы работы И.В. Зиминой в ДНТ оставался в центре ее внимания и активного личного участия в экспедициях. Исторически вологодская земля оказалась заповедной хранительницей больших богатств народного творчества, и все последующие годы шла непрерывная работа по его сохранению и популяризации. Стала ощутимой тенденция активного использования богатств Севера в совре-

менной жизни, привлечение к этому процессу молодежи. В декабре 1968 года прошла первая областная научно-практическая конференция по фольклору, подготовкой которой серьезно занимались ДНТ и вологодское отделение Всероссийского хорового общества. В конференции приняли участие крупные ученые-фольклористы из Ленинградского научно-исследовательского института театра, музыки и кинематографии И. Земцовский, М. Мазо и Ф. Рубцов. Гостем конференции стал композитор-земляк В.А. Гаврилин [9]. Выступали вологодские фольклорные коллективы. Конференция подтолкнула к подготовке издания сборника вологодского музыкально-поэтического творчества (1973 год). С конференции же начиналась традиция фольклорных праздников (первый состоялся в 1971 году), первоначально проходивших исключительно в Великом Устюге, затем распространявшихся на другие районы.

В годы директорства И.В. Зиминой коллектив методистов ДНТ пополнился многими молодыми специалистами. Заметную роль сыграли Леонид Ермолов – куратор эстрадных оркестров, Андрей Попов – методист по хоровому и сольным вокальным жанрам, организатор первых городских и областного конкурса певцов-любителей [1], Ольга Денежкина – методист по танцевальному искусству. Ощущимую помощь коллективу оказал Владимир Агапов – методист по изобразительному творчеству. Помимо обычной работы с народными художниками, он обратил внимание на мастеров прикладного творчества и в 1971 году подготовил экспозицию вологжан-прикладников для выставки в Суздале.

В 1969 году в коллектив вошел сначала как методист по драме В.С. Каменев, который в дальнейшем почти 20 лет был связан с работой учреждения. С 1971 по 1984 год методистом по театральной самодеятельности работал В.А. Бурков. Только что закончивший 5 курс Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, он с большим интересом отнесся к любительскому театральному движению в Вологодской области, познакомился с коллективами всех студий, существенно помогал им своими рекомендациями. В.А. Бурков все годы вел студию художественного чтения при ДНТ, в 1980-м организовал областной конкурс чтецов. Любительскими театрами успешно занималась Татьяна Николаевна Волотовская.

Праздники краеведческой тематики начинались со времени работы В.П. Кулиш. Самыми незабываемыми остались Яшинские дни на родине поэта. Методист строила эти встречи на древних традициях жителей данной местности, умело вовлекала присутствующих в атмосферу старого быта, напоминая о светлых и будничных его моментах. Благодарной памяти Виктора Коротаева и Александра Романова посвящались добрые теплые встречи на родине поэтов. В 1987 году В. Кулиш была награждена лауреатской медалью Всесоюзного фестиваля народного творчества.

Все больше внимания уделялось агитбригадам. Продолжалась практика семинаров и творческих конференций для руководителей кружков и студий. В период подготовки к 100-летию В.И. Ленина была проведена областная выставка работ самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного

искусства. На выставку было прислано 788 работ от 161 автора. Большую помощь в организации выставки и последующих консультациях для художников-любителей области оказали профессиональные мастера Николай Баскаков и Владимир Корбаков.

Заметный след в судьбе коллектива оставила многообразная творческая работа Валентина Сергеевича Каменева. Личность разносторонне одаренная, выпускник Ленинградского университета, он был истинным подвижником и горячим патриотом родного края. О его внимании к драме и судьбе вологодского фольклора уже говорилось выше. В самодеятельности он глубоко анализировал состояние всех ее жанров, прогнозировал дальнейшее их развитие. Вместе с коллективом ДНТ В.С. Каменев готовил творческие и научно-практические конференции по работе любительских драматических студий, агитбригад, представителей прикладного искусства, художественной фотографии, фольклорного движения.

Активно работала в 70–80-е годы курируемая ДНТ секция композиторов-любителей. Руководство ею последовательно осуществляли И.В. Зимина, Н.Д. Сергеева, Л.Г. Ковалева, Л.В. Баева. В 1975 году был издан сборник песен вологодских авторов «СОЗВУЧИЕ», включивший биографические данные композиторов.

90-е годы XX века внесли много нового в систему работы учреждения. Здесь нужно отметить вклад в общую творческую и позднее организационную работу центра Ольги Алексеевны Денежкиной. Начав в 1969 году с должности методиста по танцевальному искусству, она затем работала в качестве заведующего отделом, заместителя директора и с 1994 по 2010 годы – директором Центра, которому в целом было отдано 40 трудовых лет. Ее деятельность способствовала поступательному эффективному развитию Центра, созданию современного, технически оснащенного, обладающего организационным, научно-методическим и кадровым потенциалом учреждения, сотрудники которого хорошо знают культуру области и ее представителей.

При непосредственном участии О.А. Денежкиной были подготовлены и проведены важнейшие областные мероприятия по поддержке традиционной народной культуры, самые крупные фестивали, фольклорные праздники, возросло количество творческих объединений, носящих звание «Народный самодеятельный коллектив» и «Образцовый художественный коллектив», «Заслуженный коллектив народного творчества России».

Работа центра становилась все более заметным явлением в Российской Федерации. Задачи «Областного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы» (так с 1979 года называется ДНТ) особенно усложнились к концу 80-х годов. От него требовался все более глубокий аналитический подход к изучению процессов, происходящих в сфере народной культуры. В учреждении появились отделы научной методики и социологии, культурно-массовой работы, организационно-методический отдел.

В своих аналитических проектах сотрудники ОНМЦ в первую очередь обратились к коллективному разуму тех, кто повседневно на практике занимался культурно-просветительской работой: были прове-

дены районные научно-практические конференции по актуальным вопросам деятельности учреждений культуры, сделаны попытки проследить эволюцию работы кружков и студий, сменяемость состава, динамику смены репертуара. Перед коллективом ОНМЦ встали научно-исследовательские и научно-методические задачи разной степени сложности.

Главным объектом внимания всех научных разработок конца XX – начала XXI века остаются труженики сельских территорий Вологодчины. Проводится системное социологическое исследование по теме «Деятельность культурно-просветительских учреждений и проблема закрепления кадров на селе». Появляется программа «Сохранение и восстановление традиционной народной культуры, как основы развития культуры села (2001–2005)». Вначале эта программа рассматривалась лишь как задача ОНМЦ. Затем программа стала фундаментальной основой при разработке регионального закона «О государственной политике области в сфере сохранения и восстановления традиционной народной культуры Вологодской области» (2004). Информационно-аналитические программы Центра получали высокую оценку специалистов и не раз были использованы при создании концептуальных положений федеральных целевых программ по сохранению культурного наследия Русского Севера и в целом Российской Федерации.

По результатам Всероссийского смотра-конкурса деятельности Домов (Центров) народного творчества Вологодский центр получил Гран-при в 2003 году и стал лауреатом в 2004 году. Информационная и издаельская работа Центра была отмечена семью дипломами государственного Российского Дома народного творчества, О.А. Денежкина удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры России». Центр постепенно из прикладного методического учреждения становился научно-исследовательским, коллектив которого владел практическими наработками в области народной культуры.

Актуальность научно-исследовательской и научно-методической работы поставила руководство учреждения перед необходимостью активизации творческой и научной деятельности каждого члена коллектива. Надежным помощником директора в годы перестройки была научный сотрудник Центра, в дальнейшем заместитель директора, С.В. Жарникова – этнограф, искусствовед, действительный член Русского географического общества, кандидат исторических наук (годы работы в ОНМЦ 1990–2002). В доказательство многообразия и глубины разработок того времени могли бы быть приведены десятки реализованных проектов каждого отдела. Но размеры статьи позволяют рассмотреть только несколько наиболее ярких из них, ставших основой традиций наших дней.

В первую очередь, это программа А.С. Аввакумовой «Бытовая народная культура Русского Севера», в рамках которой в период с 1993 по 2007 годы прошли праздники «Плат узорный», «Праздник русского самовара», «Коклюшек перезон неутомимый», «Льняные смотрины», «Спасибо, милая пчела», а также посвященные вологодскому маслу, сиземскому пиву, русской бане и другие. В целом в рамках программы

прошло 16 красочных праздников в селах Сизьма, Грибково, Шуйское, городах Грязовец и Сокол. Праздник, посвященный рыбачьей лодке в Устье-Кубенском, проводится ежегодно и до наших дней. Важно заметить, что каждый подобный праздник был итогом огромной исследовательской работы организаторов, а его успех способствовал неподдельному интересу участников к историко-культурному наследию родного края.

Прекрасные работы А.С. Аввакумовой были посвящены вологодской гармони. По ее инициативе прошли три областных праздника «Из-под Вологды гармошка, из-под Вологды игра», создан первый в области Дом-музей гармонного промысла (село Волославино Кирилловского района). В конкурсах сценариев на всероссийском уровне работы Антонины Сергеевны были отмечены лауреатскими званиями и дипломами.

Успешно работает в ОНМЦ с начала нового века режиссер массовых праздников, человек большой творческой фантазии С.В. Ермаков.

В области традиций местного гончарного промысла большое значение имеет работа Е.С. Ильиной, итогом которой стали не только экспозиции выставок, но и создание студий и кружков гончарного мастерства. С 2001 года кураторство народных промыслов осуществляют О.Ф. Оленева. В ее ведении находится сохранение старинных образцов материальной культуры и связь с хранителями и носителями традиций. Многообразие задач требует некоей универсальности знаний. Заметный след оставила организованная ею выставка «Гончары России» 2006 года, активно подтолкнув возрождение гончарного дела в районах, где когда-то оно процветало. Много внимания привлечено ею к мастерам кружевоплетения, народной росписи, плетения из бересты, ткачества и т.д.

Ценные разработки методистов ОНМЦ были посвящены истории театрального искусства (Г.А. Дудина) и развитию самодеятельного изобразительного искусства (Н.П. Кулижникова).

Г.А. Дудина – заслуженный работник культуры России, работала в ОНМЦ 23 года. Она нашла контакт со всеми театральными коллективами области, «вдохнула жизнь» почти в 500 детских театров, приобрела верных друзей среди взрослых любителей театра и режиссеров народных театров (оставив чувство благодарности к себе как к человеку, помогавшему в творчестве), провела немало круглых столов, посвященных современной театральной режиссуре, месту и роли народного театра в провинциальном городе, проблемам привлечения детей к театральной деятельности. Гордостью Г. Дудиной остаются фестивали «Театральный разъезд» и «Мой друг – театр» [3; 4; 6; 15]. Работа Н.П. Кулижниковой отражена в фундаментальном исследовании живописи, хранящейся в собрании ОНМЦ [5].

Говоря о работе отдела, долгие годы называвшегося «Отделом политico-воспитательной и культурно-массовой работы» и возглавляемого заслуженным работником культуры И.С. Малютиной, следует брать во внимание весь спектр массовых мероприятий ОНМЦ, посвященных традициям семьи, села, герою России С. Преминину, военным действиям на Оштин-

ской земле, многочисленным совместным с областными мероприятиями праздникам для детей и т.д. [8; 12; 13]. Большой резонанс получили развернутые в последние годы мероприятия с участием ветеранов, особенно фестиваль народного творчества «Родники Российских деревень». В архивах И.С. Малютиной собралась целая россыпь имен и живых портретов талантливых людей из тружеников нашего края. Достаточно назвать народных певцов, братьев Никулиных из Тарногского района, исполнителей на традиционной гармони, известных руководителей прославленных коллективов (мужской хор поселка Шексна, академический хор «Кантабиле» поселка Кадуй), талантливого юного певца Степана Луценко и многих-многих других.

Отдельного упоминания заслуживает огромная работа по систематизации и пропаганде вологодского фольклора. В 1999 году, когда был организован отдел народного творчества в современном виде, фонд записей фольклора был не систематизирован, а представлен отдельными «следами» фольклорных экспедиций из разных районов Вологодчины. К его руководству пришли профессиональные фольклористы Кулев Алексей Викторович и Балакшина Софья Робертовна (в дальнейшем – Кулева, в 2008 году защищившая диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по теме «Частушки в культурных традициях Белозерья. Опыт комплексного исследования»). Начиналось формирование Централизованного фонда фольклорно-этнографических материалов Вологодской области – бесценного научного архива, ныне насчитывающего более 50 000 аудио- и видеоматериалов. Архив собирался в разные годы в экспедициях сотрудников ОНМЦ, специалистов центров народной культуры районов, образовательных учреждений области и научных центров России. XXI век выдвинул перед фольклористами не только задачу комплексной фиксации, но и учета всех обстоятельств, в которых бытует песня. К услугам исследователей добавились видеосъемка, интервью, сравнительный анализ современной песни и образца, записанного 30–40 лет назад [10].

Заслуга руководителей отдела фольклора заключается не только в сборе и систематизации образцов народного творчества, но и в проведении круглых столов и конференций в областном центре, участии во Всероссийских и международных научных конференциях, внимании к теме «Фольклор и молодежь», проведении ежегодных «хочловских игрищ» в Кадуйском районе и народных праздников в деревне Пожарище Великоустюгского района [11]. Одним из крупных событий начала нового века стал Всероссийский фестиваль народного творчества «Солнцеворот» (2007 год). В Консисторском дворике Кремля выступили артисты из Дагестана, Алтайского края и многих уголков Вологодчины.

Отражением внутренней эволюции содержания и форм работы ОНМЦ стало изменение его структуры и названия. В 1979 году он был объединен с областным методическим кабинетом культпросветработы и получил статус нового учреждения – Областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы. С 1999 года – это Вологодский областной научно-методический центр

культуры и повышения квалификации (ВОНМЦКиПК). Новое современное название – Бюджетное учреждение культуры Вологодской области «Центр народной культуры» (БУК ВО «ЦНК») организация получила 11 мая 2017 года.

С мая 2012 года ОНМЦ возглавляет Лариса Вячеславовна Мартынова. С первых шагов в новой должности надежной поддержкой директора стал опытный штат сотрудников. Ныне все задачи учреждения успешно решают четыре его отдела: отдел социокультурной деятельности (куратор отдела и одновременно художественный руководитель ЦНК – Л.Г. Упадышева), отдел информационно-просветительской работы (заведующий – Н.И. Крашенинникова), отдел традиционной народной культуры (заведующий – С.Р. Кулева), отдел киновидеообслуживания (заведующий – В.В. Сафонов). Внутри отдела традиционной народной культуры сектор по работе с фондом фольклорно-этнографических материалов возглавляет А.В. Кулев. Сектором информационных технологий заведует Я.Б. Тимофеева.

По-прежнему в поле зрения Центра находятся многочисленные смотры хоровых, драматических, танцевальных и прочих коллективов, красочные фестивали народного творчества, выставки изделий народных промыслов и картин самодеятельных художников. Работа в коллективе Центра оставляет памятный след в душе многих культработников нашей области, прошедших эту серьезную школу профессионального мастерства.

Таким образом, Вологодский центр народной культуры, учрежденный в 1939 году как Дом народного творчества с функциями организатора олимпиад и смотров самодеятельности, приобрел за 80 лет своего существования статус доминирующего учреждения в методическом руководстве художественным творчеством области. Работа по организации мероприятий постепенно становилась организационно-методической с проведением семинаров руководителей народных художественных коллективов, методической выездной работой, изданием методических разработок и рекомендаций. Результаты фольклорных экспедиций, обобщение и систематизация материалов позволяли формировать научные основы работы. Проведение научно-практических конференций, решение научно-методических и научно-исследовательских задач позволяло описывать и объяснять особенности бытования тех или иных форм самодеятельного художественного творчества, прогнозировать их развитие. Цель деятельности коллектива центра народной культуры, обогащенного опытом всех поколений сотрудников, – информационное и научно-методическое обеспечение деятельности по сохранению традиционной народной культуры, развития народного творчества, социально-культурных инициатив.

Литература

1. Андреев, П. Молодые голоса / П. Андреев // Вологодский комсомолец. – 1969. – 24 декабря. – С. 3.
2. Викулов, С. Успех / С. Викулов // Красный Север. – 1958. – 25 декабря. – С. 4.
3. Дмитриевская, М. Театральный муравейник / М. Дмитриевская // Петербургский театральный журнал. – 2009. – № 2. – С. 5.

4. Дудина, Г. Народные театры Вологодчины / Г. Дудина // Современная драматургия. – 2000. – № 2. – С. 50–53.
5. Живопись: Художественное собрание Вологодского Областного научно-методического центра культуры: буклет / автор-составитель Н. П. Кулижникова. – Вологда : ОНМЦК и ПК, 2008. – 36 с.
6. Каменев, В. С. Дебют молодого режиссера / В. С. Каменев // Культурно-просветительная работа. – 1977. – № 7. – С. 30–32.
7. Кибардина, А. Песни северного края / А. Кибардина // Красный Север. – 1956. – 29 декабря. – С. 4.
8. Кириллова, Э. В гостях у Ирины Малютиной / Э. Кириллова // Вологодская афиша. – 2005. – Август. – С. 11–13.
9. Кириллова, Э. А. Мгновения прошлого... / Э. А. Кириллова, Ю. В. Кириллов // Этот удивительный Гаврилин / составление Н. Е. Гаврилиной. – Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2002. – С. 207–210.
10. Кулев, А. В. Современное состояние коллекций Централизованного фонда фольклорно-этнографических материалов Вологодской области / А. В. Кулев // Современные экспедиционные исследования народных традиций Вологодской области : сборник научных статей / научный редактор, составитель С. Р. Кулева. – Вологда: ОНМЦК и ПК, 2013. – С. 6–14.
11. Кулева, С. Р. Традиционная народная культура в Вологодской области: перспективы развития направления / С.Р. Кулева // Дом культуры. – 2012. – Июль. – С. 24–29.
12. Малютина, И. Отдыхаем вместе / И. Малютина // Красный Север. – 1987. – 21 июня. – С. 4.
13. Серова, Н. Жаль детей, для которых праздник обирачивается пьянством родителей / Н. Серова // Красный Север. – 2001. – 20 марта. – С. 7.
14. Смотр народных дарований. Областная олимпиада художественной самодеятельности // Красный Север. – 1944. – 20 февраля. – С. 1.
15. Театральный разъезд: ведущие народные театры Вологодской области / автор текста и составитель Г. А. Дудина. – Вологда : ОНМЦК и ПК, 2005. – 16 с.

E.A. Kirillova

FROM THE HISTORY OF VOLOGDA CENTRE OF FOLK CULTURE

The article is devoted to the history of «Center of Folk Culture»: formation of the team, development of various aspects and forms of work and its research potential, strengthening its role in providing a methodological guideline for amateur artistic creativity.

Vologda Center of Folk Culture, history of the development of the state-funded institution of culture in Vologda Oblast «Center of Folk Culture»

R.M. Мазаев, А.С. Соловьева
Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛЕМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АПОЛОГЕТИКИ ЮСТИНА МУЧЕНИКА

В статье анализируется наследие христианского апологета II в. – Юстина Философа, представленное апологетическими сочинениями, в которых философское составляющее и риторический нарратив в защиту христианства являются единое целое. При этом важно также выделить собственные философско-мировоззренческие позиции апологета, что делает необходимым рассмотрение биографии Юстина. Особый интерес вызывает риторика, ее приемы и связь с эпохой Второй софистики.

Юстин Философ, раннехристианская апологетика, раннее христианство, античная религия.

Юстин Философ является одним из наиболее выдающихся раннехристианских апологетов. В своей апологетической деятельности он блестяще решает две основные задачи, которые стояли во II–III вв. перед защитниками учения Христова. Во-первых, построение общего дискурса с интеллектуальными элитами Римской империи. Во-вторых, презентация Благой Вести как некой философской школы для лиц наиболее близких в своих духовных чаяниях и социальном плане к христианам. Решение обеих задач обеспечивало легализацию христианства как учения и укрепление положения его последователей в обществе [5, с. 896]. Апологету принадлежит заслуга формирования многих догматических представлений [7, с. 110–111] и конкретно апологетических мотивов, например, преследование христиан «лишь за имя» (ср. Iust. Martyr. I Apol., 24; Athen. Leg., 1–2; Theoph. Ad Aut., I, 1; III, 4), инициация гонений демонами (ср. Iust. Martyr. II Apol., 8; 10–14; Tat. Orat., 16–19; Athen. Leg., 24) и так далее, которые были унаследованы позднейшей христианской апологетикой. Юстин ярко выделяется своим положительным отношением к греческой культуре и готовностью видеть в ней некое неполное Откровение (Iust. Martyr. I Apol., 7–8), которое вошло в мир полностью лишь с пришествием Сына Божьего (63). В своем учении о приоратах человека и Бога апологет активно привлекает стоические или, скорее, среднеплатонические философские концепции [10, р. 304–305], при этом ясно осознавая грань между греческой мудростью и христианским учением [8, с. 100–103].

Родился Юстин около 110 г. в городе Флавия Неваполь в Самарии в семье греческих колонистов (Iust. Martyr. I Apol., 1; 53; II Apol., 15), получил достаточно хорошее образование, а позже отправился в Малую Азию, где в Эфесе промкнул к школе платоников, чье учение в наибольшей мере соответствовало чаяниям Юстина относительно познания Бога (Iust. Martyr. Dial., 2–3). Однако затем он обратился в христианство, по-видимому, до середины 130-х гг. Впоследствии Юстин переезжает в Рим, где им было открыто катехизаторское училище, имеющее форму философской школы, что обеспечивало возможность его отно-

сительно безопасного существования в столице (Acta Iustini., B, 3, 2; C, 2, 5; Euseb. Hist. eccl., IV, 11, 11). Но в период 163–167 гг. наш философ и ряд учеников вместе с ним были казнены по решению префекта столицы Квинта Юния Рустика, чему, возможно, способствовала активная полемическая деятельность Юстина (Acta Iustini., A, 2, 3), в частности, конфликт с киником Кресцентом (Iust. Martyr. II Apol., 3).

Юстину приписывается около 13 произведений, но достаточно твердо авторство Юстина можно отнести лишь к трем дошедшим сочинениям: первая и вторая апологии и «Диалог с Трифоном» [12, р. 335].

Не удивительно, что труды Юстина создают образ автора, достаточно хорошо знакомого с философией эпохи империи и средним платонизмом в частности. Христианский мыслитель адаптирует к своим нуждам не только концепции философских школ, но и метод философствования, в котором все большее значение имело влияние мнений авторитетов [1, с. 22]. Особен-но это заметно на примере «заигрывания» с Платоном. Апологет неоднократно упоминает самого Платона, а также напрямую цитирует или пересказывает его идеи. Исследования по вопросу влияния филосо-фии Платона на Юстину показывают, насколько хо-рошо знал автор не только взгляды Платона, но и ис-пользовал композиционные особенности его произве-дений, выстраивая с помощью них свои собственные, прежде всего это касается «Диалога с Трифоном иудеем» [2, с. 197]. Неоднократно Юстин обращается к изложению так называемой философии Сократа, по-видимому, используя при этом диалоги Платона. Ес-тественно, что Юстин пытается примирить, подчи-нить философию Сократа идеям и идеалам веры Хри-стовой, доказывая, что конфликта между классиче-ским этическим рационализмом и христианским ми-ровоззрением нет.

Большое значение в данном случае имеет понятие «Логос» как высшая категория сил Бога, принимая во внимание, что как в античности, так и в христианстве Логос можно постичь при мудром и внимательном наблюдении за окружающим миром [11, с. 55]. При этом Юстин опирается на сократический идеал истины как этический императив. Апологет, следуя за

мыслью платоновского Сократа, признает ее самой высшей ценностью, которую нужно предпочесть всем остальным суждениям [6, с. 136]. Подобные обращения к классической мысли древней Греции соответствовали общим тенденциям эпохи т. н. «второй софистики» с ее культом классики [3, с. 27].

Достаточно специфична для христианской традиции однозначно положительная оценка философского знания. Автор апологий проводит параллель между теми, кто называется философами в Греции, имеющими разное учение, так и между теми, кто именуется мудрецами у христиан, заявляя о том, что в обоих случаях термины «философ» и «мудрец» могут не соответствовать действительности.

Так Юстин пишет: «καθόλου μὲν οὖν κάκεῖνο ὄμολογοῦμεν, ὅτι δὲ τρόπον οἱ ἐν Ἑλλησι τὰ αὐτοῖς ἀρεστὰ δογματίσαντες ἐκ παντὸς τῷ ἐνὶ ὄνόματι φιλοσοφίας προσαγορεύονται, καίπερ τῶν δογμάτων ἐναντίων ὄντων, οὕτως καὶ τῶν ἐν βαρβάροις γενομένων καὶ δοξάντων σοφῶν τὸ ἐπικατηγορούμενον ὄνομα κοινόν ἔστι: Χριστιανοὶ γὰρ πάντες προσαγορεύονται» (I Apologia 7,3).

Эта мысль развивается в следующем направлении: «Судить же людей необходимо лишь по их делам, а не по тому, как про них говорят» (I Apologia 7, 4). Повидимому, данный пассаж, помимо явных попыток пресечь обвинения против христиан, также содержит в себе довольно ненавязчивую идею о временах Сократа, когда самые различные идеи софистов процветали, а понятие «философ» теряло свою первичную положительную коннотацию. А идея Юстина о том, что оценивать человека необходимо не по речам, которые про него говорят, а по делам, сближает историю казни Сократа и положения христиан в Римской державе. Понимание апологетом того, что человек может называться философом или мудрецом, не являясь таковым, и суждение о том, что лишь дела человека будут определять его, – попытка сблизить представления язычников и христиан.

При этом нужно отметить, что Юстин, принимая классический рационализм древней Греции, отрицательно относится к мифотворчеству и поэзии. Так, он утверждает, что через поэтов люди узнают о порочных, выдуманных делах, которым нет доказательства (I Apologia 23). Юстин порицает то, что через поэтов язычники высмеивают собственных же богов. Вероятно, эти взгляды были восприняты апологетом не только лишь из книг Ветхого Завета, влияние платоновской критики подражательного искусства не менее очевидно [13, с. 144].

Юстин выборочно критикует те стороны религиозной жизни, которые более, по-видимому, не имеют столь сильного авторитета в языческом мире. Это, прежде всего, относится к оракулам. Уже в IV в. до н.э. в древней Греции мифологическая традиция начинает переосмысливаться и во многом ставится под сомнение, происходит рост скептицизма по отношению к оракулам [4, с. 346]. Достаточно вспомнить комедии Аристофана, где поэт не боится высмеивать как богов, так и софистов, ставивших под сомнение полисную этику [9, с. 160]. Юстин направил свою критику на потерявшие авторитет языческие представления. Апологет перечисляет древнегреческих оракулов и

архаические философские школы, заявляя о том, что вера в одного Бога намного целесообразнее и мудрее, чем представления архаической эпохи. При этом нужно отметить мастерство и осторожность критики Юстина, который, упоминая философию Пифагора, Эмпедокла и мифологический эпос Гомера, лишь указывает на то, что сила христианского учения в том, что христиане веруют в Бога более, чем их предшественники (I Apologia 17). При этом Юстин выдвигает главный аргумент о том, что единый Бог христиан более могущественен чем языческие боги, ведь Он способен вернуть тела умершие и после смерти человека. В качестве примера Юстин приводит Улисса, который может лишь соприкоснуться с тенями умерших, спустившись в загробный мир (I Apologia 17). Можно предположить знакомство нашего апологета с иудо-христианским псевдоэпиграфами – Сивиллиными книгами.

Юстин в своих апологиях дает свою интерпретацию греческого пантеона, не уделяя специального внимания римскому. Первоначально апологет критикует язычников в том, что они склонны уподобляться «плохим богам», упоминая деяния Зевса и его потомков, заявляя, что истории про божеств написаны для того, «чтобы в разладах и дурных склонностях воспитывать детей, ведь все признают, что прекрасно подражание богам». (ὅτι εἰς διαφορὰν καὶ προτροπὴν τῶν ἐκπαιδευμένων ταῦτα γέγραπται· μηδὲτὰς γὰρ θεῶν καλὸν εἴναι πάντες ἥγοῦνται. – I Apologia 21,3). Однако за такой критикой снова идет аналогия, которая сближает христианское и античное мировоззрение, Юстин говорит, что Гермес для язычников – Слово Зевса и Олимпийский богов, также как Христос. Во многих современных переводах авторы добавляют свое различие, указывая, что Христос – Слово Бога, с заглавной буквы, а Гермес – вестник богов или их слово, но со строчной буквы. Мастерство Юстина в аналогиях тем более видно в оригинальном тексте, где и Гермес, и Христос находятся в равных позициях, для каждого автор употребляет термин λόγος со строчной буквы. Таким образом, Юстин умело использует сразу же два приема: 1) критику языческого учения; 2) аналогии. Очевидно, что Гермес Триждевеликий не мог быть богом в понимании нашего апологета, почему он затем сравнивается с другим культурным героем древности – Моисеем. Первоначально критикуя античное представление о богах, он сглаживает критические очерки тем, что приравнивает языческие понятия с христианскими, делая веру в единого Бога более доступной и близкой античному читателю. Одна из осевых концепций в вероисповедании и апологетике Юстина – учение о Логосе – основывается на характере отношений между человеком, тварным миром и Богом, что требовало от апологета выяснения и определения самой природы Господа. По Юстину, Бог познается лишь через внешние его проявления в мире, благодаря определенной связи человека с ним, но ни как не через понятия – имена (ονόματα) Бога – неспособные выразить его сущность (Iust. Martyr. II Apol., 6). Эпитеты, прилагаемые к Богу, как «Творец», «Отец», «Господь», «Владыка» есть названия (προσβρήσεις), выражющие лишь проявления Бога во вне. При этом Бог человеколюбив, что прояв-

ляется в творении человека и мира для него, а также в Проведении (Iust. Martyr. I Apol., 10; Dial., 123). Однако Бог в качестве «первой ипостаси» совершенно трансцендентен в отношении к миру (Iust. Martyr. Dial., 127), что подчеркивается апофатическими наименованиями «неизреченный» (*άρρητος*), «непреложный» (*ατρέπτος*), «бесстрастный» (*απαθής*) и так далее. Причем в своем употреблении терминологии Юстин близко подходит к платонической традиции. Особенно ярко выражено это в случае дарования Богу эпитета «Отец всего» (о *πατήρ τῶν ὅλων* (Iust. Martyr. I Apol., 45)), что сходно с наименованием Творца у Платона (*ποιητὴν καὶ πατέρα τοῦδε τοῦ παντὸς* (Plat. Tim. 28c)).

Кроме космологической, Логос имеет сотериологическую и гносеологическую функцию [1, с. 22–29], являясь воплотившимся Сыном Божиим, принесшим искупление и совершенно истинное знание человечеству (Iust. Martyr. I Apol., 63). До того истинна, в которой сочетаются гносеологический, сотериологический и этический аспекты [1, с. 53–59], не раскрыта полностью, была доступна, благодаря пророкам, устами коих вещал пророчественный Дух (31). Наличие в человеке «семенных логосов» (*λόγου σπερματικοῦ*) также позволяло каждому частично приближаться в своем познании к истине (44). Это положение давало возможность Юстину называть ряд языческих философов, чье учение в определенных моментах было соотносимо с христианской догматикой, христианами, а их творчество считать частичным предвосхищением Откровения (7–8).

Юстин также преобразовывает языческие мифы, связанные с восхождением на небо. Апологет цитирует пророка Моисея: «Сын Божий привяжет к виноградной лозе своего осленка и омоет одежду свою в крови грозда» (I Apologia, 93), указывая на то, что миф о рождении Диониса от Зевса и о том, что Дионис явился покровителем винограда, а также использование осла в таинствах, посвященных ему – это переработка слов Моисея. А двусмысленность слова *πῶλος*, которое может значить как жеребенка коня, так и осла, позволила язычникам создать миф о Беллерофонте, который поднялся на небо на Пегасе. Юстин упоминает пророка Исаию, который утверждал, что «Христос родился от Девы, Сам собою взойдет на небо», эти слова, по мнению апологета, послужили основой для мифа о Персее. А когда эллины узнали, «что Он, как предсказано в вышеприведенных пророчествах, “сilen, как исполин, готовый идти в путь”, то сказали, что Геркулес был silen и обошел всю землю. Когда же опять услышали пророчества о Нем, что Он будет исцелять всякую болезнь и воскрешать мертвых, – представили очи себя Ескулапия» (I Apologia, 94).

Юстин стремится удревнить деяния пророков и показать взаимосвязь и преемственность эллинского учения от христианского. Также Юстин пытается доказать, что христианство не является «новой религией» (*religio nova*), но наоборот, есть религия наиболее древняя. Истина Христова относится к существовавшему до творения мира Логосу, а впервые выражена она была пророками, предшествующими всем философам (23–24; 44). При этом христианство является

также наилучшей и истинной философией, поскольку слова пророков не противоречивы, а понимание учения Христова доступно по вере каждому, а не только ученым и философам, что отличает его от учений прочих философских школ в лучшую сторону (Iust. Martyr. I Apol., 60; II Apol., 8; 10). Таким образом, низкий социальный статус христиан становится в какой-то мере аргументом для апологии, а не критики христианства (ср. Min Felix. Oct., 8; Luc. De Mort. Per., 12 ; Orig. Contr. Cels., III, 43–55).

При этом апологет вводит еще одно объяснение того, как появлялись мифы у язычников, говоря о существовании демонов, которые были создателями данных мифов. Логично предположить, что понятие *δαίμον* было также воспринято Юстином через философию среднего платонизма. Стоит отметить, как Юстин умело использует понятие *δαίμον* для того, чтобы смягчить критику языческих представлений, но обратить взор читателя на то, что в античной философии также были и те, кто понял Слово Божие, однако именно демонические силы, по мнению Юстина, направили язычников по неправильному пути. Так, он приводит в качестве примера Гераклита, используя историю его смерти как доказательство того, что люди, насаждающие правильное учение о Логосе, были убиваемы (2 Apologia 8). Таковым же, по мнению Юстина, был и Сократ, который пытался отвратить людей от неправильных представлений, от Гомера и других поэтов, которые насаждали мифологическую картину мира. Однако главное отличие Христа от предшествующих античных мыслителей в том, что Христос смог своей силой показать праведный путь и заложить новые праведные представления о мире.

Юстин положительно относился к личностям античных философов, будучи сам по своей природе философского склада ума. Однако главная цель апологета состояла в том, чтобы показать праведное мировоззрение, которое он видел в рождающемся христианстве. Так и в трудах Платона и платоников он усматривал, прежде всего, не космологию, а теологию. Юстин активно привлекал архаические образы мифов, трактуя их на свой лад и показывая их истоки. Он сравнивал их со словами христианских пророков, тем самым удревняя христианское учение, ставя его первым и по времени и по значимости. При этом апологет критикует мифологическую картину мира язычников крайне осторожно, обнажая не ее неправильность, а, скорее, указывая на то, как люди уходили с правильного пути под действием демонических сил. Именно так Юстину удается нашупать тонкую грань между критикой язычества и схожестями античного мировоззрения и христианства.

Литература

1. Диллон, Дж. Средние платонники. 80 г. до н.э. – 220 г. н.э. / Дж. Диллон ; пер. с англ. Е. В. Афонасина. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко : Алей, 2002. – 447 с.
2. Зуева, Е. В. Влияние пересказанных диалогов Платона на жанровые и композиционные особенности «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) / Е. В. Зуева // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2009. – № 13. – С. 196–202.

3. Зуева, Е. В. Исторический факт и литературный прием в «Диалоге с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа (II в.) / Е. В. Зуева // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2011. – Вып. 2. – С. 27–31.
4. Кулешова, О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.) / О. В. Кулешова. – Санкт-Петербург : Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2001. – 432 с.
5. Лебедев, П. Н. Рим и Христианство: переосмысление истории в апологетике II–III вв. / Лебедев Павел Николаевич // ВДИ. – 2018. – Т. 78, № 4. – С. 889–908.
6. Митрошина, Н. А. Влияние иудейской и греческой традиций апологии на св. Иустина Философа / Н. А. Митрошина // Рязанский богословский вестник. – 2011. – № 1. – С. 135–143.
7. Приходько, М. А. Апологетика Иустина Философа и Татиана Ассирийца как опыт самосознания христианской культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Приходько М. А. – Санкт-Петербург, 2014. – 137 с.
8. Сидоров, А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности / А. И. Сидоров. – Москва : Русские огни, 1996. – 348 с.
9. Тронский, И. М. История античной литературы / И. М. Тронский. – Ленинград : Учпедгиз, 1946. – 496 с.
10. Droege, A. J. Justin Martyr and the Restoration of Philosophy / A. J. Droege // Church History. – 1987. – Vol. 56, № 3. – P. 303–319.
11. Parvis, P. Justin Martyr / P. Parvis // Expository Times. – 2008. – Vol. 120. – P. 53–61.
12. St. Justin Martyr Apologies / Translated and edited by D. Minns and P. Parvis. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
13. Hyldahl, N. Philosophie und Christentum: Eine Interpretation der Einleitung zum Dialog Justins / N. Hyldahl – Kopenhagen: Prostant apud Munksgaard Munksgaard, 1966.

R.M. Mazaev, A.S. Solovyeva

PHILOSOPHICAL AND POLEMICAL ASPECTS OF JUSTIN MARTYR'S APOLOGETICS

The article analyzes the heritage of Justin the Philosopher, the Christian apologist of the 2nd century. It is represented by his apologetic writings, in which philosophical components and rhetorical narrative in defense of Christianity are a single whole. It is also important to distinguish the apologist's own philosophical and ideological views, so it is necessary to consider Justin's biography. The authors come to the conclusion that the apologetic concepts cited by Justin laid the basis for the subsequent tradition of early Christian apologetics. Justin's contribution to Christian dogmatics, especially his doctrine of the Logos, is also significant.

Justin the Philosopher; early Christian apologetics; early Christianity; ancient religion.

A.N. Турубанов
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН

I.A. Тюкавина
Коми республиканская академия
государственной службы и управления

ОБ ОПУБЛИКОВАННЫХ ИСТОЧНИКАХ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.П. МОРОЗОВА

В статье на основе опубликованных документальных материалов намечены основные направления исследования истории государственной и общественной деятельности члена ЦК КПСС, депутата Верховных Советов СССР и Коми АССР, первого секретаря Коми областного комитета партии Ивана Павловича Морозова. Имеющаяся источниковая база позволяет выявить результаты созидательной работы этого видного деятеля нашей страны.

Источниковые исследования, программа развития производительных сил Коми АССР, направления изысканий ученых Республики Коми.

В Республике Коми сложились определенные традиции источниковедческих изысканий по истории индустриального развития региона, а именно: публикации как отраслевых, так и тематических сборников документов и материалов [6–10; 12; 15], ряда статей, где проанализированы отдельные вопросы источниковедческих проблем [13]. Одновременно надо отметить, что в конкретно-исторических трудах ученых республики есть, как правило, источниковедческие разделы, по которым мы можем судить о документальной базе исследований научной проблемы. Но в целом исследования документальных источников в Республике Коми находятся на первоначальном этапе¹, а роль видных государственных и общественных деятелей в становлении и развитии экономики и культуры региона слабо изучена. В этом плане «не повезло» также Ивану Павловичу Морозову, члену ЦК КПСС, депутату Верховных Советов СССР и Коми АССР, первому секретарю Коми обкома КПСС², хотя Коми республиканский общественный фонд имени И.П. Морозова издал три книги, посвященные И.П. Морозову [1; 2; 11]. Но этого, на наш взгляд, недостаточно.

В то же время многогранная деятельность Ивана Павловича получила определенное освещение в вышеназванных сборниках документов и материалов, в воспоминаниях бывших хозяйственных и партийных руководителей региона, опубликованных в Республике Коми за последние 30 лет. Важные сведения по «делам» Ивана Павловича можно выявить и в периодической печати как центрального, так и местного значения.

Таким образом, для исследования истории государственной и общественной деятельности И.П. Морозова в Республике Коми имеются важные докумен-

тальные публикации. Материалы этих изданий позволяют выявить основные направления изучения этой темы. Кратко рассмотрим отдельные направления этих исследований.

На наш взгляд, к середине 60-х годов XX века наследие гулаговской экономики на территории Коми АССР было преодолено: центральные органы страны приняли окончательное решение о целесообразности крупномасштабных работ по развитию не только нефтегазовых месторождений края, но и шахт Печорского угольного бассейна³. 19 декабря 1966 г. И.П. Морозов впервые выступил на заседании сессии Верховного Совета СССР, где выдвинул Программу развития производительных сил Коми АССР не только на период восьмой пятилетки, но и на длительную перспективу. В перечне первоочередных задач Иван Павлович поставил перед органами власти вопросы развития энергетической базы региона, изменения структуры лесного комплекса в республике, расширения железнодорожной сети в Коми АССР, формирования и развития новых производств, ускорения технического прогресса в условиях Севера. Одновременно предлагалось обратить внимание на миграционные проблемы в регионе, на решение социальных проблем как в городах, так и в сельской местности и ряд других проблем, которые тормозили поступательное экономическое и культурное развитие национального края Российской Федерации.

Однако перейдем к анализу основных направлений исследования вышеназванной научной проблемы.

Итак, первое. *Проблема создания на Европейском Северо-Востоке Российской Федерации мощной топливно-энергетической базы страны*. И.П. Морозов уже в первом своем выступлении на заседании Верховного Совета СССР, анализируя потенциальные

¹ См. об этом поподробнее [13, с. 26–28].

² В должности первого секретаря Коми областного комитета КПСС И.П. Морозов работал с 1965 по 1987 гг.

³ Как известно, освоение богатейших лесных ресурсов Коми АССР было и оставалось приоритетной задачей хозяйственных органов региона.

энергетические ресурсы Северо-Запада Российской Федерации, подчеркнул, что запасы этих ресурсов в Коми АССР превышают ее собственные потребности в 7–8 раз [3]. Иван Павлович предложил, во-первых, ускорить строительство новых шахт в Печорском угольном бассейне и крупных электростанций на базе каменных углей⁴, во-вторых, «ускорить обустройство нефтегазовых месторождений, в первую очередь Вуктыльского, для ввода их в промышленную эксплуатацию с тем, чтобы в 1967–1968-х годах построить магистральный газопровод Вуктыл – Ухта – Череповец и газоперерабатывающий завод».⁵

Как же на самом деле обстояло дело с формированием и развитием новой топливно-энергетической базы страны на территории Коми АССР? Посудите сами. Во-первых, на развитие угольной промышленности капитальные вложения ежегодно отпускались не в полном объеме⁶. К тому же предложения И.П. Морозова, высказанные им на заседании сессии Верховного Совета СССР 29 ноября 1979 г., о строительстве в годы десятой пятилетки в Печорском бассейне трех новых шахт так и не нашли практического «применения»⁷, хотя Совет Министров СССР в двух своих постановлениях⁸ поддержал инициативу И.П. Морозова.

В своей статье «Комплекс на Тимане», опубликованной в журнале «Хозяйство и право» (№ 4 за 1982 г.), И.П. Морозов с горечью писал, что «бассейн по существу утрачивает перспективы развития. На сегодня практически отсутствует задел мощностей по добыче угля. За годы последних двух пятилеток не начато строительство ни одной новой шахты. В то же время к 1985 году произойдет выбытие части действующего шахтного фонда» [2, с. 249].

⁴ Уже тогда шел в научных кругах Коми АССР разговор, в первую очередь, о строительстве Интинской ГРЭС, однако эта стройка так и не была начата.

⁵ Газ из Вуктыла по газопроводу Вуктыл–Ухта–Рыбинск (Череповец) был подан домам Череповецкого металлургического завода 8 мая 1969 г.

⁶ 17 апреля 1968 г. И.П. Морозов, выступая на собрании актива Воркутинской городской партийной организации, сообщил, что после принятия постановления Совета Министров СССР от 21 июня 1965 г. «О мероприятиях по дальнейшему развитию угольной промышленности Печорского бассейна» «прошло почти три года». Однако, «коно выполняется очень плохо, в основном из-за недостаточных капитальных вложений» [2, с. 58].

⁷ П. В своем выступлении И.П. Морозов на заседании сессии Верховного Совета СССР от 29 ноября 1979 г. отметил, что «воспроизведение шахтного фонда [имеется ввиду в Печорском угольном бассейне] из-за ограниченных капиталовложений (например, на десятую пятилетку они составляют 60 проц. необходимых) ведется настолько медленно, что сейчас на двенадцати шахтах из девятнадцати выемка угля производится по так называемым «временным схемам» [4].

⁸ III. За 1981–1985 гг. шахты Печоры недополучили 130 млн руб. государственных капитальных вложений, предусмотренных в постановлении Совета Министров СССР от 5 марта 1982 г. «О мерах по развитию Печорского угольного бассейна в 1982–1985 гг. и в двенадцатой пятилетке» [5; 14, с. 70].

⁹ Речь идет о строительстве в Воркуте шахт № 33 «Воркутинская» и «Усинская» № 1 и в Инте – «Чернореченская».

¹⁰ Первое постановление Совет Министров СССР принял 5 марта 1982 г. «О мерах по развитию Печорского угольного бассейна в 1982–1985 годах в двенадцатой пятилетке», второе – 23 октября 1986 г. «О мерах по комплексному развитию производительных сил Коми АССР в 1986–1990 годах и в период до 1995 года» [10, с. 531–539; 15, с. 294].

Во-вторых, нефтегазовая отрасль промышленности Коми АССР развивалась также неравномерно. Два постановления директивных органов страны⁹, которые появились после неоднократных обращений бюро Коми обкома партии и Совета Министров Коми АССР в центральные органы страны, в том числе к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу и Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину об ускоренном развитии добычи газа и нефти на территории республики, сыграли определенную роль в формировании и развитии новой топливно-энергетической базы страны. Однако этот результат был достигнут с большими издержками для государства. По данным бывшего секретаря Коми обкома партии Н.Н. Кочурина, «на протяжении девятой пятилетки нефтяная промышленность республики ежегодно теряла свыше 300 млн куб. м газа. Без принятия дополнительных мер в десятой пятилетке потери его будут резко возрастать»¹⁰ [14, с. 163]. Подобных примеров бесхозяйственности можно привести множество (из-за ошибок в системе разработки Вуктыльского газоконденсатного месторождения¹¹, в объединении «Коминефть» в годы десятой пятилетки было сожжено в факелях около 1,5 млрд куб. м попутного газа [2, с. 181] и др.). Объемы добычи нефти и газа уже в годы десятой и одиннадцатой пятилеток постепенно стали снижаться (не выполнялись плановые задания¹²), а в 1986–1990 гг. наблюдался «полный провал» (85,3% по нефти и почти 76% по газу за 1990 г.)¹³ [14, с. 153].

Второе. *Проблемы комплексного использования древесного сырья в Коми АССР – изменение отраслевой структуры лесного комплекса.*

Вышеуказанные документальные издания Республики Коми позволяют судить о личном вкладе И.П. Морозова в развитие лесного комплекса Коми АССР за II половину 60-х – 80-е годы XX века. На заседании сессии Верховного Совета СССР 19 декабря

⁹ Имеется в виду постановление Совета Министров СССР от 10 мая 1967 г. «Об усилении геологоразведочных работ на газ, организации добычи природного газа на Вуктыльском месторождении в Коми АССР и о строительстве магистрального газопровода с этого месторождения в районе Центра и Северо-Запада» и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 апреля 1974 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ и развитию нефтяной и газовой промышленности в северных районах Коми АССР и в Ненецком национальном округе Архангельской области» [7, с. 139; 8, с. 209].

¹⁰ Как известно, в дальнейшем попутный газ, например, Усинского месторождения стал поступать в Печорский район и использовался как топливо на Печорской ГРЭС.

¹¹ По данным И.П. Морозова, приведенным им в статье «Комплекс на Тимане» (журнал «Хозяйство и право», № 4 за 1982 г.), отмечалось, что «система его разработки, основанная на естественной отдаче пласта, привела безвозвратной потере газового конденсата. За время эксплуатации месторождения выпало в осадок и не извлечено около 18 млн тонн конденсата [2, с. 243].

¹² Причинами этого процесса являлись снижение объемов финансирования этих отраслей, истощение промышленных запасов нефти и газа на территории Коми АССР и другие.

¹³ Госплан СССР и Министерство нефтяной промышленности СССР на двенадцатую пятилетку уже в проекте плана новой пятилетки предусматривали снижение объемов добычи нефти. И.П. Морозов не был согласен с этой позицией, так как только на территории Коми АССР имеется «новая производственная база на Севере» и «промышленные (балансовые) запасы нефти около 2 млрд тонн» [2, с. 323].

ря 1966 г. И.П. Морозов поставил задачу комплексного и рационального использования древесины и приложил максимум усилий, чтобы «сдвинуть с места» проблему комплексного использования лесосырьевых ресурсов Коми АССР. Первым шагом в решении этой проблемы явилось выполнение¹⁴ совместного постановления бюро [Коми] обкома КПСС и Совета Министров Коми АССР от 30 марта 1967 г. «О мерах по улучшению использования низкосортной древесины, дров и отходов производства на предприятиях лесной промышленности республики». Вторым крупным шагом партийных и хозяйственных руководителей республики явилось рассмотрение на пленуме Коми обкома КПСС 28 марта 1972 г. вопроса об улучшении структуры лесной промышленности и комплексном использовании древесного сырья. Пленум на основе предложений специалистов научно-исследовательских и проектных институтов и производственных организаций принял программу действий предприятий лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Коми АССР по комплексному использованию древесного сырья. В докладе И.П. Морозова на пленуме отмечалось, что эта программа рассчитана в основном на девятую пятилетку (1971–1975 гг.), а ее завершение – на следующую¹⁵. На 1 января 1977 г. производственные мощности предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности Коми АССР составляли: по лесопилению – 873 тыс. куб. м, по производству технологической щепы – 488 тыс. куб. м, по производству фанеры – 73,6 тыс. куб. м, по производству ДВП – 18,0 млн м², по производству ДСП – 71,0 тыс. куб. м и по производству мебели – 10,8 млн руб. До выполнения программы мероприятий намеченного пленумом Коми обкома партии было еще «далековато» [6, с. 185], хотя первые результаты в комплексном использовании древесных ресурсов в республике были уже видны¹⁶. Эти достижения радовали И.П. Морозова, и в первую очередь успехи лесов-

¹⁴ К сожалению, многие пункты конкретных заданий, установленных этим решением бюро Коми обкома партии и Совета Министров Коми АССР для предприятий и организаций республики, не удалось выполнить. В частности, в письме И.П. Морозова министру лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР Тимофееву Н.В. от 3 мая 1971 г. «О развитии лесной промышленности в Коми АССР в 1971–1975 гг.» отмечалось, что «из-за отсутствия в республике необходимого количества лесоперерабатывающих предприятий объединение «Комилеспром» испытывает серьезные трудности в сбыте лиственной древесины, заготовка которой на действующих предприятиях не превышает одного миллиона кубометров в год из отпускаемой годичной лесосеки 4 млн кубометров. Остальная лиственная древесина оставляется на корню». В этом же письме Иван Павлович попросил министра «специально рассмотреть на коллегии Министерства вопрос о развитии лесной промышленности в Коми АССР в девятой пятилетке и предусмотреть ускоренный ввод мощностей в бассейне рек Печоры и Вычегды, а также создание в республике необходимых мощностей по переработке лиственной древесины» [2, с. 97–98].

¹⁵ По плану в Коми АССР должны ввести в строй «новые мощности по производству 900 тыс. кбм пиломатериалов, 100 тыс. кбм фанеры, мебели на 16 млн рублей, 950 тыс. кбм древесно-стружечных плит (ДСП), 35 млн кв. метров древесно-волокнистых плит (ДВП), 75 тыс. тонн кормовых дрожжей, 65 тыс. кбм тары, 1,1 млн кбм технологической щепы и значительное количество другой продукции» [2, с. 120].

¹⁶ По мнению бывшего начальника объединения «Комилеспром» И.С. Иевлева, «мы постоянно стучались в двери столичных министерств и ведомств, и при поддержке И.П. Морозова, добивались выделения необходимых средств и лимитов [11, с. 148].

химиков Сыктывкара. Еще в ходе строительства Сыктывкарского комплекса И.П. Морозов, при встрече с министром целлюлозно-бумажной промышленности СССР К.И. Галаншиным, поставил перед центральными проектными и хозяйственными организациями вопрос о переводе второго потока целлюлозного завода Сыктывкарского ЛПК на «листву». По воспоминаниям бывшего начальника объединения «Комилеспром» П.Г. Хамыженкова, Галаншин К.И. «обещал рассмотреть этот вопрос и впоследствии он был решен» [1, с. 184]. Благодаря усилиям И.П. Морозова на Сыктывкарском ЛПК успешно было завершено возведение объектов второй очереди комплекса¹⁷. В письме в Совет Министров СССР от 20 февраля 1986 г. «О строительстве третьей очереди Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в XII пятилетке» Иван Павлович снова ставит вопрос о расширении производственных мощностей гиганта лесохимии на Вычегде [2, с. 239], утверждая, что «строители и монтажники при сооружении бумагоделательных машин № 4 и 5 Сыктывкарского ЛПК накопили большой опыт строительства объектов целлюлозно-бумажной промышленности, обе машины сдали на год раньше установленного срока и могут с большой эффективностью ввести бумагину № 6 в текущей пятилетке». А в целом за 1969–1986 гг. на Сыктывкарском ЛПК были введены в строй мощности по производству бумаги в объеме 330 тыс. т в год, целлюлозы – 478 тыс. т. В 1986 г. на ЛПК было произведено 388,3 тыс. т бумаги, много других видов продукции лесного комплекса Коми АССР [1, с. 147, 149]. В отраслевой структуре лесного комплекса республики доля ЛПК составила в 1990 г. уже 30%, (на деревообрабатывающие предприятия пришлось 21,6%), то есть доля продукции лесопереработки превысила удельный вес лесозаготовительной промышленности, что стало знаменательным событием в истории развития лесного хозяйства Коми АССР.

Таким образом, имеющаяся опубликованная документальная база позволяет исследовать важнейшие аспекты созидательной деятельности видного государственного и общественного деятеля нашей страны Ивана Павловича Морозова.

Литература

1. Иван Павлович Морозов в воспоминаниях и документах. – Сыктывкар, 1999. – 756 с.
2. Иван Павлович Морозов. Все остается людям [сборник документов и материалов] / составитель В. Н. Мастрakov ; предисловие А. А. Болдырев. – Сыктывкар, 2009. – 368 с.
3. Красное знамя. – 1966. – 21 декабря.
4. Красное знамя. – 1979. – 1 декабря.
5. Красное знамя. – 1987. – 20 января.
6. Лесная промышленность Республики Коми. 1961–1999 гг. : сборник документов и материалов / научный руководитель – составитель А. Н. Турубанов. – Сыктывкар, 1994. – Кн. 1. – 208 с.
7. Нефть и газ Коми АССР : сборник документов и материалов / составитель В. Д. Захаров, А. Н. Козулин. – Сыктывкар, 1979. – 264 с.
8. Нефть и газ Коми края : сборник документов и материалов / составитель В. Д. Захаров, А. Н. Козулин. – 2-е изд. доп. и перераб. – Сыктывкар, 1989. – 288 с.

¹⁷ Речь идет о строительстве двух бумагоделательных машин (№ 4 и 5) общей мощностью 230 тыс. тонн.

9. Совет Министров Коми АССР в документах и материалах (1946–1971 гг.) / автор-составитель В. Н. Мастраков. – Сыктывкар, 2008. – Т. III, ч. 1. – 571 с.
10. Совет Министров Коми АССР, Коми ССР, Республики Коми в документах и материалах. (1971–1994 гг.) / автор-составитель В. Н. Мастраков. – Сыктывкар, 2009. – Т. III, ч. 2. – 594 с.
11. Соратники (Памяти Ивана Павловича Морозова). – Сыктывкар, 2004. – 346 с.
12. Строительный комплекс Республики Коми в XX веке : сборник документов и материалов / составитель А. Н. Турубанов. – Сыктывкар, 2012. – 186 с.
13. Турубанов, А. Н. «Опубликованные источники по истории индустриального развития Республики Коми / А. Н. Турубанов // История и культура Российского Севера в исследовательском образовательном и просветительском измерениях : материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.). Часть 2. – Сыктывкар, 2018. – С. 26-28.
14. Турубанов, А. Н. Топливный комплекс Республики Коми в XX веке / А. Н. Турубанов. – Сыктывкар, 2007. – 191 с.
15. Угольная сокровищница Севера : сборник документов и материалов / редактор-составитель В. Д. Захаров. – Сыктывкар, 1984. – 312 с.

A.N. Turubanov, I.A. Tyukavina

**ON THE SOURCES PUBLISHED IN THE KOMI REPUBLIC TO STUDY
I.P. MOROZOV'S STATE AND PUBLIC ACTIVITY**

The article outlines the main directions to study the development of state and public activities of Ivan Pavlovich Morozov, a member of the CPSU Central Committee, Deputy of the Supreme Soviets of the USSR and the Komi ASSR, the first Secretary of the Komi regional branch of the Communist Party. The published documentary materials make it possible to estimate the results of the constructive work of this distinguished statesman.

Source studies, the program to develop productive forces in the Komi ASSR, research directions of the scientists in the Komi Republic.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЛОГДА СЕГОДНЯ

УДК 821.161.1(470.12)

*Андрей Пермяков
Петушки, Владимирская область*

К ПЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СЕРИИ «ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ»

На основе анализа книг, вышедших в серии «Том писателей», автор исследует генез и актуальное состояние современной вологодской литературы как самостоятельного явления, ведущего свою генеалогию непосредственно из эпохи Высокого модерна (первая четверть XX века). При этом рефлексия и восприятие последующих литературных явлений и течений, а также несомненное влияние как современных общественных явлений, так и длительной истории придают вологодской литературе абсолютное своеобразие и потенциал развития.

Современная поэзия, современная проза, региональная литература, Вологда, перспективы, сравнительные исследования.

Наверное, абсолютному большинству литераторов знакомо чувство, граничащее с довольно черной завистью. Оно возникает, когда, увидев некое произведение, думаешь: «Отчего я сам его не написал?» Гораздо более редок иной вариант: прочитав нечто опубликованное, понимаешь, что сам хотел бы сказать именно так, но очень рад за автора. И за себя.

Именно так случилось у меня со статьей Натальи Мелёхиной «Вологодские парадоксы» [4]. При всей любви к городу Вологде, к вологодской литературе и к отдельным ее представителям, сам я все-таки человек неместный. Тем сильней порадовало совпадение личных вкусов, пристрастий и наблюдений с мнением человека, давно присутствующего в вологодской (впрочем, и в общероссийской) литературной жизни и ставшего заметным явлением этой жизни. Совпадение, повторим, было полным, в том числе на уровне мероприятий и персоналий, а сомнения вызвал буквально один факт: Наталья пишет о ситуации противостояния между региональными отделениями двух основных писательских союзов как о чем-то уникальном: «Осложняет жизнь литераторов и противостояние двух писательских организаций – вологодских отделений Союза писателей России и Союза российских писателей. И снова особенность: конфликты между “патриотами” и “либералами” встречаются всюду, но мало где оно принимают настолько ожесточенные формы» [4].

Уверяю: в Вологде положение далеко не худшее. Там есть замечательное взаимодействие актуальных авторов и организаторов как минимум с одним из писательских Союзов. Во многих регионах дела гораздо печальней. Ситуация колеблется в диапазоне от полного игнорирования независимых литераторов до активного противодействия их инициативам. И Союзы

друг друга часто не любят – гораздо сильнее, чем в Вологде. Но это их внутренние дела.

Существуют примеры обратные, замечательные. То есть в целом отношение писательских организаций к актуальным авторам крайне разнообразно. Опять-таки, в Вологде, как мы видим, большинство таких авторов состоят в одном из писательских союзов. К слову, само по себе понятие «актуальности» весьма размыто; оно может означать – в зависимости от целей употребляющего данный термин – прямо противоположные значения. Поэтому давайте определим *ad hoc*¹ термин «актуальность» как признание значимыми для литературы и общества структурами, презентующими литературу, вклада пишущего в настоящее время автора.

В приведенном определении под «структурой» будем понимать литературные журналы, обладающие историей и репутацией, несколько издательств, пять-шесть литературных премий и примерно такое же количество интернет-сайтов. Заметим: писательские союзы вполне могут быть причастны к упомянутым институциям. К примеру, Союз российских писателей выпускает интересный альманах «Паровозъ», Союз писателей Москвы – журнал «Кольцо А» и т.д. Собственно, и серия книг, которой посвящена наша статья, издана Вологодским отделением Союза российских писателей.

Таким образом, взаимодействие нынешних вологодских литераторов с устоявшимися формациями надо признать довольно активным и плодотворным. Это позитивный и далеко не самоочевидный момент: литература в ее нынешнем виде многим обязана анде-

¹ «в данном конкретном случае» (лат.)

граундному, неподцензурному и в той или иной степени гонимому искусству времен позднего СССР. Оттого следы противостояния между тогдашним условным официозом² и тогдашним же подпольем проявляются до сих пор, спустя многие десятилетия.

Например, по мнению Юлии Подлубновой [7], ироничное отношение известного поэта и литературного деятеля Виталия Кальпиди к представителям советских писательских организаций, обусловленное его предельно независимой молодостью, оказывает влияние на состав многотомной Антологии Уральской поэтической школы, издаваемой им уже много лет. При этом в Челябинске, Екатеринбурге и Перми взаимоотношения между Союзами писателей и актуальными литераторами вполне рабочие.

Только что прозвучало название региона, процессы, идущие в котором, помогут нам обозначить как раз собственное и важное в современной вологодской литературе. Собственно, тему о сходствах и различиях уральской и вологодской ситуаций я уже намечал в небольшой статье о книге «Знак улитки» (автор – Наталья Боева) [3]. Книга та появилась в вологодской серии «Том писателей» [6]. Напомним: серия начала выходить в 2015-м, пять лет назад. Кажется, сейчас о ней можно поговорить уже с некоторого расстояния во времени и, возможно, прийти к определенным выводам.

Интересно, что явным образом историю Уральской поэтической школы можно проследить с 1992-го года, когда все тот же Виталий Кальпиди начал выпуск книжной серии, красиво и эпатажно названной «Классики пермской литературы». В той серии, как и в «Томе писателей», вышло тоже двенадцать книг. Разумеется, это забавное совпадение, но, может, не вовсе случайное?

Определим важные количественные моменты: и Урал, и Вологодская область – регионы большие. Только вот по населению они не слишком сопоставимы. Кроме состоящего из миллионных городов треугольника Екатеринбург – Пермь – Челябинск, на Урале есть Нижний Тагил, есть Магнитогорск. Неподалеку расположен Курган. Пусть первый из этих городов располагает собственной поэтической школой со своими особенностями и давней историей, а два других в литературном поле заметны эпизодически, но любой из них превышает по численности населения и Вологду, и Череповец. Также на Урале живет и активно работает старый,уважаемый толстый литературный журнал, неоригинально называющийся «Урал».

Тем не менее, если мы сравним представленность вологодских и уральских авторов в перечисленных литературных институциях – журналах, премиях, качественных сайтах, – эта представленность окажется вполне сопоставимой. Еще можно вспомнить о феномене регулярных сомнений представителей уральской и вологодской литератур в существовании каждой из этих литератур как некой общности.

Вот с этого, с возможности региональной литературной общности и о глубинных особенностях такой

общности, мы и хотим начать разговор. На сей раз преимущественно станем говорить о вологодском феномене. И говорить на примере тех самых двенадцати книг, вышедших в серии «Том писателей». Разумеется, необъятного не обоймем. Хотя бы из-за того, что в серию по разным причинам не вошли книги таких необходимых авторов, как Любовь Чиканова, Лета Югай, Мария Маркова – это если говорить только о широко понимаемом среднем (а стало быть – обладающем максимальным творческим потенциалом) поколении вологодских литераторов. Разумеется, за пределами внимания останутся и давно покинувшие вологодские края авторы. К примеру, такие нетривиальные, как Григорий Шувалов или Данил Файзов. Впрочем, из книг, вышедших в «Томе писателей», мы упомянем тоже не каждую: нам в данном случае интересны тенденции.

Что же касается сравнения именно с уральской поэзией, то оно весьма не случайно. Все структурные, организационные, формальные и прочие сходства и различия имели б совершенно грошовую цену, кабы не главное: собственно поэтические пересечения. Действительно: основным жанром и в вологодской, и в уральской поэзии последних десятилетий стала, на-верное, философская лирика³. Но очень своеобразная философская лирика: построенная на представлении ситуации «здесь и сейчас». В совершенно определенных рамках времени и пространства, с вполне осозаемыми героями. Далее проще на конкретных образцах. Вот два стихотворения уральских авторов:

Борис Рыжий

* * *

*Витюра раскурил окурок хмуро.
Завёрнута в бумагу арматура.
Сегодня ночью (выплюнул окурок)
мы месим чурок.
Алёна смотрит на меня влюблённо.
Как в кинофильме, мы стоим у клёна.
Головушка к головушке склонёна:
Борис – Алёна.
Но мне пора, зовёт меня Витюра.
Завёрнута в бумагу арматура.
Мы исчезаем, лёгкие, как тени,
в цветах сирени.
Будь, прошлое, отныне поправимо.
Да станет Виктор русским генералом.
Да не тусуется у магазина
запойным малым.
А ты, Алёна, жди милого друга,
он не закончит университета,
ему ты будешь верная супруга.
Поклон за это
тебе земной. Гуляя по Парижу,
я, как глаза закрою, сразу вижу
все наши приусадебные прозы
сквозь смех сквозь слёзы.
Но прошлое, оно непоправимо.*

² Часть литераторов 1950–1980 гг., формально не имевших отношения к андеграунду и входивших в СП СССР, очень трудно отнести к сторонникам официальной линии. Очевиднейший пример – представители «деревенской прозы».

³ Разумеется, мы говорим если не о самых «лучших» (это в беседе о поэзии практически невозможно), но о наиболее известных и показательных стихотворениях.

*Вы там остались, я проехал мимо –
с цигаркой, в бричке. Еле уловимо
плыл запах дыма.*

Автор следующего текста – Евгений Ройzman:

* * *

*Пойдем по Стрелочников прочь
Непроходимыми дворами
К вокзалу шумному где ночь
Зачеркнута прожекторами*

*В моем кармане ключ-тройник
И ножик и немножко денег
Пока не видит проводник
Давай куда-нибудь уедем*

*Туда куда ведут пути
Где не жирафы а медведи
Мы никогда не полетим
Поэтому давай уедем...*

Теперь два вологодских стихотворения. Первое, за авторством Наты Сучковой, весьма популярно:

* * *

*Стоят, сполна всего помыкав
Среди затоновской шапаны,
У бара «Золотая рыбка»,
Торжественные как волхвы,
Чернее угря Вася-Череп,
Белее моли Ваня-Хан,
Стоят в рождественский сочельник,
Фанфурик делят пополам.
И мимо них – куда им деться?
Не раствориться никуда –
Везут на саночках младенца,
И загорается звезда.*

Второе стихотворение не столь пока известно, но очень показательно. Из книги Павла Тимофеева «Агенты разных держав» [10]:

* * *

*Пожалей меня, несчастного,
Пожалей меня, убогого.
Загляни в мои ты глазоньки.
Распахни свою мне душеньку.
Я туда залезу в тапочках,
Перестану сразу маяться,
Стану семечки полузгивать,
Стану песенки на свистыивать.*

*Выпью соки твои сладкие,
Выжму всю тебя как тряпочку
И пойду вновь по дороженьке,
Кого встречу, так скажу тому:
– Пожалей меня, несчастного...
– Пожалей меня, убогого...*

Можно искать параллели, обнаруживать общее – это нетрудно. Но есть фундаментальное различие: уральские стихи подразумевают движение и преоб-

ражение в пространстве. Герой смотрит в будущее. Он там может встретить смерть или оборотиться на себя прежнего, желая переменить уже случившееся, но так или иначе всё будет происходить в динамике. Прежде всего – именно для самого героя. Он станет иным.

А у вологжан всё зафиксировано довольно жестко. Далее может случиться перемена в добром или в плохом направлении, но ты проживаешь именно это, а не какое-то иное мгновение. И мгновение это с тобой уже навсегда. Стихотворения, независимо от длины, напоминают стоп-кадры. Пусть ты всё знаешь наперед – по крайней мере, о себе, несчастном. Но прошлое мало того, что принципиально неизменно, оно еще и неколебимо. Оно продолжает существовать. И это не только волхвы, пришедшие однажды и приходящие каждый миг. Это, например, мгновение, застывшее в следующем известном, может, даже скандально-известном стихотворении Антона Чёрного:

* * *

*Стоит зеленое ведро.
В ведре лежит Гагарин:
Орденоносец и герой,
Простой советский парень.*

*Его Леонов опознал
По родинке на шее.
А там, где самолет упал,
Воронка и траинея.
<...>
Солдаты ищут дотемна
Ошметки и останки.
Горит звезда, горит луна,
Как орденские планки.*

*Настала полночь на часах,
И мрак слегка сгустился
В огромных черных небесах,
С которых он спустился.*

На месте гибели Гагарина уже давно построен мемориал, в проектировании которого принимал активное участие Алексей Архипович Леонов. Теперь и Леонова уже нет на Земле, а ведро все так же стоит под той же Луной.

Кстати, приведенного выше стихотворения Антона Чёрного в книге «Разнообразное» [12] нет. Зато есть вот такое, написанное в далекой Калифорнии, где автор жил достаточно долго, но предпочел вернуться:

* * *

*Как люди движутся сквозь собственные судьбы –
Как их движения отточенно-верны,
Спокойны взгляды, устремления высоки,
Какая ясная спокойная готовность
И послушание в их облике сквозят!
Как это правильно и как это жестоко...
Поцеловать бы их. Обнять. Предотвратить.*

Опять мы видим статичный кадр, перемещающийся, тем не менее, сквозь время: люди сосредоточенно шли, идут, будут идти веками. И обнять их будет хотеться всегда. Но толку?

Почти о том же, почти с теми же техническими приемами – пропуск рифмы, ритмический сбой, напоминающий сбой дыхания или паузу в ударах сердца, – пишет Андрей Таюшев [9]:

* * *

*Со мною вот что происходит:
Я чувствую, как жизнь проходит.
Со всеми то же происходит,
Примерно то же происходит.
И что потом произойдет,
Известно тоже: смерть приходит,
Берёт за ручку и уводит.
Туда, туда, где леший бродит.
«Ну, – говорит, – шагай вперед,
А что тебя там дальше ждёт,
Скоро сам узнаешь».*

Два небольших и перекликающихся текста – Антона Чёрного и Андрея Таюшева – довольно много говорят о сути современной вологодской литературы. Смотрим: люди в стихах идут не вместе со своей судьбой, а сквозь судьбы; за смертью нас ожидает пушкинский леший и что-то еще дальше. Да и смерть какая-то нестрашная, глупенькая.

Откуда леший – вполне понятно. В стихах вологжан фольклорных мотивов всегда было премного, и меньше не становится. Причем тут вновь найдем отличие с уральской поэзией: в рифейских текстах чаще возникают сущности хтонические – горные, подземные. Это понятно вполне, учитывая каменные рельефы. У вологжан более привычные соседи. Тоже очень непредсказуемые. Коренные обитатели лесов, полей и рек, жившие тут задолго до носителей Волосовской культуры и до людей, как таковых, имеют свои понятия о зле и добре. Или вообще мыслят в иных категориях.

В исследовании взаимодействия людей с иноприродными сущностями очень помогла бы Лета Югай, не только поэт, но и очень известная фольклористка, однако скажем опять: ее книги в этой серии нет. Тогда обратимся к прозе. И вовсе не к презренной, а к дивной. К фрагментам из книги Анастасии Астафьевой: «Двойная экспозиция». Вот героиня едет на велосипеде сквозь знакомый и, вроде, нестрашный, привычный лес. Специально ради того, чтобы побывать в тишине и покое. Ну что ж. Побыла: «Я почувствовала лёгкий страх. Тот извечный страх перед природой, который достался нам от пращуров. Песчаная тропинка сделалась шире и даже в такой темноте спасительно белела впереди. Только поэтому я не заехала в канаву, не налетела на поваленное дерево. Но от страха никак не могла избавиться. Он пробивал мелкой дрожью всё тело, зубы отстукивали чечётку. Какая глупость! Детский ужас, смешной, но непреодолимый. Что же дальше-то будет?! Осталось совсем немного. Вот и поворот...» [2].

Правда ведь, в нескольких строчках отлично передано нарастание страха перед ночным лесом – от едва уловимой тревоги до дикого ужаса. Вообще, происходящее имеет очень приятное объяснение. Рядом была рысь. Все-таки много тысячелетий назад наши мелкие африканские предки, едва вставшие на

две ноги, страдали в первую очередь от леопардов. И страдали тоже на протяжении тысячелетий. Это вписано в наши гены навсегда, и больших кошек мы чуем спиной. Говорят, документальных фактов гибели человека от когтей рыси не зафиксировано, а все известные случаи являются собой охотничьи байки, но всё равно страшно!

По этой ли причине, по какой ли другой, но кошачьи, даже одомашненные, прирученные, обладают для нас двойственной природой. У Астафьевой есть удивительный рассказ-воспоминание, не вошедший в эту книгу. После похорон ее отца, Виктора Астафьева, в комнату к Анастасии вошел кот. Милый, черный кот, которого, однако, в доме быть не могло. Девушка потянулась его погладить, а он прыгнул на нее и стал душить. Спаслась молитвой. Автор делает однозначный вывод: «Ко мне приходила смерть».

Вполне возможно. В этом смысле наше бессознательное знает много. Да и литература тоже – от фольклора, где обитал убивающий Кот Баун⁴, до очень долгой русской классической литературной традиции, в начале которой располагаются «Старосветские помешники» Н.В. Гоголя. Помните, там вполне милая кошка тоже предвещала гибель? И ведь не ошиблась.

Можно интерпретировать кота из рассказа А. Астафьевой иначе: как беса. Одолевал, одолевал Виктора Петровича бес, не одолел – теперь пришел к его дочери. Бесовских котов, опять-таки, множество в народной и классической литературных традициях. Можно сделать более простое и медицински обоснованное предположение: перед нами вариант сонного паралича со зрительно-тактильной псевдогаллюцинацией. То есть продукт бессознательного. Вот тут и ловушка: бессознательное-то откуда берется? Это опыт предков, запечатленный навеки? Или продукт случившегося когда-то действительного взаимодействия с посторонним? Факт, отчего кошек мы наяву любим, а во снах боимся, вроде, как сказано выше, объясним генетической памятью. Но откуда почти тотальное и всеобщее отвращение и ненависть к змеям, символизирующими, вроде, мудрость и целительную силу? Тут исключений почти не бывает: этих пресмыкающихся мы опасаемся всегда.

В рассказе с библейским названием «Змей будет жалить тебя в пятую» лирическая героиня Астафьевой вспоминает случай, когда она, маленькая совсем, шла с мамой по лесу, а на тропинку выползла гадюка. На уговоры не поддавалась, дорогу не уступала, правил движения не соблюдала. Взяли палку, стали бить. Вроде, по бытовым поверьям – благое дело: грехи слетают. Через много лет автор вспоминает: «Не знаю, снялось ли с нас хоть по одному греху, но стыд и отвращение даже сегодня охватывают меня при воспоминании о том случае. По-детски наивно хочется верить, что змея та ожила, уползла к своим детям, вырастила их. Они никогда не ужалили никого, только ловили ночами лягушек да мышей».

Смешно столько лет каяться в том, чем иные гордятся, специально забивают случайно встреченных

⁴ Йольский кот, кошка Палуга, кот Ши и множество еще параллелей из фольклорных традиций разных народов.

пугливых змей, суеверно подсчитывая снявшиеся с них грехи.

Первородный страх. Первородная вражда.

Змей будет жалить тебя в пяту. Ты – быть его по голове» [2].

И опять: в маленьком фрагменте сказано много. Очевидным образом – о значении библейской мифологии для вологодской литературы⁵. Именно библейской: ветхозаветных мотивов мы встречаем в стихах больше, нежели собственно христианских аллюзий. А тут видим расхождение Ветхого Завета с Новым. Вернее – диссонанс в человеческом восприятии этих Заветов. В прежнем сказано: поражай змия, он твой враг. В Новом – «любите врагов ваших». Вот из этого зазора искусство и произрастает.

Но есть еще важный момент, появившийся не слишком давно. И в античной традиции, и в иудейской, и в христианской время однозначено. Прошлого не вернуть и не переменить. Оно более не существует. Бывают мгновения встряски: когда Афина-Паллада из змеи сделалась мудрой воительницей. Или когда Господь пришел в мир, дабы его спасти. Однако, это разовые акции, меняющие мир, но не замедляющие и не ускоряющие течения времени как такового.

Но с некоторых пор, возможно – с появления Общей теории относительности или чуть раньше, отношения с понятием времени переменились. Концепция машины времени появилась ведь сразу и вдруг. Вдоль линейки времен стало можно передвигаться. Хотя бы и в книжках.

У вологжан, как мы уже говорили, тут свои особенности. Время в их творчестве разбито на кадры, и эти кадры существуют вечно, накладываясь один на другой. Явным и прямым образом этот момент проговорен в рассказе «Двойная экспозиция», давшем имя книге Астафьевой. Начало предельно бытовое и одновременно – классичное: «15 апреля 1970 года председатель комитета по кинематографии СМ СССР Алексей Владимирович Романов вышел из подъезда своего дома и направился к ожидающей его машине» [2]. А дальше начинается диво. За неделю до столетнего юбилея В.И. Ленина на афишах московских кинотеатров проступает надпись «Телец». И фотографии совсем не того Владимира Ильича, которого знали и любили советские детки. Страшного очень Ильича фотографии. Затем появляются копии непонятного фильма. Много копий. КГБ худо-бедно справляется, уничтожая улики, но на самый-самый юбилей из Мавзолея выходит именинник собственной персоной.

Затем, вроде, все обошлось. Алексей Романов полежал в больнице, восстановил утомленные нервы. Долго и качественно трудился на благо СССР. Написал мемуары. Обнаружил в спецхране папочку с описанием некого сумасшедшего, выдававшего себя за Ленина. Затем в преклонных годах скончался.

Но в 2001-м году, через три года после ухода бывшего главы Госкино, Александр Сокуров снимет

по сценарию Юрия Арабова фильм «Телец». А еще через одиннадцать лет персонаж Анастасии Астафьевой обнаружит чемодан с описанием всей этой истории. Включая, кажется, фрагмент с обнаружением этого самого чемодана. Нет, такая структура, разумеется, не нова: можно вспомнить хотя бы финал романа «Сто лет одиночества». Но интересно исполнение и приложение сюжетной схемы. Получается, что события во времени, вроде, и не заданы однозначно, но зависят отнюдь не только от нашей воли или от Прорицания: будущее очень интересным образом влияет на прошлое!

Все, о чем мы говорили выше, заслуживает долгого разбора по частностям, сопоставления, анализа и прочего. Но пора переходить к наиболее существенной теме: почему базовые вопросы бытия, включая такую головоломную категорию как время, вдруг стали снова необыкновенно интересны, и что за роль принадлежит в поисках ответов вологодским литераторам?

Далее будет много цитат, но они представляются важными. Сергей Faustov пишет едва ли не в самом начале книги «Гуманитарные эксперименты»: «В обществе, во всём человеческом обществе, именно в настоящее время, идёт исчерпание ресурсов абсолютно во всех сферах человеческой деятельности, искусства, культуры, техники, науки. Происходит рост хаоса и неупорядоченности в большинстве областей знания и сфер обитания людей. Растёт энтропия общества, когда люди много работают, но ничего не вырабатывают. Уже много десятилетий на Земле нет великих открытий. Природа сделала общество неработоспособным в контексте пользы и получения новых знаний. Информация в переизбытке и самой себя обесценивает саму себя же.

<...>

Музыка. От полной тишины (Дж. Кейдж) до полного заполнения диапазона одновременно слышимых частот (К. Пендерецкий). Новая музыка как стиль, как идея, категория искусства перестала возникать уже лет 20 назад. Ситуация такова, что завтрашние музыканты будут исполнять вчерашнюю музыку.

Популярность – ресурс количества поклонников, почитателей. Всё идёт к тому, что у каждого известного человека будет почти одинаковое число тех, кому он нравится и тех, кто к нему равнодушен (или ненавидит). И ещё часть таких, кто его не знает вообще. Исчерпан ресурс кумиров и идолов. Выборы стали не только непредсказуемыми, но даже невозможными из-за невидимой разницы результатов между «за» и «против»» [11].

Казалось бы: а в чем беда? Очень многие деятели и – особенно – теоретики культуры чувствуют себя тут как облачко в небе! Можно ж наслаждаться безответственностью, объявлять любое деяние «проникновением культуры в искусство», поднимать свой рейтинг? Не заботиться о глубинной сути явлений. Некоторые так и делают до сих пор.

Однако лет пятнадцать назад сделались актуальными совсем иные мысли. Примерно такие, о которых сказала философ, филолог, исследователь культуры Наталия Автономова: «Именно теперь, когда, как уже отмечалось, многих интересует прежде всего неструктур-

⁵ К слову, уральские авторы, в первую очередь – поэты, обращаются чаще к мифологии античной. Примеров можно привести великое множество, но мы же на сей раз пишем статью о вологжанах.

турное и нерациональное, когда философия ищет себя, прислоняясь к тому в гуманитарной науке, что наименее научно и наименее структурировано (к эмоциональному, энергийному, невербальному, недискурсивному), мысль о структуре неожиданно заявляет о себе, и это напоминание звучит все громче» [1, с. 13].

В невесомости интересно побывать на какое-то время. А вечно жить в безопорном пространстве, как то предполагала этика и эстетика постмодерна, оказалось грустно. Здесь вологодские особенности пришли как никогда кстати. Снова откроем книгу Сергея Faустова: «Поэзия в Вологде всегда была сферой сакральной: три памятника поэтам установлено в городе – Пушкину, Батюшкову и Рубцову, и несколько улиц названы именами поэтов. На фоне такого укоренившегося поэтического императива творчество предстаёт харизматическим деянием, привлекающим к себе внимание» [11]. В условиях тотальной аморфности точки опоры нужны невероятно. И для вологодской литературы они, конечно, не исчерпываются тремя упомянутыми памятниками.

Мы вновь обращаемся к статье Натальи Мелёхиной: «У Вологодской области есть и свой золотой век с гениальным Константином Батюшковым и менее известными авторами (например, с основоположником “охотничьей литературы” Флегонтом Арсеньевым). И опять же требуются пояснения для “невологжан”. Новатор-Батюшков, который считается «предтечей Пушкина», безусловно, оказал влияние на формирование вологодской литературы, но не при жизни своей, а уже после неё. В других регионах в наши дни, может, и не так часто вспоминают его трагический жизненный путь, закончившийся душевной болезнью, его опередившее свой век творчество, но в Вологде Батюшков “кровно свой”. Здесь его помнят, любят, здесь до сих пор спорят о его стихах и прозе. Пишет поэт и переводчик Антон Чёрный: “Я его столько читал, кажется, что уже за родного держу. Вроде как жил прадедушка, слово-плёт, меланхолик, прожектёр, путешественник, переводчик, а я весь в него, только пожиже. Бывает, хочется перед сном что-то перечитать, что по душе пришло. И тянется рука к ледериновому двухтомнику. Жалко, издан Константин Николаевич по-советски неброско: на собачьей серой бумаге, без еров и ятей изначальных, тесно завёрстан в подбор, будто бедный родственник”.

Есть в Вологодской области и свой серебряный век – с Игорем Северянином, Николаем Клюевым, Алексеем Ганиным. Наконец, самое важное: есть огромный пласт литературы второй половины XX века, когда Вологда стала центром притяжения для авторов-“деревенников”: Василий Белов, Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Ольга Фокина и многие другие считали деревенскую цивилизацию вдохновляющей силой своего творчества, настаивая именно на таком понятии – “цивилизация”» [4].

Верно тут всё, но финал требует пояснений. Как мы видим, и в «золотой», и в «серебряный» век вологодская литература была частью общероссийской. А в последний, «медный» век, стала частью ее части. Иначе и быть не могло: со времен Серебряного века, с

Высокого модерна, единой литературы у нас, в сущности, не было. Да и единого культурного пространства. Об этом Сергей Faустов тоже пишет в своей книге. Здесь бы цитировать пришлось едва ли не весь его сборник, но подспудно там проведена сквозная мысль: девятнадцатый век был концентрацией культурных сил человечества; последовавшая за ним «прекрасная эпоха» до Первой мировой – кульминацией этих сил, а вот затем начался разброс.

Возможно ли некое новое единство? Наверное, возможно. Это будет, прежде всего, не исход постмодерна в какой-нибудь постпостмодерн, а попытка иного модерна. Идущего своим путем непосредственно от точки бифуркации вековой давности. С тщательнейшим учетом всего сделанного поздней, конечно. И тут вологодские структурность, скульптурность, опора на сделанное ранее – окажутся крайне важны.

А еще новая ситуация будет единством в разнобразии. Мы же показали в этой статье феномен уральской литературы не для того лишь, чтобы оттенить особенности литературы вологодской. Там, на Камне⁶, свои особенности отношения с традицией, свои стилистики, свой путь. Более того. Ни о вологодской, ни об уральской, ни о какой-либо иной ноте говорить сейчас нельзя. То есть можно, но разговор окажется бессмысленным. Вот Парижская нота⁷, безусловно, существовала. А теперь все сложнее. Вологодской ноты нет. Но есть некое единство на крайне глубоком уровне. При столь же глубоких внешних различиях разнообразных авторов.

Завершим и резюмируем разговор цитатой из той же статьи Натальи Мелёхиной. Я же написал в самом начале, что сам бы хотел опубликовать такие мысли: «Вологда всегда была “аккумулятором” идей, в ней будто копится некая творческая сила, которая затем “взрывается”, несёт такие новаторские изменения, которые меняют ландшафт литературного процесса во всей стране» [4].

Литература

1. Автономова, Н. С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров / Н. С. Автономова. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 503 с.
2. Астафьев, А. Двойная экспозиция / Анастасия Астафьева. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 154 с.
3. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [б.м.]: Издательские решения, 2015. – 58 с.
4. Мелёхина, Н. Вологодские парадоксы / Н. Мелёхина // Литегатура. – 2019. – № 150.
5. Мелёхина, Н. По заявкам сельчан / Наталья Мелёхина. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 136 с.

⁶ Камень – традиционное, старое название Уральских гор.

⁷ Парижская нота – литературное течение, возникшее в Париже в конце 1920-х гг. Основателем стал поэт Георгий Адамович, участниками в разные годы были Анатолий Штейгер, Игорь Чиннов, Лидия Червинская, Юрий Терапиано, Довид Кнут, Юрий Иваск, Юрий Мандельштам. Борис Поплавский примыкал к этому течению, но его творчество не ограничивается рамками движения. Понятие «Парижской ноты» определяется отказом от метафор, краткостью и лаконичностью стихов, повествующих в основном о невеселых аспектах бытия.

6. Пермяков, А. Другие взрослые / А. Пермяков // Литература. – 2016. – № 74.
7. Подлубнова, Ю. «Условная река абсолютной любви». К выходу 4-го тома антологии современной уральской поэзии / Ю. Подлубнова // Знамя. – 2018. – № 10.
8. Сучкова, Н. Продленка / Н. Сучкова. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 50 с.
9. Таюшев, А. Об Пушкина / Андрей Таюшев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 66 с.
10. Тимофеев, П. Агенты разных держав / Павел Тимофеев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 114 с.
11. Фаустов, С. Гуманитарные эксперименты / Сергей Фаустов. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 88 с.
12. Чёрный, А. Разнообразное. / Антон Чёрный. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 106 с.

Andrey Permyakov

TO THE 5th ANNIVERSARY OF THE BOOK SERIES «WRITERS' COMPENDIUM»

Based on the analysis of the books published in the series «Writers' Compendium», the author explores the genesis and current state of contemporary Vologda literature as an independent phenomenon that leads its genealogy directly from the era of High modernity (the first quarter of the twentieth century). At the same time, reflection and perception of subsequent literary phenomena and trends, as well as the undoubtedly influence of both modern social phenomena and long history, gives Vologda literature an absolute originality and potential for development.

Contemporary poetry, contemporary prose, regional literature, Vologda, perspectives, comparative studies.

УДК 821.161.1(470.12)

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет
Н.А. Сучкова
Вологда

«ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ»: АНТОЛОГИЯ НОВЕЙШЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Обсуждение первой антологии новейшей вологодской литературы редактора «Вестника ВоГУ» Л. Егоровой с автором идеи и редактором проекта Натой Сучковой: подробный разговор о проекте в целом и краткий – о каждой из 12 книг «Тома писателей».

«Том писателей», антология новейшей вологодской литературы, Вологда, Ната Сучкова.

Л. Е. Правильно ли я понимаю, что в 2015 («Год литературы») Вы получили грант на издание «Тома писателей»? С марта 2015 по ноябрь 2016 вышло 12 выпусков, представляющих новейшее вологодской литературы. Это был Ваш выбор – создать не общую антологию, а компактные авторские книги. Их еще не существовало, все складывалось по ходу дела.

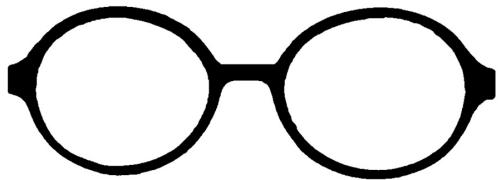
Н. С. Да, самое главное, что было в этой идеи – дать возможность авторам издать отдельную книгу, выйти за рамки привычной антологии. Антология – это, наверное, тоже неплохо, но, согласитесь, для автора сольная книга ценнее в разы. Получили грант – не совсем верно. Проект с самого начала реализовывался без какой-либо поддержки. Редактор, дизайнер, корректоры работали на общественных началах, «за интерес». И с самого начала именно потому, что финансирования не было, мы заявили проект как электронный. Если у авторов было желание сделать бумажную версию книги, они заказывали ее из своих средств: кто-то сам, кому-то помогали друзья, поклонники. Уже постфактум, когда все электронные

книги вышли, нам удалось заказать небольшой тираж по 50 штук каждой из 12 книг, но это не было грантом, это была стипендия, которую получила Мария Суворова. Но мне как-то неловко начинать разговор с финансовой составляющей. С другой стороны, может, и правильно, чтобы было понятно: это была исключительно частная и поначалу абсолютно безденежная инициатива, которую, тем не менее, поддержали и корректоры, и фотографы, и дизайнер, и главное – сами авторы, конечно. За что им всем – честь и хвала.

Л. Е. Достойный гранта/ов проект, конечно. В «Описании проекта» четко проанализирована ситуация и обоснована необходимость: «В региональном издательском деле сегодня, когда редко и с большим трудом выходят книги классиков и «отцов-основателей» вологодской литературы: Василия Белова, Александра Яшина, Николая Рубцова, Ольги Фокиной и других, – современный литературный процесс практически не представлен. Разглядеть писательский талант, оценить уровень поэтического мастерства молодых, активно пишущих авторов – задача по нынешним мер-

кам для региональных издательств неподъемная и, если говорить откровенно, совсем невыгодная. Лишь у немногих вологодских авторов успешно складывается издательская судьба. Хотя активно пишущих писателей, творчество которых достойно внимания, в регионе более чем достаточно. К сожалению, вологодские авторы чаще более известны за пределами своей области: многие публикуются в столичных толстых журналах, побеждают в литературных фестивалях и конкурсах, но имеют мало выходов на своего, местного, читателя. Открыть читающей публике их имена как раз и решили авторы проекта “Том писателей”, представив, что происходило в последние годы в вологодской литературной жизни. Необходимость такого проекта назрела давно, и в этом смысле “Том писателей” – закономерный писательский (издательский) ответ на давно сформулированный читательский запрос – читать вологодское, лучшее, свое» [из архива автора].

Реалистичное описание, по-моему, не изменившейся ситуации. Или она меняется, на Ваш взгляд?

ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Том писателей. Логотип

Н. С. Своим проектом мы попытались ее переломить. 12 книг за довольно короткий временной промежуток – это результат приличный. Но дальше что? Да, проект получил некоторое продолжение в виде конкурса «Словарный запас». Вот это уже была грантовая история. Там был и конкурс для молодых поэтов Северо-Запада, и профессиональное жюри, и семинар, который мы провели для финалистов в Вологде, и, как итог, победители: Мария Герасимова и Дмитрий Шабанов получили в качестве приза издание своих книг (в том числе нормальных по нынешним временам бумажным тиражом) на этот раз абсолютно для авторов бесплатно. А дальше – тишина...

Л. Е. Да, понимаю. В «Резюме проекта» оговорено:

«автор идеи, главный редактор проекта – Сучкова Наталья Александровна (творческий псевдоним – Ната Сучкова), член Союза российских писателей;

художественный директор проекта, дизайнер и технический исполнитель – Суворова Мария Евгеньевна (творческий псевдоним – «Творческая группа FUNdbÜRO»), член Союза российских писателей» [из архива автора].

Сложности превысили ожидания, или Вы хорошо понимали, каких усилий и затрат он потребует? Возможно ли руководство Вами «Томом писателей–2» или какой-либо другой вологодской антологией?

Н. С. Однозначно, повторять не буду. И не потому, что это было как-то безумно сложно, хотя определенно это требовало значительных усилий – организационных, временных, интеллектуальных затрат. И для авторов, я думаю, это было действительно значимо, и важно, и нужно, и своевременно в каком-то смысле. Но не было ли это напрасным как проект? Уж не знаю, чего я от него ждала – ну, по крайней мере, каких-то серьезных разговоров вокруг, осмыслиения его именно как проекта. Самой главной идеей было достичь некого синергетического, кумулятивного эффекта. В том числе в медиа, СМИ, тусовке, если хотите. Выход каждой книги возвращал нас к разговору о проекте в целом, о других авторах. И это, безусловно, тоже получилось. Но это мое восприятие, лично-эмоциональное – мне как-то, наверное, не хватило вовлеченности авторов друг в друга. Безусловно, были и перекрестные рецензии, и ссылки, и лайки, но почему-то мне этого было недостаточно. Это, скорее, проблема моего личного восприятия своего детища, возможно, я не вполне объективна, но меня потрясло, насколько мы стали не любопытны друг к другу. Это общая, кстати, примета времени: мало книгу написать, сложно книгу издать и фактически невозможно сделать так, чтобы ее прочитали. Ну не насилию же заставлять, в самом деле! В итоге есть у меня такое подозрение, что все 12 книг «Тома» в конечном итоге прочитала я одна. А я рассчитывала, что у каждого из авторов будет как минимум 12 вдумчивых читателей. В общем, это был хороший и полезный опыт, но повторять его мне не интересно.

Л. Е. Быть может, нам удастся оживить дискуссию? Пять лет прошло – не настало ли время?.. Расскажите о выборе авторов. Представили всех, кого хотели?

Н. С. Много званных, как говорится, но мало избранных. Выбор авторов изначально – и это была наша принципиальная позиция – был исключительно мой выбор. То есть я в данном случае выступила здесь неким мерилом вкуса, что, с одной стороны, выглядело, может, и не скромно, но, в конечном итоге – это частный проект, не нравится – сделай свой и выбери сам.

Были авторы, которых я видела в проекте, но они отказались. Вернее, это был один автор – Мария Маркова, причем сначала мы договорились вполне (у них должна была выйти книга одна на двоих с Антоном Чёрным), но потом Маша передумала, и Антон вышел один. В этой же серии должен был быть Андрей Нагугольный. Он был жив, когда мы делали проект, и даже сделали макет, но был уже сильно болен, и мы не смогли согласовать выход книги с ним, а делать без согласия не могли и по причинам этическим, и чисто техническим: у платформы Ридеро довольно-таки строго все с авторскими правами. В итоге Андрей вышел большим объемом (стихи, проза, эссе, воспоминания), но это уже была посмертная книга. Были люди, которые просились, но не попали. Но тут я сразу довольно жестко объяснила свою позицию: у нас не конкурс. Но и конкурс мы, как я уже сказала, в итоге провели, так что и тут каким-то конкурсным «ситом» прошли по молодым авторам как минимум.

Л. Е. В рамках проекта вышли прозаические, поэтические книги, литературная критика:

Ольги Кузнецовой «Пастораль»,
Анастасии Астафьевой «Двойная экспозиция»,
Натальи Мелёхиной «По заявкам сельчан»,
Андрея Пермякова «Темная сторона света»,
Андрея Таюшева «Об Пушкина»,
Наталии Боевой «Знак улитки»,
Павла Тимофеева «Агенты разных держав»,
Сергея Пахомова «Неболочь»,
Елены Поповой «Вариации»,
Наты Сучковой «Продленка»,
Антона Чёрного «Разнообразное»,
Сергея Faустова «Гуманитарные эксперименты».

Есть и великолепная печатная, и электронная версии, причем Вы изначально хотели не свободы интернет-площадки, а профессионального уровня, включающего обладание издательским пакетом (авторские знаки, наличие ISBN, ББК, УДК). Стремились поднять уровень книгоиздания в Вологде? Хотели сделать единичное выдающееся издание?

Начиная проект, мы не мечтали о бумажных тиражах, поэтому это стало определяющим фактором. Так что это, скорее, комплимент издательской системе. И еще – однозначно – дизайнеру обложек, то есть Марии Суворовой. Единое серийное оформление и каждая книга в отдельности – это прекрасно, тут со мной согласятся, надеюсь, все. И еще мы делали для первых книг такую вещь, как пребуки. Это такой рекламный плакат, которые предварял выход книги. И это тоже было очень красиво. Кстати, про «Том писателей» поэт Арсений Ли (а он профессиональный дизайнер и владелец дизайнерского бюро) сказал в свое время, что это «самая красивая поэтическая серия в России». Я обложками этими очень горжусь, безусловно. Тем более, что для части книг Мария использовала мои фотографии. А еще там замечательные фотографии Алексея Кириловского, прекрасного фотографа. Для некоторых книг он специально делал серию фото, как было, к примеру, с книгой Наталии Боевой. Мои фото с профессиональной точки зрения попроще, но зато почти каждая со своей историей.

Л. Е. Все памятные – и мы фотографии обязательно обсудим. Мне бы еще хотелось процитировать из «Описания проекта»: «Доступ к произведениям вологодских авторов получили сотни тысяч пользователей интернета во всех уголках планеты. Все книги были презентованы широкому кругу читателей в Вологодской области и других регионах, а также размещены в крупнейших книжных интернет-магазинах, где любой желающий может их скачать за символическую (25 рублей) плату» [из архива автора].

Если честно, я не ожидала увидеть столько мероприятий в Вологде и других городах, связанных с проектом и презентациями книг (см. приложение). Награды, как я поняла, были местными.

По итогам V Вологодского областного конкурса «Книга года» проект был удостоен Специального диплома.

Портал cultinfo.ru (Культура в Вологодской области) назвал «Том писателей» «Изданием года 2016».

Вологодская газета «Премьер» при подведении итогов литературного сезона 2016 назвала проект в числе самых значимых событий 2016 года (статья «Книжный Олимп» // Премьер. № 1 (1000). 10 января 2017).

Спасибо всем, но Ваша неудовлетворенность понятна. Знаете, не могу представить английскую литературу без Нортоновской антологии (Norton Anthology of English Literature). Впервые ее издали весной 1962. В июне 2018 вышло 10-е издание. Количество проданных экземпляров приближается, думаю, к 9 миллионам – во всяком случае, за 8 миллионов перевалило в 2006. Есть печатный текст – толстые тяжелые тома на тончайшей бумаге. Есть «Темы Нортоновской антологии онлайн» (Norton Topics Online), электронный курс. Нортоновская антология – лидер среди университетских хрестоматий по английской литературе, изучаемой во всем мире.

С вологодской антологией, получается, сложнее. У Андрея Пермякова вышли статьи-рецензии на антологии современной удмуртской поэзии (2-томник 2018) и современной уральской поэзии 2012–2018. Мы договорились, что он напишет для нас – компара-

ТОМ ПИСАТЕЛЕЙ

антология новейшей
вологодской литературы

Н. С. И да, и нет. Просто на тот момент (да и сейчас) издательская система Ридеро бесплатно – а это (вспомните еще раз, как начинался проект) было важно – предоставляла все эти возможности. Да, там верстка по шаблонам, мы ими были ограничены, она несовершенна в бумажных версиях, поскольку все-таки заточена под электронные книги. И второй момент – это возможность через Ридеро попасть (опять же бесплатно!) во все крупные интернет-магазины мира.

тивно, дистанцированно, углубится в вологодское. А мы тем временем давайте обсудим сделанное, и мне бы хотелось начать с разговора о дизайне: он многое определяет и о многом свидетельствует.

Любимый мной дизайн – «Лондонского книжного обозрения». Каждый номер на протяжении 40 лет – произведение искусства: из обложек делают выставки. В России, мне кажется, идет переход к предельной простоте: белое поле – имя автора – название (последние книги «Воймеги»). Поэзию покупают ради поэзии, но очень хорош ваш с Марией изысканный дизайн. Каждая книга – часть проекта и в то же время индивидуальна. При этом в каждой книге отражается Вы: Ваш вкус, выбор. Расскажите о пребуках и обложках.

Н. С. У нас сразу был концепт – монохром. В пребуках мы «отзеркаливали» обложки и делали их цветными, чтобы дать понять – монохром не случаен. Цвет избыточен, бросок. Монохром – это игра полутонов, теней, а значит, более пристальноеглядывание, прочтение. Не случаен и фирменный знак «Тома писателей» – очки и указка. Как символ внимания к деталям. Кстати, основой фирменных «очечков» логотипа серии стали реальные. Когда мы впервые пришли в Дом дяди Гиляя (уже почти 5 лет прошло – ого!), он тогда еще не был Домом (это название придумали позже), а был разоренной и брошенной библиотекой. Так вот, тогда на одной из белых оштукатуренных стен кабинета на втором этаже висели очки и указка. Кто-то из прошлых «домочадцев» собрал из них такой вот арт-объект, просто на пару гвоздиков пристроив на стену. Я тогда сфотографировала их мимоходом. Потом на основе этой фотографии Мария сделала дизайн фирменного знака проекта.

Л. Е. Давайте сверим ощущения концепций книг. Первой была «Пастораль» Ольги Кузнецовой.

ОЛЬГА
КУЗНЕЦОВА

пастораль

Ольга Кузнецова – член Союза российских писателей, поэт, прозаик, драматург, лауреат Всероссийского конкурса короткого рассказа им. В. Шукшина «Светлые души», лонг-листер Всероссийской пре-

мии «Национальный бестселлер – 2015». Живет в Вологде¹ [3].

Вам хотелось дать исключительно прозу Ольги? В отличие от стихов, она была практически готова к изданию?

Н. С. Да, в том числе и потому, что книга была почти готова и ждала своего издателя. Но еще и потому, что книга стихов у Ольги (да, в 90-е и микрокосмическим тиражом, но все же) была, а вот прозу мы издали впервые. А прозаик она отменный! Новые стихи, очень надеюсь, выйдут, но тут и от автора что-то да зависит – знаю, сложно собрать себя в кучу и свести в единое целое массив текстов за несколько лет, но, не сделав это усилие, сложно двигаться дальше. В общем, книгу стихов Оле желаю прямо вот от всего сердца!

Л. Е. «Пастораль» – название одного из рассказов и всей книги. Видя это слово, думаю, никто сейчас не ожидает идиллических картинок из сельской жизни. Или ожидает? Расскажите о Вашем ощущении названия.

Я обратила внимание на Вашу запись в Фейсбуке 16 марта 2015: «Она возвращается – классическая русская литература, написанная чутким языком о современной жизни. В этой прозе много простора, запах хвои, травы, а еще – воды: озер, ручьев, рек. Все здесь едино, и все течет, изменяется. Именно как течет жизнь. И еще тут работает магия письма, магия неза-емного, естественного слова, от которой кажется, что герой – вот он рядом, он почти ты – будь ты подросток, воин или ждущая счастья женщина. Жизнь есть и севернее столицы. Хоть тут порой и заканчиваются дороги, но это не отменяет света над этой землей. И этому теперь ты свидетель. И, черт побери, настолько веришь в происходящее, что ищешь адрес автора, чтобы спросить – что же будет с этой жизнью дальше».

¹ Здесь и далее информация об авторах и аннотации – с обложек книг.

Это высказывание будет положено в основу аннотации – на изменения желающие сами обратят внимание. Последнее предложение Вы уберете – остановитесь на свидетельствовании о свете. Мне тоже кажется, что от самых печальных рассказов Ольги исходит свет.

3 апреля 2015 в Фейсбуке Вы зафиксировали: «Фотография на обложке Олиной книги “Пастораль” сделана в деревне Дунилово. Дунилово – деревня моего детства, там почти всю жизнь, до 90 лет, прожила моя баба Маня – Мария Васильевна Крестьянинова, там я проводила все летние месяцы школьных каникул. Дуниловскому нашему дому минимум 150 лет, а может, и больше – дальше его историю баба Маня уже просто не знала. Пасторали в Дунилове – ростовские, 12 км от Ростова Великого, Ярославская область, а у Ольги в книге – наши, северные, вологодские, харовские, но дух времени – един. Лошадка эта сейчас на попечении четырехлетнего моего двоюродного племянника Ефима, проскакала по времени в 21 век, прыжком на обложку книги!». В комментарии уточнено, что «Фима уже подрос и осваивает другого железного коня – велосипед», а фотография – 2012 года: «Фимка маленький, баба Маня еще жива, и деревья – зеленее, и пасторали – пасторальнее».

Н. С. Да, это не пасторальные пасторали, но и мы не в гобелене живем! Деревня меняется, город меняется, Кузнецова очень чувствует это, и самое главное, чрезвычайно адекватно и точно передает. При этом проза ее подробна и правдоподобна, если не с натуры (природы – пасторали нынешней и природы человеческой) писана, но и (а это я очень люблю!) прорывается в «надбытийность».

Л. Е. Обычно сами книги определяют уровень рецензий, и профессионализм рецензий на «Том писателей» очевиден. Основным рецензентом в Вологде стала Наталья Мелёхина – тогда еще под псевдонимом Михайлова. Первый отклик – «Не зарекаясь» – опубликован 14 апреля 2015 в областной газете «Премьер». Мне нравится глубинный подход Натальи с пристальным вниманием ко всему, включая стихии: «Вода у Ольги Кузнецовой – это символ текучих, неисповедимых жизненных путей, на которых не зарекаются ни от героизма, ни от подлости, ни от любви, ни от смерти» [6].

Кроме Натальи, я бы выделила рецензии Анастасии Астафьевой (на книгу Натальи Мелёхиной), Елены Легчановой (об Антоне Чёрном), рецензии и статьи Антона Чёрного (об Андрее Таюшеве, Сергеем Фаустове), Ольги Аникиной, Аллы Голубковой (об Андрее Пермякове). Вам что-то запомнилось?

Н. С. Всем критикам бесконечно признательна: неблагодарное это нынче дело и почти безнадежное – критику писать. Мне, повторюсь, было очень важно вот такие «перекрестные» мнения получить. Это в некотором роде была одна из целей проекта – некий синергетический эффект, когда сумма слагаемых умножалась кратно.

Л. Е. Вторая вышедшая книга – «Двойная экспозиция» Анастасии Астафьевой.

Анастасия Викторовна Астафьева родилась в 1975 году в Вологде. Автор сказок, повестей, рассказов и статей. Печаталась в журналах: «Нева», «Очаг», «Вологодская литература», «День и Ночь», «Невский Альманах», «Искусство кино» и других. В 2003 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. В 2012 году окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет кино и телевидения. Член Союза российских писателей с 2000 года [1].

зов и статей. Печаталась в журналах: «Нева», «Очаг», «Вологодская литература», «День и Ночь», «Невский Альманах», «Искусство кино» и других. В 2003 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. В 2012 году окончила Санкт-Петербургский Государственный Университет кино и телевидения. Член Союза российских писателей с 2000 года [1].

АНАСТАСИЯ АСТАФЬЕВА
бабочка
экспозиция

АНАСТАСИЯ АСТАФЬЕВА
бабочка
экспозиция

НЕОЖИДАННО ПРЕКРАСНОЕ
СОВЕРШЕННО НЕРЕАЛЬНОЕ

СОЮЗ
российских
писателей

24 апреля 2015 года в Фейсбуке Вы выложили цикл фотографий, связанных с «бабочкой Фета» с обложки книги: «Фотография эта сделана год назад, в апреле 2014, в Воробьевке, усадьбе Афанасия Фета, в 15 км от Курской Коренной пустыни. Мы добрались туда благодаря нашим курским друзьям и долго бродили по усадебному парку и полуразрушенному дому. Говорят, что сейчас уже вовсю идет там реставрация, и такие интерьеры теперь сохранились только на фотографиях, и скоро там будет все красиво: и форель в

прудах, как при Фете, и персики в саду. А тогда – очнувшаяся от зимней стужи бабочка, проснувшаяся в пыли и тлене разрушенного дома, бьется в стекло, рвется в мир – прекрасный, молодой, весенний! Мы выпустили ее на волю, и она упорхнула – легкая, цветная – бабочка Фета!».

«Двойная экспозиция», как и в случае с Ольгой Кузнецовой, – название одноименного произведения: «Двойная экспозиция может быть как намеренным художественным приемом, так и техническим браком, когда пленку при перемотке заедает в фотоаппарате или кинокамере. Результат в обоих случаях непредсказуем. Нередко кадр оказывается просто испорченным. Но иногда из случайного наслаждения одного изображения на другое выходит нечто – как неожиданно прекрасное, так и совершенно нереальное» [1, с. 100]. Это акцентирование важнейшего для Вас?

Н. С. Проза Аси очень кино- и фотогенична, это не случайно, как не случайны и название, и аннотация. Ася занималась документальным кино, по крайней мере, когда жила в Питере, была близка к этой среде. И Нина Веселова, ее мама – прозаик, журналист – имеет непосредственное отношение к документалистике. Это лучше, наверное, сама Ася вам расскажет.

Л. Е. Третья книга – «Об Пушкине» Андрея Таюшева. Мы об Андрее и с Андреем вели разговор в № 1 «Вестника» 2020.

Андрей Станиславович Таюшев родился в 1968 году в Саратове. В 2002 году переехал в Вологду, где и живет по настоящее время. По образованию – историк. Помимо стихов занимается сочинительством и исполнением песен [11].

Мне нравится, что в книге появилось предисловие, что написала его Анна Герасимова, поэт, переводчик, литературовед, рок-музыкант.

Я так поняла, что с обложками экспериментировали сугубо Вы с Марией. Спросила Андрея, причастен ли он к процессу оформления, – он удивился. Рассказал, что бывал в разъездах «по всяkim прекрасным

городам и странам» – не вникал в подробности. Был уверен, что все получится хорошо: «Просто Ната – поэт, который мне симпатичен. И симпатична мне как человек»; «Мне показали вариант – мне понравилось»; «Вполне доверяю Натиному вкусу» [из переписки]. Расскажите о фотографии.

Том
пишатель
∞

КНИГА
№3

стихи не про форму,
стихи про жизнь.

ОНОЗ
российских
пишателей

Н. С. Картинка-перевертыш на книге Андрея – это тоже «литературная» картинка. Я сделала фотографию в Мюнхене, в музее игрушек, когда была на фестивале имени Виктора Шнейдера. Меня туда позвали читать стихи, но вообще фестиваль больше бардовский, чем поэтический. Так и Андрей ведь не только поэт, но и музыкант! И Умка, безусловно. Так что опять – «промышлительная случайность» (я уже вашими словами, видите, изъясняюсь).

Л. Е. В четвертом выпуске вернулись к прозе.

Наталья Мелёхина – прозаик, критик. Лауреат всероссийских литературных конкурсов, а также Международного Волошинского конкурса 2013 и 2014 годов. Печаталась в изданиях: «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Север», «Вологодский лад», «Охотничьи просторы», «Лед и пламень», «Петербургская газета» и других. Автор книг «Медведь с заплатой на ухе» и «Забывай как звали». В настоящее время живет в Вологде [5].

С тех пор Натальей сделано многое – мы рассказали об этом в № 3 «Вестника» 2019.

На мой взгляд, Ваша аннотация к книге «По заявкам сельчан» прочитывается как высказывание о Наталье – и о себе: «Способность слушать и слышать не менее чудесный дар, чем умение правильно подбирать слова. Эти редкие качества гармонично сочетаются в Наталье Мелёхиной с желанием делать то, что в российской прозе в свое время не прижилось. Мелёхина создает свой собственный мир, где человек на прямую, без посредников, умеет говорить с землей и небом, и, самое главное, – способен слышать их» [5].

Я спросила Наталью об обложке: «Я люблю фото Наты, делала про нее как про фотохудожника матери-

ал. Очень ждала, что же она выберет для моей книги. Получилось классно! Мне обложка напоминает детство. Нашу кухню в деревне вот с такой же лампочкой без плафона, бабушкину избу. Люстры тогда мало у кого были» [из переписки].

18 июня 2015 в Фейсбуке Вы написали: «Фотография на обложке книги Натальи Мелёхиной сделана в доме Александра Яшина в деревне Блудново. Окрестности Никольска, тяжелая, а после Тотьмы местами совершенно непроезжая дорога от Вологды. В паре километров от этого дома – знаменитый Бобришный угор, воспетый Яшиным, высокий берег реки Юг («Течет на Север река Юг», – повторяла я строчки Саши Переверзина) и дом писателя, самим для себя построенный. Удивительно, но электричество в самом Блуднове появилось уже после смерти Яшина (1968), который много об этом хлопотал при жизни. А на Бобришном угоре, как и в десятках других безвестных и малых деревень, нет электричества и по сей день. Как нет и сотовой связи, интернета, мало-мальски пригодных проездных дорог и прочих вещей, к которым мы так привыкли. И живут там наши современники, живут своей – отличной от нашей, городской, но такой похожей на нашу, городскую, жизнью – с ее лишениями, ограничениями, обретениями и находками. Не хуже, не лучше – иначе». Собственно, о чем Наталья и рассказывает.

Н. С. Да, все верно. Но авторство аннотации приписывать себе на 100 процентов не могу: наброски для нее делала Ольга Ильинская. Я всегда, кстати, просила самих авторов или кого-то, кого они порекомендуют, дать мне пару абзацев концепта: то, как они видят свою книгу, о чем она. Иногда мы брали это почти без изменений, иногда я вносила какие-то корректировки, отталкиваясь от этого «синопсиса», иногда писала сама. Тут важно было сделать броско, чтобы книгу захотели прочесть, но и «попасть» в автора, в его манеру, видение себя. Плюс – мы были ограничены форматом Ридера, по-моему, 500 знаков биографии и 500 – аннотации, так что работа филигранная, ничего лишнего быть не должно.

но, но должно «выстреливать». Эти тексты, скорее, рекламный ход, чем литературоведческий, но всеми я очень горжусь. По сути, здесь, как в стихах, правильные слова в правильном порядке да еще формой ограниченные. Пришло попотеть изрядно.

Л. Е. Филигранно – точное слово. Проницательно и красиво. По-моему, самая сложная форма критики – это сдержанная похвала, и Вам она удается.

Давайте пойдем по линии поэзии, чтобы в finale вернуться к прозе и критике.

Боева Наталья Станиславовна родилась в 1985 г. в Вологде. Окончила факультет иностранных языков Вологодского государственного педагогического университета. Публиковалась в региональной периодике, журналах: «Новые облака» (Эстония), «Воздух», «Урал», «Дети Ра». Стихи включены в сборник «Плюсовая поэзия», антологию «Чудь» и «Литературортрентген». Участница фестивалей «М-8», «Плюсовая поэзия». Лонг-листер премий «НЕФОРМАТ» сезон 2008/2009 и «Дебют» 2009 г. Шорт-листер премии «Литературортрентген» 2008 г. [2].

Что для Вас значит «знак улитки»? Если говорить о символике улитки, наверное, первое, что приходит в голову, – неспешность, стабильность, устойчивость (все свое ношу с собой). По-видимому, это олицетворение терпения, настойчивости. Раковина улитки – символ застывшего на теле живого существа времени. Спираль раковины символизирует бесконечность. Художники и архитекторы часто обыгрывают сходство спирали улитки и строения человеческого уха. Мне кажется, всё работает на Наталию – основательную, прекрасно слышащую. В разных регионах и странах, конечно, свои ассоциации, но в связи с Наталией вспоминается, что в Италии улитка – символ уюта, спокойствия. В то же время человек, умеющий «только прятаться и скрываться», мне кажется, не говорит об этом так пронзительно и не стремится так выйти за свои пределы:

...и я не умею правильно
человечества

*а только прятаться и скрываться
с собой оборачиваться
там где меня ничего не касается
я прекрасна расти [2, с. 10].*

Еще в университете меня поразила храбрость Наталии. Не каждый решится написать «Куколок Вуду», называя всех своими именами.

Н. С. «Знак улитки» и вся концепция книги – это все Наташино. Моя работа с ней как редактора была минимальной. Книга была выношена давно, и, я думаю, Наташа просто подсознательно ждала какого-то такого предложения, проекта, чтобы наконец издать то, что давно должно быть издано. Вот она та парадоксальная ситуация регионального книгоиздания в Вологде – отличные тесты и отличный автор, понимающий, что издаваться самиздатом не готов. Скромный, деликатный человек никак не будет навязывать это издательствам или как-то иначе «пробиваться». Все-таки система, увы, работает иногда вот так коряво. И я рада, что наш проект помог этой книге состояться.

Л. Е. Далее пойдут авторы, с которыми я лично не знакома.

Тимофеев Павел Леонидович, поэт. Родился в Крыму в 1970 году. С 1975 живет в Вологде. Автор поэтических сборников «Ванна в отеле» (1997), «Луна и чайник» (1999), «Капли из крана» (2002), «Ну, и чё?» (2010), выходивших в вологодском самиздате. Один из основателей музыкально-поэтического салона «Новый Диоген». Член Союза российских писателей [12].

Думаю, обложку мы обсудим с фотографом – Алексеем Кириловским. Расскажите о Павле.

Н. С. Павел – очень счастливый человек: он получает массу удовольствия от того, что делает. Он пишет, он музенирует, он живет с удовольствием. Не в плане – он сибарит такой, просто это редкий дар действительно так увлекаться процессом, с головой! Мне кажется, это есть и в стихах, и если эту волну поймать, оседлать, или, как Андрей Пермяков пишет, внутреннего подростка включить, то можно в этих эмоциях просто «серфить» до изнеможения. И книжка

получилась отличная! С концепцией мы поработали, и книга как многоголосье: отдельные голоса работают на общую мелодию, на цельное высказывание.

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВ *агенты Разных летописей*

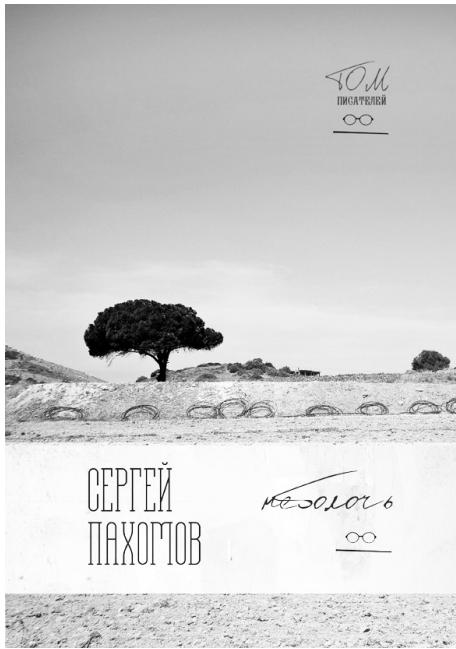
Л. Е. Сергей Станиславович Пахомов, поэт. Родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи публиковались в журналах: «Новый мир», «Нева», «Арион», «Север», «День и Ночь», «Лепта», «Волга», «Сибирские огни», «Лад», «Литературная учеба» и др. В настоящее время живет в деревне Мерёжа Вологодской области [7].

Аннотация продолжает тему: «Сергей Пахомов – поэт брутальный. Землепроходец, искатель приключений и ярма на шею. В его стихах соединяется трудносовместимое: мифология и будничная действительность, образы мировой культуры и реалии российской глубинки. Пахомов живет на речке Мерёжа, где рыбу прежде мешками черпали, мерёжками. И поныне небезыбко это место. И стиховдается «мешками», и в каждой строчке – энергия, рвущаяся вовне» [7].

С последним наблюдением трудно не согласиться. «Трудносовместимое» мне таковым не показалось (не исключаю, что после углубления в английскую «метафизическую» поэзию с ее поразительными соединениями «далековатого» все остальные сочетания уже не удивительны). У Сергея меня более всего тронуло личное. «Облака», например:

*Ватрушка облака... Края чуть подгорели – сочен творог.
У печки бабушка моя. Свет солнца солоден и долог.
Я тесто ел. Я брал его, я думал: бабушка не видит.
Подкладываясь босиком, включал погромче телевизор.
Но, повзрослев, сообразил, что теста бабушка месила
Намного больше: я любил его – она меня любила...
С тех давних пор не подхожу ни к вымученному, ни к мучному.
Лишь в небо пристально гляжу и вижу небо по-иному:
Плынут ватрушки-облака, опекиши, накрёпки, шаньги...
Пусть будет пухом и легка... как рюмка водки после бани.* [7, с. 11].

Обложка воспринимается подчеркнуто не местной. Неболочь – новое для меня слово.

Н. С. Обложка привезена тоже из поездки – с Крита. Олива, одинокое дерево, которому, наверно, лет 500. Там, в Греции, всё так-то гипертрофировано, гиперболизировано для нашего северного глаза: кактусы величиной с дом, алоэ у бабушки на окошке размером с легковушку и цветет гигантскими цветами. Небо, облака, земля… понимаешь, откуда Минотавр, Геракл. Античные руины – реально бешеная древность! – отгорожены от загона с курицами какой-то условной проволокой, и тут же пляж, мороженое, окурки! Вот Пахомов похож на всё это, он там тоже был бы гармоничен, на одной полке с Гомером. И в Мерёже гармоничен. Вот ведь удивительно, но так! Неболочь – это, конечно, небо, заволочь, облако, но и сволочь, возможно! Это такая тоже «двойная экспозиция», наложение звука, смысла. Игра и жизнь. Се-рёга – он такой.

Л. Е. Елена Попова (Молчанова) родилась в Ярославле. Автор книг стихов: «На грани рожденья травы» (2002), «Движение» (2008). Лауреат конкурса, посвященного памяти Александра Башлачёва (2000, Череповец), конкурса «Проба 2000» (Кострома). Публиковалась в региональных газетах Ярославля и Вологды, в сборниках ЛИТО «Третья пятница» (Ярославль), «Ступени» (Вологда), «Однажды волна» (1999), «Пленник реки» (2007). Член Союза российских писателей. Живет в Вологде [9].

Аннотация обыгрывает название книги – «Вариации»: «Разновидность чего-либо, небольшое изменение или отклонение. Малое смещение, многообразие, изменчивость значения. Одно из возмущений движения Луны. Небольшой сольный танец, обычно технически сложный и композиционно развернутый. Всё это – вариации. Говорить о жизни, любви, мире, о себе и о другом – разными словами, с разной интонацией. Говорить о важном, не повторяясь» [9]. Понимаю, что Вас привлекло.

На Вашей фотографии вроде бы привычная картина, но в нее входишь. Всё живо за счет второго плана в окне, полутеней-полутонов на стене, их продол-

жений на светлой полосе обложки – отличная работа Марии Суворовой.

Елена жива-здорова? Пишет?

Н. С. Жива-здорова. Пишет. Работает психиатром.

Л. Е. Ната Сучкова родилась в Вологде. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Стихи публиковались в журналах: «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Октябрь», «Дружба народов», альманахах: «Алконост», «Вавилон», «Илья» и других. Лауреат Малой (2011) и Специальной (2012) премии «Московский счет», Малой Бунинской премии (2012), поэтической премии ANTOLOGIA (2014). Член Союза российских писателей. Живет в Вологде [10].

Книги не названы, но отмечено, что в «Продленке» – избранное из трех книг и новое, гармонично встроенное в сюжетную канву: «Представьте, что вы

– хороший мальчик, лет, скажем, двенадцати. Тонко чувствующий и думающий иначе. А теперь пройдите снова путь взросления и влюбленности, царапин и ссадин, первой боли, досадных неудач и маленьких побед. Школа жизни жестока, плохишей тут оставляют после уроков. Ты на продленке, ты тут остался сам» [10].

Вы на продленку не ходили? Лыжи – из детства?
Почему не на снегу?

Н. С. Почему не ходила? Я училась в обычной советской школе, хулиганской 24-й, и продленка, и кружки, и сигаретки за углом. Но книжка совсем не про мою школу, это про Светилки, про дом, где была школа, а потом жили мы. И лыжи на обложке – оттуда: их кто-то из учеников оставил в 80-е, и они, как и надписи на kleenчатых дверях – 8 класс, М и Ж, дождались нас, купивших этот дом в 2008 году. А не на снегу – потому что я фотографировала летом, на траве, на дровах каких-то. А потом привезла домой, они и сейчас со мной, в городской квартире, как память о Светилках, как папин старый линялый рюкзак, как еще несколько дорогих сердцу вещей.

Л. Е. Вам редактор нужен? Как Вы редактируете?
Редактируете ли сами стихи? Возможно ли редактировать поэзию?

Н. С. Редактор нужен всем, но у меня это было избранное из трех книг, и все «блохи» были выловлены раньше Ольгой Нечаевой – замечательным редактором-корректором «Воймеги». А вообще я свою работу вижу больше в выстраивании книги, это я сейчас про редактуру серии – если мне стихотворение казалось недостаточно сильным или выпадающим из концепта, я предлагала авторам подумать и убрать его совсем. Конечно, никто не редактирует стихи с карандашом в руках – авторы такого уровня в этом не нуждаются. А вот то, что любому безусловно нужно – это взгляд со стороны. Где-то мы не трогали ничего, где-то значительно «перелопатили» подборки.

Л. Е. Антон Чёрный родился в 1982 г. в Вологде. Учился на филфаке Вологодского университета и в Институте печати в Петербурге. Автор поэтических книг «Стихи» (2009) и «Зелёное ведро» (2015). Переводчик немецкой и нидерландской поэзии, отдельными книгами в своих переводах выпустил стихотворения Георга Гейма (2011) и антологию «Поэты Первой мировой» (2016). Стихи публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Октябрь» и др. Состоит в Союзе российских писателей и Союзе переводчиков России [14].

«Разнообразное» – точное название. «Книга включает в себя поэтические и прозаические опыты автора, относящиеся к разным годам и странам. С 2015 года ее автор путешествует по миру, на момент издания этой книги живет в Лос-Анджелесе. Местное и далекое, свое и чужое, личное и переводное, прозой и стихами – под одной обложкой. В оформлении использована графическая работа Антонины Чёрной “Веселая вермишель доброй совы”» [14]. Это кто-то из членов семьи? Действительно, разнообразно получилось. И разнообразно.

Антон далеко ушел в каждом из направлений, и мы подумаем об отдельном разговоре с ним, если он найдет время.

АНТОН
ЧЁРНЫЙ

разнообразное

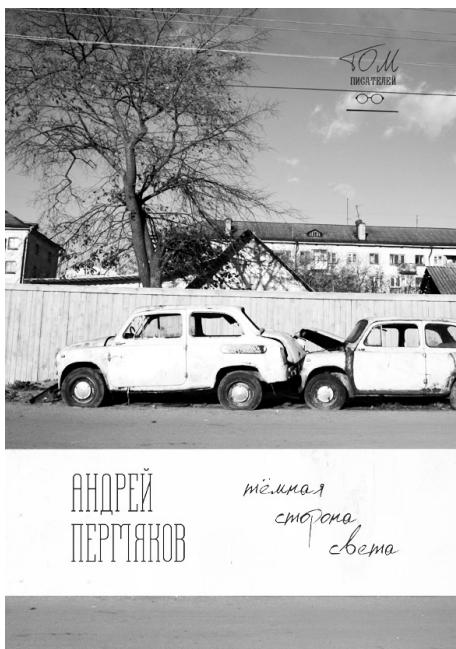
Н. С. Думаю, это необходимо! Тот путь, который прошел Антон, впечатляет. Сейчас мне очень нравится то, что он пишет, в переводах я не сильна, но вот стихи его стали интересней и ближе мне. Он, на мой взгляд, попал под влияние «воймеговцев» и всей этой стилистики ностальгии по советскому детству, а может, и сам закономерно к этому пришел. Это меня всегда подкупало, я сама такая же. А переводы – это вообще какой-то отдельный мир, в котором я ничего не понимаю, но не перестаю восхищаться.

Рисунок на обложке – работа его первой жены Антонины.

Л. Е. У Андрея Пермякова представлена проза.
Андрей Пермяков родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Жил в Перми и Подмосковье. В настоящее время живет во Владимирской области, стихи часто пишет в Вологде, а прозу – о Вологде. <...> Автор книги стихов «Сплошная облачность» (2013). Лауреат Григорьевской премии (2014) [8].

Андрей сейчас так много публикуется – от «Новой юности» до «Нового мира», что я не стала перечислять, где он тогда печатался. За аналитические разборы новейшей вологодской литературы для «Вестника ВоГУ» мы ему очень благодарны.

Главный герой повести «Темная сторона света» путешествует по Вологде и райцентрам (Тотьме, Нюксенице, Тарноге, Великому Устюгу), встречает Павла Тимофеева, Нату Сучкову, Марию Суворову, Дмитрия Хрусталева... Наталья Мелёхина в рецензии на книгу напомнила, что в 1979 году Вологду посетил писатель Дмитрий Жуков. Путевой очерк он так и назвал – «Встреча с Вологдой». Тогда казалось, что описаны просто встречи – с Рубцовым, Орловым, Яшиным. Теперь очерк интересен и с точки зрения истории литературы [4]. «Что день грядущий нам готовит?»

Аннотация, как всегда, точна: «Дорога прекрасна и не зря похожа на удава. Она незаметно съедает свою жертву. Или гипнотизирует. Человек может потерять и вновь обрести несколько миллионов, найти и потерять любовь, а видеть перед собою будет только дорогу. Потом она закончится, человек подумает о потерях, загрустит, решит все исправить. Но дальше – начнется новая дорога» [8].

Мне показалось, что фотография – ретро, но Андрей рассказал, что это 2010.

Н. С. Да, обложка с натуры, эти машинки стояли не сколько лет там, где сегодня ресторан «Дрова». В Барачной, как я ее называю, слободке, хотя это, конечно, никакая не слободка, а Набережная 6 Армии. Она уходит – та, какой была тогда. Очень быстро исчезает – залили бетоном зеленые берега, сегодня вот шла, прямо на глазах сносят старые двухэтажки. Остается – на обложках – у меня на «Ходе вещей», у Андрея – на фото, в прозе, в стихах.

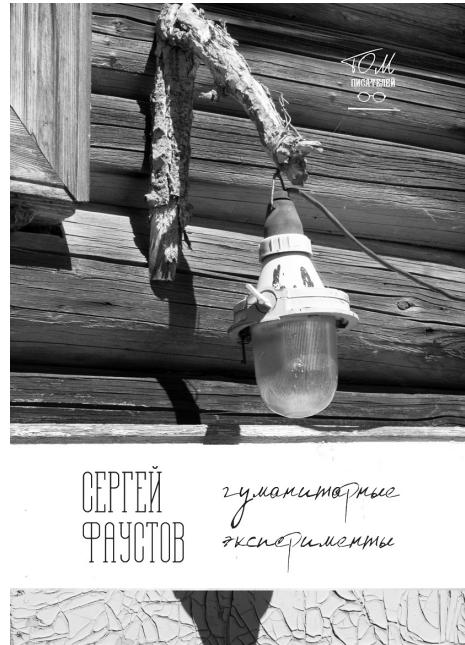
Л. Е. И последняя книга – «Гуманитарные эксперименты».

Сергей Фаустов – критик, член Союза российских писателей. Родился в Вологде в 1948 году. Автор книги «Харизма вологодской литературы». Публиковался в журналах: «Октябрь», «Север», «Альманах „Илья“», «Северная поэзия», в «Литературной газете» и др. Лауреат премии им. С. Ильюшина в области науки и техники, кандидат технических наук, изобретатель РФ, доцент Вологодского государственного университета [13].

Где-то читала, что фото сделано в деревне Сибла Харовского района.

Н. С. Да, это дачный дом Виктора Астафьева. Мы туда приехали знойным днем, и во дворе дома ходил теперешний его хозяин – дочерна загоревший и, что не характерно для северной деревни, в плавках. Из дома рядом вышла женщина и, узнав, что мы спрашиваем про Виктора Петровича, вынесла книгу с автографом, стала о нем рассказывать. В общем, куда ниtkni, – везде литература. Это характерно вообще для Вологды – здесь все рядом, все как-то очень переплел-

тено, вот у меня мама Женя живет в том доме, где жил когда-то Рубцов («Живу вблизи пустого Храма на крутизне береговой»), да и вы там рядом, и я. Каждый день ходим одними и теми же дорогами, что и он, смотрим на те же примерно облака, которыми Батюшков любовался, как тут не пропитаться! Думаю, что на вас это в какой-то мере подействовало – иначе как объяснить, что вы вдруг стали современной литературой заниматься?

Л. Е. Приятна щедрость поэта (улыбается). Аннотация мне тоже показалась щедрой: «Нетривиальные, оригинальные, часто спорные идеи и взгляды на современную поэзию, критику и на искусство в целом – самая суть „Гуманитарных экспериментов“ Сергея Фаустова. Автор знаменитой „Харизмы вологодской литературы“ в своей новой книге верен себе: его гуманитарные эксперименты находятся в практической плоскости и связаны с реальностью так тесно, как никогда» [13].

Крафтовый Том писателей

Догадываюсь, что оценочные комментарии не уместны, но, на мой взгляд, критик в «Томе» проигрывает. Испытываешь недоумение, когда в первом

предложении видишь: «...есть только одна тема в газете более скучная, чем некролог, – обзор искусства» [13, с. 3]. Не знаю, какие газеты читает Сергей Фаустов, но в «Лондонском книжном обозрении» некрологи и обзоры искусства – образцы жанров.

С одной стороны, Сергей прав: «С художественной и литературной критикой что-то произошло». С другой, – согласиться, конечно, трудно: «И это не только российское состояние, а глобальное <...> художественная критика заменяется поверхностным взглядом на происходящие события, простыми функциями отчетности журналистов о вышедших книгах, частными беседами на вечеринках, сплетнями, постами в блогах и сообщениями в Facebook’е» [13, с. 3, 4].

Ряды книг Тома писателей в доме дяди Гиляя

Высокий уровень англоязычной критики очевиден. У того же «Лондонского книжного обозрения» с его 70 000 подписчиков отменно всё, начиная с регулярного в каждом номере раздела писем читателей (мне всегда жаль, что у нас нет такого многостороннего умнейшего диалога/полилога). Странно не замечать и российских качественных журналов. Но вот в Вологде с критикой, действительно, сложно.

100 лет назад Т.С. Элиот в программной для него статье «Традиция и творческая индивидуальность» (1919) напоминал, что «kritika – дело столь же естественное, как дыхание, и уж мы никак не станем хуже, если будем в состоянии сформулировать происходящее в нас при чтении книги и определить переживание, ею вызываемое, если научимся подвергать критическому анализу собственный разум, погруженный в работу критического осмысления» [15, с. 157]. Не утрачиваем/утратили ли мы эту способность, само собой разумеющуюся для Т.С. Элиота?

Н. С. Для меня Сергей Фаустов, Михаил, как мы его называем, – остается одним из самых благодарных ценителей и почитателей вологодской литературы, той, современной, которую 25 лет назад и за литературу-то не считали: так, самозванцы какие-то! И то, что он увидел когда-то в нас, – во мне, в Марии Марковой, в Маше Суворовой, в Ольге Кузнецовой, в Антоне. Его парадоксальный взгляд, его внимание и прочтение до сих пор кажутся мне значительными. Поэтому я не могу согласиться, что это слабое звено. Тем более интересно, когда негуманистий, а совсем наоборот, физик-теоретик, подходит к анализу поэтического текста! В общем, это какой-то экспериментальный подход – о чем, собственно, и говорит нам название.

Л. Е. Что ж, остается порадоваться вместе с Вами, если Вам это нравится. Я, действительно, слышала много добрых слов в адрес Сергея Фаустова.

И момент, который, на мой взгляд, подвел, – корректура. Подчас на сайте Стихи.ру авторский вариант расстановки знаков препинания лучше, чем после корректуры Нины Писарчик (а вот ее критику на Прозе.ру я ценю). В остальных отношениях «Том писателей», по-моему, очень хороший. Это дар каждому из нас, истории и практике вологодской и российской литературы. И хочется, конечно, пожелать всем авторам внимания переводчиков и критиков. Вам, Ната, разумеется, – счастливых творений, сил, времени, желания на общие проекты. Спасибо.

Литература

1. Астафьева, А. Двойная экспозиция / Анастасия Астафьева. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 154 с.
2. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 58 с.
3. Кузнецова, О. Пастораль / Ольга Кузнецова. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 136 с.
4. Мелёхина, Н. «Темная сторона света». Проект «Том писателей» ВО СРП, 2016 / Наталья Мелёхина, Андрей Пермяков // Премьер. – 2016. – № 24 (972). – 21 июня.
5. Мелёхина, Н. По заявкам сельчан / Наталья Мелёхина. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 136 с.
6. Михайлова, Н. Не зарекаясь / Наталья Михайлова // Премьер. – 2015. – № 14 (911). – 14 апреля.
7. Пахомов, С. Неболочь / Сергей Пахомов. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 106 с.
8. Пермяков, А. Темная сторона света : Бесконечная книга, часть вторая / Андрей Пермяков. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 134 с.
9. Попова, Е. Вариации / Елена Попова. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 68 с.
10. Сучкова, Н. Продленка / Н. Сучкова. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 50 с.
11. Таюшев, А. Об Пушкина / Андрей Таюшев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 66 с.
12. Тимофеев, П. Агенты разных держав / Павел Тимофеев. – [б.м.] : Издательские решения, 2015. – 114 с.
13. Фаустов, С. Гуманитарные эксперименты / Сергей Фаустов. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 88 с.
14. Чёрный, А. Разнообразное / Антон Чёрный. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 106 с.
15. Элиот, Т. С. Традиция и индивидуальный талант / Т. С. Элиот ; перевод А. М. Зверева // Назначение поэзии. Статьи о литературе. – Киев: AirLand, 1996; Москва : ЗАО «Совершенство», 1997. – С. 157–165.

СПИСОК МЕРОПРИЯТИЙ ПРОЕКТА

4 июня 2017, Архангельск. Центральная городская библиотека им. М.В. Ломоносова. Вечер поэзии «Вологда + Архангельск = любовь». Представлены книги проекта «Том Писателей»: Павел Тимофеев «Агенты разных держав», Андрей Таюшев «Об Пушкина»

5 мая 2017, Казань. Казанское литературное кафе, Центральная библиотека. Презентация книги Андрея Пермякова «Темная сторона света»

19 марта 2017, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Мастерская-базар в поддержку Цветаевского дома. Участие во встрече приняли авторы проекта «Том писателей» Ольга Кузнецова и Ната Сучкова

4 января 2017, Вологда. Кафе «Актеры» (Дом актера им. А.В. Семенова). Литературный фестиваль актуальной поэзии «М8»: презентация проекта «Том писателей». Участвуют: Наталья Боева, Сергей Пахомов, Елена Попова, Ната Сучкова, Андрей Таюшев, Павел Тимофеев, Андрей Пермяков

21 декабря 2016, Москва. Эфирная студия газеты «Вечерняя Москва». Финал программы «Вечерние стихи». Участвует автор проекта Сергей Пахомов с книгой «Неболочь».

15 декабря 2016, Череповец. Камерный театр. Литературно-музыкальный вечер «Мечты декабристов» с участием авторов проекта Павла Тимофеева и Андрея Таюшева

9 декабря 2016, Москва. Московский театр «ETCETERA» (худ. рук. А. Калядин). Поэзия XXI век: авторское/актерское прочтение. Участвует автор проекта «Том писателей» Наталья Боева

8 декабря 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Творческий вечер-посвящение Гиляровскому с участием авторов проекта: Наты Сучковой, Марии Суворовой, Ольги Кузнецовой, Павла Тимофеева, Елены Поповой

6 ноября 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Литературный фестиваль «Плюсовая поэзия». Итоговый вечер проекта «Том писателей: полна коробочка». Выступление авторов проекта: Натальи Боевой, Ольги Кузнецовой, Натальи Мелёхиной, Сергея Пахомова, Елены Поповой, Андрея Таюшева, Павла Тимофеева, Сергея Faустова

6 ноября 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Презентация книги Наты Сучковой «Продленка»

13 октября 2016, Вологда. Вологодская универсальная научная библиотека. Презентация проекта «Том писателей» в рамках Недели вологодской книги. Участники: Ольга Кузнецова, Наталья Мелёхина, Андрей Таюшев, Наталья Боева, Сергей Пахомов, Павел Тимофеев, Елена Попова, Ната Сучкова, Мария Суворова

11 октября 2016, Вологда. Вологодская универсальная научная библиотека. Творческая встреча с автором книги «По заявкам сельчан» Натальей Мелёхиной в рамках Недели вологодской книги

28 сентября 2016, Вологда. Центр культуры «Красный угол». Презентация книги «Разнообразное» Антона Чёрного

12 сентября 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Презентация книги Сергея Faустова «Гуманитарные эксперименты»

Дом дяди Гиляя.

1-й ряд слева направо: Ната Сучкова, Игорь Шайтанов, Татьяна Андреева.

2-й ряд: Ольга Кузнецова, Андрей Таюшев, Илья Щекин, Галина Щекина, Елена Волкова, Иван Поздняков, Сергей Faустов

11 сентября 2016, Москва. Московская книжная ярмарка, ВВЦ. Участие автора проекта Натальи Мелёхиной

9 августа 2016, Вологда. Радио «Эхо Москвы» в Вологде. Программа «Книжная полка»: проект «Том писателей» представляют авторы поэты Ольга Кузнецова и Павел Тимофеев

4 августа 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Встреча авторов проекта с главным редактором журнала «Вопросы литературы», профессором, заведующим кафедрой сравнительной истории литературы историко-филологического факультета РРГУ Игорем Олеговичем Шайтановым

20 июля 2016, Вологда. Улица Мира. В проекте «Горком 35» «НЕОТКРЫТКИ» участвуют автор проекта Наталья Бое-ва и дизайнер проекта Мария Суворова

15 июня 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Презентация книги Андрея Пермякова «Темная сторона света»

28 мая 2016, Череповец. Камерный театр. Ната Сучкова и Мария Суворова на фестивале поющих поэтов «Вишня» представляют проект «Том писателей». В фестивале принимает участие Андрей Пермяков с книгой «Темная сторона света»

8 апреля 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Презентация книги Елены Поповой «Вариации»

28 февраля 2016, Вологда. Художественный отдел Вологодского музея-заповедника. Презентация книги Натальи Бое-вой «Знак улитки»

8 февраля 2016, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Презентация книги Сергея Пахомова «Небо-лочь»

11 декабря 2015, Вологда. Вологодская универсальная научная библиотека. Презентация книги Павла Тимофеева «Агенты разных держав»

6 декабря 2015, Ярославль. ДК им. Добринина, библиотека (филиал № 19). «Агенты» в Ярославле: презентация книги Павла Тимофеева «Агенты разных держав»

30 ноября 2015, Грязовец. Литературный марафон в «Сельской правде»: читаем прозу Натальи Мелёхиной. Книга проекта «По заявкам сельчан»

8 ноября 2015, Вологда. Галерея «Красный мост». «Том писателей» на литературном фестивале «Плюсовая поэзия-2015». Презентация книг Натальи Мелёхиной «По заявкам сельчан» и Павла Тимофеева «Агенты разных держав». «Перед книгой»: Сергей Пахомов «Неболочь»

7 ноября 2015, Вологда. Дом актера им. А.В. Семенова. «Том писателей» на литературном фестивале «Плюсовая поэзия-2015». Презентация книг Анастасии Астафьевой «Двойная экспозиция» и Натальи Боевой «Знак улитки»

24 октября 2015, Вологда. Музей «Литература. Искусство. Век XX». Творческий вечер трех поэтов. Участвует автор книги «Об Пушкина» Андрей Таюшев

14 мая 2015, Вологда. Литературная резиденция «Дом дяди Гиляя». Презентация нового проекта «Том писателей»: старт проекта

21 марта 2015, Вологда. Тендряковская библиотека. Литературная печа-куча. Ольга Кузнецова, Ната Сучкова рассказывают о проекте «Том писателей»

L.V. Yegorova, N.A. Suchkova

«WRITERS’ COMPENDIUM»: AN ANTHOLOGY OF CONTEMPORARY VOLOGDA WRITING

A discussion of the first anthology of contemporary Vologda writing, between the editor of «Bulletin of Vologda State University» Lyudmila Yegorova and the author of the concept and editor of the project Nata Suchkova, in the form of detailed conversation about the project as a whole, and briefly on each of the 12 books individually.

‘Writers’ Compendium’, an anthology of contemporary Vologda writing, Nata Suchkova, Vologda.

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет
А.Н. Кириловский
Вологда

О РАБОТАХ АЛЕКСЕЯ КИРИЛОВСКОГО В «ТОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ»

Обсуждение редактора «Вестника ВоГУ» Людмилы Егоровой с Алексеем Кириловским его фотографий для обложек трех книг «Тома писателей». Многовариантный, многогранный подход демонстрирует характер работы с антологией новейшей вологодской литературы.

«Том писателей», антология новейшей вологодской литературы, Вологда.

Л. Е. Алексей, Вы причастны к созданию трех книг. Давайте начнем со «Знака улитки» Наталии Боевой. Расскажите.

А. К. Я работал тогда художником-конструктором в областном кукольном театре «Теремок». Как раз находился в мастерской, когда прочитал сообщение от Наташи. Так как с ее произведениями уже был знаком, появились идеи. Фотоаппарат был с собой, и я выполнил пробную съемку. В качестве материала для объекта съемки использовал два скрученных журнала, расположив один так, что он образовал спираль и в то же время был похож на букву Я.

Л. Е. Наталия прислала и еще одну вариацию на тему улитки или знака улитки – из ремня. Как ей помнится, эта была более поздняя вариация. Вы расценивали это как бонус или возможный вариант?

А. К. Вариант из офицерского полевого ремня появился после выхода печатного издания. Я увлекся предметной съемкой для нового фотопроекта, и, как оказалось, ремень отлично подошел под образ улитки: хорошо скручивается и отлично имитирует пару рожек улитки.

Л. Е. У Павла Тимофеева для обложки «Агентов разных держав» были пожелания?

А. К. Обложку обсуждал не с ним, а с Марией Суворовой и с Натой Сучковой. Стихи его читал: образы яркие и живые, как будто их в лицо знаю. Вариантов много было и очень разных. Ната выбрала фотографию, которая у меня тогда висела на стене ВКонтакте и в Фейсбуке. «Детский триллер» с двумя мишками на веревке завоевал диплом в конкурсе «ПитерФотоФест 2014».

Л. Е. Прекрасное фото. А где это происходило? Вы просто проходили – обратили внимание?

А. К. Сюжет нашел в своем дворе.

Л. Е. Фото подрезали? Целиком дали?

А. К. Фото горизонтальную ориентацию имело первоначально. Для книги просто скадрировали.

Л. Е. А из вариантов Вы можете что-то еще показать?

А. К. Вот один из вариантов для обложки «Агентов разных держав». Держава = рука, и я использовал функционально противоположные инструменты – молоток и клещи. У Паши есть стихотворение «Коля». Коля у реки вызвал ассоциацию с кривым гвоздем, и я эту тему обыграл: положил согнутый гвоздь на край доски.

Л. Е. Давайте воспроизведем «Коля» Павла Тимофеева. Это первое в книге стихотворение, и, думаю, многим запомнилось еще по публикации на Стихи.ру в 2011 году.

*Каникулы. Нарочь забыты уроки.
Мы вышли к реке без забот и тревог.
Казалось, что мир сам ложится под ноги,
И в мире немало прекрасных дорог.*

- Я буду министром.
- Я буду артистом.
- А я с балансиром
ступать по канату.
- Я буду над миром
летать космонавтом.
- Я моряком побываю повсюду.

*А Коля сказал: - Я просто буду.
На красное солнце наплыли вдруг тучи,
И мы поспешили обратно домой.
И каждый считал, что он станет крuche,
И каждый забрал это солнце с собой.*

*Один стал шофером.
Другой стал суфлёром.
А третий побрёл
в третью ходку на зону.
Четвёртый орёл
приобрёл Форд Аскону...
И каждый добился, насколько старался.
А Коля? Он так у реки и остался.*

Л. Е. Вы знали Колю?

А. К. Нет. Но я знаю людей с похожим поведением. Они как маяки или верстовые столбы стоят на месте – можно свое положение определить.

Были еще две противоположности, два профиля: мужской и женский напротив друг друга. Были вариации, где профили образуют подобие замочной скважины, через которую просматривается текст книги. Образ замочной скважины достаточно легко ассоциируется со шпионажем. В создании вариантов фото для обложки я исходил не только от названия книги, но и от содержания. Стихи прочитывал несколько раз, пытался обобщить возникающие образы.

Л. Е. Мне очень нравится разнообразие подходов и многовариантность мышления. Снимки отражают разные грани книги. Когда смотришь на мишку... У Вас какие ощущения?

А. К. Ну практически как Андрей Пермяков описывает – про арбуз со вкусом долек то апельсина, то йогурта¹.

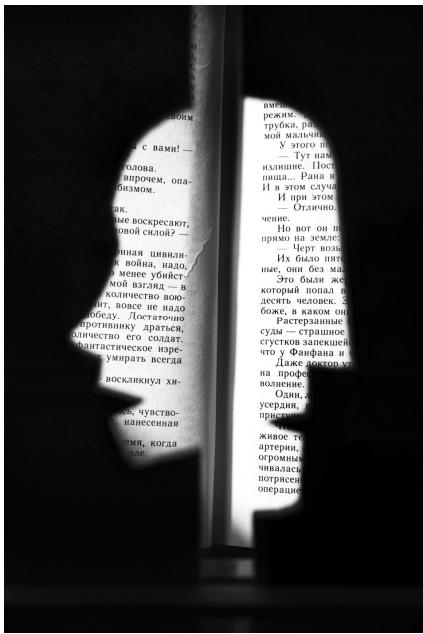
Л. Е. Да, Ната комплексно настраивает читательское предощущение – и обложкой, и предисловием.

В «Разнообразном» Антона Черного разветвленная система авторских знаков: иллюстрации – Анто-

¹ Андрей Пермяков в предисловии: «Видим мы, скажем, арбуз. Отрезаем дольку – да, арбуз. Вроде, спелый, вроде, вкусный. Берем на пробу еще кусок, а там – апельсин. А в третьем кусочке, например, вкус йогурта. Причем вкусы эти отчетливые такие, дающие разумные сочетания. Вот примерно такое ощущение вызывают стихи Павла Тимофеева» [1, с. 3].

нина Черная, фотографии – Алексей Кириловский, дизайн обложки – творческая группа FUNdbÜRO.

А. К. Графика на обложке Антонины. Я просто обыграл в фотографической технике, чтобы стилистику сохранить. У Наташи Боевой я создавал объект съемки, подбирая разные предметы и придавая им форму.

Профили – варианты обложек для книги «Агенты разных держав»

Л. Е. Антон участвовал в поиске?

А. К. С Антоном Черным, так же как с Наташой Боевой, обсуждал, корректировал. Антон имел отношение к издательскому делу. У меня уже был опыт сотрудничества с ним: книга Ивана Смирнова «БАН» (М.: Перо, 2012).

Л. Е. А почему не сам Антон экспериментировал?

А. К. Не знаю. Я уже фотографировал давно – имею представление о построении композиции в кадре, о том, как добиться выразительности. Фототехни-

ка давно не дефицит, и пользоваться ей стало просто. Следовательно, если ко мне обращаются, значит, требовательны к кадру и их самих не устраивает результат самостоятельного творчества.

Л. Е. Расскажите о фотографии в Вашем понимании.

А. К. Фотография, по сути, документальна, это техническое творчество по фиксации на плоском светод чувствительном материале объектов материального мира посредством света, без участия человека.

В фотографии ремесло и искусство разделено тонкой границей. Иногда трудно понять, случайно у фотографа получилось или у него такой сложный визуальный язык, он сам придумал композиционное решение, сюжет или скопировал чей-то (улыбается).

Бывает, когда фотокамера умнее фотографа (улыбается).

В живописи синтаксис задает художник, пропуская образ через себя, плюс мастерство. В фотографии эту проблему решили ученые, изобретатели, инженеры, программисты. Надо просто нажать кнопку (улыбается). Но это и плюс: можно больше времени уделять идеи, композиционному решению.

Л. Е. Расскажите о себе.

А. К. Родился в 1977 году в Вологде. Учился в школе № 2. Ценил кружок «Ракетомоделирования», клуб «Юного филателиста» ДКЖ, принимал участие в выставках, имеются грамоты за участие во всесоюзном конкурсе. Окончил ПУ-5: станочник металлообработки. Учился в Вологодском духовном училище. Фотограф-любитель. С 2000 по 2008 – внештатный фотограф газет «Красный Север» и «Благовестник», журнала «Вологодский лад». Публиковался в журналах «Фото&Видео», «Рандеву». Сотрудничал с издательством «Древности Севера». Участник фотоклуба «Северянин». Автор персональных выставок: «Вологда. Новое прочтение», «В гостях у автора», «Простые вещи». Постоянный участник выставок, организованных Вологодской областной картинной галереей «Осенний фотовернисаж». Веду фотохронологию деятельности музыкально-поэтического салона «Новый Диоген», фестиваля «Плюсовая поэзия», «М-8».

Л. Е. Мне очень нравятся Ваши портреты поэтов и писателей. Хорошо бы книгу издать?

А. К. Книги, изданные при моем участии в Вологде в «Древностях Севера»:

«Вологда в минувшем тысячелетии. Человек в истории города», 2007,

«Моя Вологда. Город нашей памяти» А.И. Сазонова, 2007,

«Управление Великоустюгским районом: история и современность», 2008,

«Москва – Вологодчина: времен связующая нить», 2009,

«Древности Белозерья», 2010,

«Вологда. Каменная летопись» А.И. Сазонова, 2011 и переиздание 2016,

«Вологодский Софийский собор» Т.Г. Петрова, 2011,

«История православных храмов и монастырей Вологды», 2014,

«Деревянная Вологда: сохраненное и утраченное» А.И. Сазонова, 2014,

«Группа компаний “Вологодские лесопромышленники: 25 лет”», 2016,

«В глубину веков: очерки вологодской археологии», 2016,

«Вологда: самое интересное: путеводитель», 2016,

«Вологда в минувшем тысячелетии: памятники истории и культуры», 2019.

В Череповце («Порт-Апрель») вышла книга «Открывая Вологду» Д. Гуторова (2019).

Алексей Кириловский

Л. Е. Вы с детства фотографируете?

А. К. В 10 лет дедушка подарил фотоаппарат Смена-8М. Первый опыт фоторепортерский был в 1989 году: поездка с родителями в Ленинград.

Л. Е. Мне нравится ощущать, а Вам запечатлевать, да?

А. К. Фотосъемка, скорее, возможность повторно пережить запечатленные события, явления. Разумеется, не все события меня вовлекают эмоционально.

Л. Е. Портреты очень нравятся. И нравится, как неизвечно Вы снимаете на встречах, как публикуете, деликатно отобрав лучшее. Расскажите о Вашем пути.

А. К. В фотографию я вошел через «темную комнату» с проявлкой фотоматериалов самостоятельно. Это было в основном бестолково: просто бездумно щелкал и проявлял пленки. Позже, после службы в армии (2000 год), задумался о качестве фоторабот. Стал в библиотеке читать журналы «Amateur Photographer», «Советское фото», «Фото&Видео» и общаться с вологодским фотографом Валентином Ховалкиным. Он научил меня основам композиции и критическому восприятию в фотографии. Снимал пейзажи, потом натюрморты. Портреты только с 2005 года. Появилась цифровая фототехника, на количество отснятых кадров можно было не обращать внимания, смелее экспериментировать. К 2012 году процесс фотосъемки людей стал более осознанным: за плечами был опыт работы на свадьбах, вочных клубах, на различных фестивалях, концертах. Продолжал знакомиться с опытными фотографами, читать книги не только технического плана, но и философского («Искусство видеть» Джона Бергера). Стали интересовать проекты исследовательские: например, «Вологда. Новое прочтение» выполнен фотосъемкой городских пейзажей в инфракрасном диапазоне, «В гостях у автора» – типология портретов литераторов в близкой им обстановке.

Л. Е. Расскажите об искусстве видеть.

А. К. Как-то все само получается в голове, попробую описать. Сложный процесс. Он состоит не только в фиксации объекта исследования с предварительным, всесторонним изучением его, но и в трансляции зрителю отобранных мной качеств объекта. В итоге зритель (референтная группа) оценивает этот результат. Иногда и зритель является тоже объектом исследования, ведь для него требуется подобрать понятный визуальный язык, иначе фотограф может быть непонятым.

Литература

1. Тимофеев, Павел. Агенты разных держав / Павел Тимофеев. – [Б. м.] : Издательские решения, 2015. – 114 с.

L.V. Yegorova, A.N. Kirilovskiy

ON THE WORKS BY ALEXEY KIRILOVSKIY IN «WRITERS' COMPENDIUM»

A discussion of the first anthology of contemporary Vologda writing, between the editor of «Bulletin of Vologda State University» Liudmila Yegorova and the photographer of the project Alexey Kirilovskiy. His multifaceted and multivariant approach in preparing photographs for three volumes of the «Writers' Compendium» demonstrates the thoughtful and meticulous attitude characteristic of the anthology.

«Writers' Compendium», anthology of contemporary Vologda writing, Vologda.

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

О НАТАЛИИ БОЕВОЙ

Обзор творчества вологодской поэтессы Наталии Боевой и материалов о ней: опубликованных и архивных (из архивов Наталии Боевой, Галины Щекиной, Сергея Faустова).

Наталия Боева, Вологда, современная поэзия.

Наталия Станиславовна Боева родилась в Вологде 1 августа 1985. Училась в школе № 1. Окончила Вологодский государственный университет: факультет иностранных языков, магистратуру отделения культурологии (направление «Культура региона»).

Публиковалась в региональной периодике, журналах «Новые облака» (Эстония), «Воздух», «Урал», «Дети Ра». Стихи включены в сборник «Плюсовая поэзия», антологию «Чудь» и «Литературрендген». Участница фестивалей «М8», «Плюсовая поэзия». Лонг-листер премий «НЕФОРМАТ» 2008/2009, «Дебют» 2009. Шорт-листер премии «Литературрендген» 2008.

В 2015 вышла книга Наталии Боевой «Знак улитки» в серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

Важной вехой литературной жизни Наталия считает знакомство с Галиной Александровной Щекиной. Это было по окончании университета, ближе к концу 2007 года. Наталия работала в «Северной Фиваиде», в приемной, куда и зашла Галина. Решая свои проблемы, она попутно убедила Наталию в необходимости заглянуть на ЛИТО (подробнее см. рассказ Наталии в интервью). Почитав-послушав стихи, Галина пришла к выводу, что имеет дело с «уже сложившимся автором», и старалась ввести Наталию в близкий ей литературный мир Вологды.

У Галины Щекиной сохранился написанный текст о Н. Боевой для «Листы» – журнала, выпускаемого ею для литературной студии «ЛИСТ» на протяжении 15 лет. 16-й выпуск, для которого она писала о Наталии, не вышел – традиция прервалась (студия перестала собираться как группа – остались только индивидуальные занятия).

Восприятие руководителя студии причудливо: «Наташа Боева всегда казалась мне японской поэтесой, нечаянно оказавшейся в нашем времени в Вологде. <...> Многие ее стихи я впервые прочитала в ЖЖ. Они притягивали. Комментировать их было сложно. Я не любила ничего японского. Мне это казалось чужеродным для русской девочки. Моя задача состояла в том, чтобы помочь выявить дар, и в случае с Боевой дар был очевиден, а уж какой он природы – русской или японской – неважно»*.

Непонятно, почему дар расценен как японский, – мне показалось это импрессионистическим ощущением Галины Щекиной. Но к поэтической генеалогии поэтессы мы еще вернемся. Важно свидетельство о неотразимости Наталии и ее произведений: «Это было понятно не только мне, прочитавшей до Боевой километры стихов, но и студийцам. Ведь они всех поднимали на смех, а себя каждый считал гением. Когда же читала Боева, они просто замирали». Свое восприятие руководитель студии тоже зафиксировала: «Меня смущало то, что стихи Боевой – свободной формы. Содержание всегда неожиданное, волшебное. О снах, о рыбах, о людях в абсурдной среде... В общем, всякие сигналы подсознания. А форма непонятная. Верлибры – это дело такое зыбкое. Одни считают их недостихами. Другие наоборот – вершиной».

Едва ли стоило смущаться или бросаться из крайности в крайность. В конце концов, прошел век, с тех пор как в 1915 году в антологии имажизма Ричард Олдингтон подчеркнул, что они не настаивают на том, что верлибр – единственный способ написания поэзии, но отстаивают право и свободу писать таким образом. В 1917 Т.С. Элиот в «Размышлениях о верлибре» («Reflections on Vers Libre») писал, что «различий между Консервативным Стихом и верлибром не существует, так как бывает лишь хороший стих, плохой стих и хаос» (перевод А.М. Зверева) (цит. по: [7, с. 439]).

Студийцы оценили «зыбкий» верлибр Наталии Боевой. Галина Щекина всмотрелась в тонкую вязь передаваемых настроений и ощущений. Отметила интеллектуальное и образное богатство творений, их способность будить воображение, вовлекать читателя в авторскую игру. Пыталась уловить характерные черты текстов: «...много указателей на то, что лирическая героиня взглядывается и вдумывается в себя. Часто предметом изучения становится сам ее внутренний мир. Но описывает она его не лобовым образом, а косвенно-завуалированно – при помощи мелочей, складывая его из былинок, соцветий, как бывает во флористике ("я заклеиваю окна сушеными крыльями бабочек, затыкаю щели сахарной ватой"). И еще она чаще всего ведет стих от первого лица. Хотя это не означает, что "я" – именно она. Стихи насыщены эмоционально, но без агрессии. Трагедия обернута в иронию ("отчетливо катя"). А еще они очень портретны ("мама у вики –

* Здесь и далее – из архива автора.

картина Гольбейна"). Как у каждой молодой поэтессы, тексты насыщены литературой и отсылками к ней (Кай, Герда, Августин, Гришка Мелехов»).

В последнем я не уверена, т.е. аллюзии действительно есть, но они не поверхностные. Как не у каждой молодой поэтессы, у Наталии не столько отсылки, сколько вбирание знаковых образов, топосов в полностью своего стиха или, наоборот, разрастание образов до полотна стихотворения. Приведу два примера из раннего – не включенного в первую книгу:

ПЕНЕЛОПА

за что-то разгневались боги –
долго будешь скитаться
между Сциллой «люблю» и Харибдой «рассстаться»

лет через двадцать вернешься, и ладно –
бесконечная твоя одиссея.
только здесь не Эллада,
и ткать я совсем
не умею...

* * *

С Новым годом, моя дорогая Герда!
не поверишь – я все же сложил слово «вечность».
ты ушла, я остался
с твоими замершими в льдинки слезами
вечность – в верности их.
ты ушла. я остался с тобой в одиночестве зальном.
С Новым веком, моя дорогая Герда!
вечность памяти – ты в ней такая,
все такая же:
верхом на олене – в Лапландию
и брести по снегам все северней
вечность в глупости – быть уверенной,
что вернешь меня.
ты пришла ли назад к нашим розам в ящице?
– не моя, повзрослевшая и другая –
вечность памяти, вечность в слезах твоих, вечность
не тает...
этот сказочник Андерсен что-то напутал:
ты же знаешь, меня звали вовсе не Каэм.

В студии Наталия, на взгляд Галины Щекиной, «появлялась редко, была праздником. А поскольку она намного превосходила по уровню культуры многих студийцев, этим хотелось воспользоваться». Галина предлагала Наталии темы для последующего обсуждения на занятиях. Два доклада сохранились. Первый – о фэнтези. (Галина: «Я не уважала этот жанр. А многие писали именно в его рамках. Я ее попросила».) Второй – о религии и литературе (так была поставлена задача). Наталия выбрала тему богоискания и богоборчества в творчестве Есенина и Мариенгофа. В докладе она обратилась к стихам имажинистов, явленных глазам москвичей на стенах Страстного монастыря утром 28 мая 1919: *Облаки лают, Ревет златозубая высь. Пою и взываю: Господи, отель! Есенина; Граждане, души Меняйте белье исподнее! Мариенгофа.*

Пристальное чтение этих и других стихотворений, вовлекаемых в обсуждение, скрупулезный анализ выделенных ключевых моментов позволили Наталии, ее слушателям в студии ощутить пророчество стиха Велимира Хлебникова (апрель 1920): *Москвы колымага, В ней два имаго. Голгофа Мариенгофа. Город Распорот. Воскресенье Есенина. Господи, отель! В шубе из лис!*

Для Галины Наталия являла собой скорее преподавателя, чем ученицу: «Ей можно было передать студию – и она бы ее вела. Если бы хотела. Но она не хотела. Были еще две таких способных девушки, но никто не жаждал принять бразды правления этой бесплатной каторгой поэтов».

Галина Александровна поделилась рассказом и еще об одной практике: новых интересных авторов она направляла в поэтический салон «Новый Диоген». Денис Романенко, организатор и вдохновитель проекта, давал возможность поэтам публично высказаться. Его отзыв об успешном дебюте Наталии в мелодекламации сохранился. В Доме актера праздновали годовщину «Нового Диогена». Приняли участие корифеи салона (Михаил Калинин, Павел Тимофеев, Антон Черный, сам Денис), молодые авторы (Наталия Боева, Надежда Гомзикова, Аксана Халвицкая), студийцы. Денис Романенко зафиксировал тогда свои ощущения. Воспроизведу касающееся Наталии: «...с Наташей Боевой было несколько легче, поскольку она, как я понимаю, имеет больший опыт публичных чтений. Правда, артистически она несколько проигрывает Наде с Аксаной, но это уже с суровой «режиссерской» точки зрения. В зале, я думаю, этого было вообще не заметно. Фактически во время репетиций ей пришлось основное внимание уделить технике работы с микрофоном и научиться взаимодействовать с музыкой так, чтобы аккомпанемент не мешал внутреннему ритму стихотворений, а подкрашивал его рисунок <...> К счастью, у Наташи нет проблем с дикцией и акцентами. Она очень быстро освоила мелодекламатическое интонирование, хотя, возможно, ей это далось не так легко, как казалось внешне. У нее очень женственные и красивые стихи, они ей очень идут, я бы сказал. С самими текстами проблем, на мой взгляд, не было. Мы лишь отобрали те, которые укладывались в некое подобие композиции, а остальные стихи отложили до следующих выступлений. И никаких редактур или правок делать не пришлось. <...> По качеству самих стихотворений Наташа из трех мне показалась наиболее сильной. У нее уже сложился некий собственный стиль осмыслиения, поиска образов и т.д. Но это именно стиль, что очень приятно».

Сохранила Галина Щекина и аудиоальбом «Звук листвы». По просьбе Наталии на профессиональной аппаратуре была записана мелодекламация Галины Щекиной, Нины Писарчик, Регины Соболевой, Аксаны Халвицкой, Бориса Панкина и других (см. подробнее интервью).

О невыходе сборника «Знак улитки» в его раннем варианте Галина Щекина жалеет до сих пор. Кроме макета сборника, были подготовлены иллюстрации, проекты обложек. Несмотря на уговоры, издавать книгу Наталия не торопилась. Посмотрев студийный вариант и книгу «Тома писателей», ощущаешь проделанную работу. Написано много новых прекрасных

стихов, и многое исчезло. Первоначальный сборник воспринимается как единое целое, со своим голосом, стилистикой, богатством культурных ассоциаций. Видишь непрерывный поиск с результатами, которые стоило показать, несмотря на несовершенство.

*Господи, Боже мой,
иже еси на небесах,
спуспись, поговори со мной,
прогони страх.*

*Господи, – исцеленья – неба в руках:
в тишине комнаты
я и ты
и облака...*

*Господи, помолись за нас
двоих,
благослови, я закончу стих
раной
Боже, приди, не оставь меня так
сидеть в уголке дивана.*

В 2014 году Сергей Фаустов номинировал Наталию Боеву на Всероссийскую литературную премию имени Валерия Прокошина (1959–2009). Наталия отказалась от не согласованного с ней номинирования по ряду причин личного характера. Аргументация С. Фаустова (позднее он воспроизведет ее, чуть перефразируя, в «Гуманитарных экспериментах»): Боева «более всех <...> близка к овладению совершенно иным, особым языком поэзии, таким, что о ней уже невозможно писать по-старому» (цит. по: [6, с. 17]). Что он имел в виду? – «Ее поэзия требует и нового языка литературной критики – некую акробатику, кувырок в кажущуюся “пустоту” стиха, чтобы заполнить его содержание эстетическими пульсациями» [6, с. 17]. И «акробатика», и «кувырок», мне кажется, мало что объяснят. Фаустов выражал уверенность в том, что Наталия – «из тех поэтов, творчеством которых надо интересоваться постоянно. Она молода, а значит, она надолго с нами, если только запустить этот процесс вовлеченности поэта с социумом. <...> Интерес, конечно же, не только в ней: она развивается, увлекая за собой своих читателей, а правильнее сказать, она увлекает за собой русскую поэзию». Куда? Направление движения не обозначено. Что отмечено критиком?

Он приводит стихотворение, «описывающее движение переходящих друг в друга образов, выхваченных из своего пространства»:

*обезумевший,
скачешь, как какой-нибудь Гришка Мелехов
на коне, да с шашкой,
из шашек, да в дамки,
придворные дамы поджимают губы,
боясь запачкаться, подбирают подолы
проходя мимо.
а замирая смотришь подолу
как трудится Молох
мельничный жернов
и листьев ворох
подсвечивается поздним солнцем.*

Наталия Боева.
Фото Наталии Антоновой. Музей кружева,
мероприятие «Серебряный Меркурий»
Торгово-промышленной палаты

Динамика образов с их разнородностью действительно производит впечатление. Российский имажинизм, как и англоязычный имажинизм, Наталией воспринят и усвоен. Я переспросила ее и получила подтверждение, что Есенин был любимым поэтом в 10 классе, Мариенгоф – позже (см. интервью). За книгой стихов Мариенгофа в те времена Наталия специально отправилась в Питер (в вологодской областной библиотеке была только проза: «Циники» и «Роман без вранья»).

Демонстрирует Сергей Фаустов и способность Наталии запечатлеть искусство.

*женя сома написала
плывет сом над женей, шевелит плавниками,
спрашивает ты кто такая?
она ему не отвечает
женя разные слова ощущает
внутри
женя пишет аквариум для сома
сом выговаривает пузыри*

Фаустов еще раз проговаривает: «Сначала художник пишет произведение, которое затем автора спрашивает: ты кто? Автор не отвечает, но ощущает, как произведение начинает само независимо от автора излучать экспрессивный свет чувства ли, мысли. Художник вписывает произведение в рамки образа, и оно начинает жить самостоятельно».

Критик дает рекомендацию читателям. По его мнению, «Знак улитки» «надо читать с конца, там, где основание спирали, потому что оттуда начинается путь к бесконечности». (Логика сборника, подготовленного в период занятий в студии, будет сохранена Наталией и в книге «Тома писателей»: «Внутри» – «Снаружи» – «Движение».) Я попробовала эксперимент, предлагаемый критиком, но для меня динамика

«Движения» дает слишком сильный разгон. Органичнее следовать за автором.

Наталья Боева.

Фотография Ольги Лесковой.

Вологодский государственный музей-заповедник

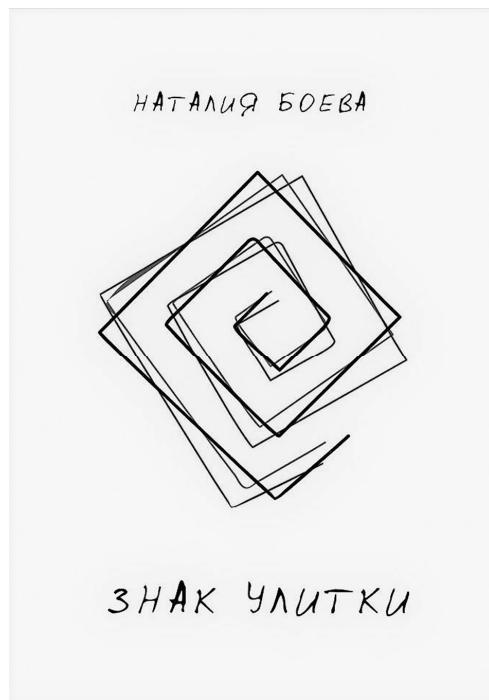
«Знак улитки» вышел в 2015 году под редакцией Наты Сучковой [1]. С уже третьим по счету вариантом обложки, если считать версии Галины Щекиной (но они не рассматривались Наталией) и Марии Егоровой (они Наталии нравились). Алексей Кириловский помог с радовавшим и автора, и «Том писателей» «знаком улитки» (см. интервью).

В книге традиционно точная и красавая аннотация Наты Сучковой: «Стихи Наталии Боевой, словно экзотические птицы: поют разными голосами, говорят на разных языках, перепевают и окликают друг друга. Как грациозные животные, они опасны и осторожны одновременно. И все в них подчинено одной цели: видеть знаки, понимать знаки, следовать знакам – внутри, снаружи, в движении» [1].

Отклики последовали сразу. Мне всегда интересны читательские мнения, в данном случае – Нины Писарчик (по образованию – библиотекарь-библиограф). Она высоко оценила язык книги («чистейший русский, но действительно собственный, по-своему организованный, то есть авторский»), особенности поэтики («языковая игра, в основе которой лежит так называемый “говорной стих”»), особенность произношения («близкого к интонации обычной разговорной речи»), содержания («из новейшего культурного слоя»), мир стихов («предметен, нагружен мелкими бытовыми событиями, детскими воспоминаниями»), образный ряд («многоголосен и фееричен») [5]. Из региональных выделию рецензию Натальи Мелехиной с названием «Вещь в себе» [2].

Из центральных – концептуальную статью Андрея Пермякова, искающего подходы к целостному видению вологодской литературы и нашедшего один из возможных в творчестве Боевой: «Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии» [3]. В разговоре о Наталии и ее книге Андрей конкретен: «Отчетливо понятен собственный генезис, определены способы контакта с миром с использованием вариантов, наиболее безболезненных и для мира, и для себя»; «...совсем не

инфантанская сформирована поэтика, а вполне взрослая. По-другому взрослая» [3].

Варианты обложек Марии Егоровой

Этот разговор мы продолжили в переписке и в интервью. Здесь мне бы хотелось воспроизвести размышления Наталии в связи со статьей Людмилы Петрановской «Травмы поколений» [4]. Боева идентифицирует себя как представителя «третьего поколения» – внуков тех, кто прошел войну. Приведу цитату из Петрановской, дающую ключ к видению себя Наталией:

«Третье поколение стало поколением тревоги, вины, гиперответственности. У всего этого были свои плюсы – именно эти люди сейчас успешны в самых разных областях, именно они умеют договариваться и

учитывать разные точки зрения. Предвидеть, быть будительными, принимать решения самостоятельно, не ждать помощи извне – их сильные стороны. Беречь, заботиться, опекать.

Но есть у гиперответственности, как у всякого “гипер”, и другая сторона. Если внутреннему ребенку военных детей не хватало любви и безопасности, то внутреннему ребенку “поколения дяди Федора” не хватало “детской”, беззаботности. А внутренний ребенок – он свое возьмет по-любому, он такой. Ну и берет. Именно у людей этого поколения часто наблюдается такая штука, как “агрессивно-пассивное поведение”. Это значит, что в ситуации “надо, но не хочется” человек не протестует открыто: “не хочу и не буду!”, но и не смиряется: “ну надо, так надо”. Он всячими разными, порой весьма изобретательными способами, устраивает саботаж. Забывает, откладывает на потом, не успевает, обещает и не делает, опаздывает везде и всюду и т.п. <...> Часто люди этого поколения отмечают у себя чувство, что они старше окружающих, даже пожилых людей. И при этом сами не ощущают себя “вполне взрослыми”, нет “чувствия зрелости”. Молодость как-то прыжком переходит в пожилой возраст. И обратно, иногда по нескольку раз в день» [4].

От этой идентификации мы с Наталией перешли к разговору об «инфантлизме» в литературном контексте. Наталия вспомнила, как во время одного из семинаров «Плюсовой поэзии» при обсуждении ее подборки возник спор, понятно или непонятно, о чем она говорит в стихах: «...кто-то сказал, что понятно становится в конце, в последней фразе. И еще кто-то, кажется, Антон Черный, сравнил это с многослойной упаковкой: когда каждый снятый слой приближает тебя к изначальной форме подарка или сюрприза, который там спрятан.

И потом Маша Маркова сказала то, что мне показалось очень верным. Я дословно не вспомню сейчас, но суть была в том, что в стихах своих я говорю так, как говорят дети. Она сравнила это с тем, как ее дочь рассказывает какие-то истории, произошедшие с ней. Не говорит прямо: “случилось это и это”, а именно превращает всё в историю, где смешана реальность и детское восприятие случившегося. И среди всего этого нужно суметь найти то самое, ради чего затевался весь рассказ.

Я никогда не думала о своих текстах в таком ключе, мне сложно их анализировать, да я и не должна; я не очень знаю, как рассказывают истории дети, но внутренне в тот момент я была очень согласна с Машей. Может, потому что я сама не ощущаю собственную “взросłość”» (из переписки).

Мне представляется, что «взросłość» или зрелость лучше всего ощутима в интервью. Зрелость ума. Зрелость языка. Нравственная зрелость.

Вопрос о поэтической традиции Наталии Боевой – сложный вопрос. Вслушаемся в ранние стихи, которые Наталия удивительным образом не включила в сборник. Даже, на мой взгляд, ключевые стихи – с важным для ее поэзии образом птицы.

Песня перьев

слушайте песню перьев
над быстрой рекой!
две тысячи лет назад мне был обещан покой,
странно, но я до сих пор в это верю.

он разговаривает с деревьями и камнями
и наблюдает дни, как я врастаю ступнями,
ухожу глубоко в землю.
я две тысячи лет боюсь, что он мне подарит покой
остаюсь немой и внемлю
песне перьев.

то, что зовется мной –
лишь пара закрытых глаз
да сокнутый рот.
а он великий шаман, и он непременно найдет,
пусть не сейчас,
но услышит в голове моей птицу.

птице – тесно,
птице – место
на воле.
он ее выпустит
рано ли, поздно ли.
и боли
больше не будет.
и это меня убьет.

По размаху мне это, особенно начало, – напоминает Уолта Уитмена. Тот же космизм ощущений во времени и пространстве. При этом – тонкость, боль Сильвии Плат. И – отчаянная свобода и магия Джима Моррисона.

Вторая часть диптиха:

Free_дом

моим кистеперым рукам,
моим пятипалым крыльям,
им хочется неба,
а получается биться
о стенки черепа
в бессилье.
смотреть из глазниц,
как из бойниц
на мир с тоской.

выпусти из головы птицу
и она полетит
над рекой.

Привлеку внимание к эксперименту в названии. Владея английским, французским, немецким, Наталия естественно расширяет границы поиска. Слово «freedom» (свобода) она делит на слоги: *free-dom*. От латиницы во втором слоге переходит к кириллице:

free дом. Получив «свободный дом», осовременивает видение слова: *free_дом*. И далее начинает работать с этой «свободой», «свободным домом», разрастаясь до неба и – страдая от пределов возможностей.

Как отметила Галина Щекина, лирическая героиня Боевой обыкновенно взглядывается, вдумывается в себя. При этом самоощущения, внутренний мир как предмет рассмотрения характерным для Наталии образом сочетаются с другим/и планом/ами.

Наталия рассказала, что диптих задуман о некоем древнем существе, в голове которого заточена птица. Боги создали его таким или это произошло по его воле – читатель волен додумать сам. Ощущение Наталии, что это он в погоне за славой, счастьем, какими-то невиданными чудесами сделал так, что птица (такое же древнее существо, как он сам) оказалась пленницей в его голове. Жизнь с птицей в голове наделяет его способностями мыслить, видеть и чувствовать по-другому. При этом жизнь мучительна и для него, и для птицы.

Великий Шаман обещал освободить его от птицы, когда (как это водится в сказаниях и легендах) он полностью осознает и искупит совершенное. И вот проходит две тысячи лет. Нам показывают его желание обещанного покоя и – страх, ибо покой – это смерть: «и боли больше не будет, и это меня убьёт».

Вторая часть – взгляд птицы. Здесь все логичнее и однозначнее. У птицы нет сомнений – она стремится к свободе, к полету, к небу. Если человек затаился – ждет, но прячется от Шамана («я две тысячи лет боюсь, что он мне подарит покой, остаюсь немой и внемлю песне перьев»), то птица молит, пытаясь привлечь Шамана. И, быть может, склонить/убедить того, в ком она заключена. «Выпусти из головы птицу...»

«Пара закрытых глаз да сомкнутый рот» открываются, разомкнутся? Так и уйдут в землю?

Согласно энциклопедиям знаков и символов (например, <http://www.symbolarium.ru>), перья являются широко распространенной эмблемой возносящейся молитвы. Символизируют веру, ожидание. В многомерном пространстве диптиха Наталии – мучительное и естественное стремление к свободе. Свободе самовыражения, когда выпущенная из головы птица взмывает в небо, летит над быстрой рекой времени.

В первой строке могло бы быть «слушаю песню перьев...». Наталия действует как эпический поэт: повелительным наклонением («слушайте!») вовлекает слушателей и удерживает их на уровне эпоса – ее лирического эпоса. Приобщает к архаическому сказанию, где есть скорее волшебство, чем мораль. Образ «песни перьев» был навеян сказками и рассказами о североамериканских индейцах (Наталия с братом в детстве любили эту тему). Совмещение привлекшей ее истории и авторского плана органично – они слились. Ее птица/песня летит/звучит.

Не знаю, что происходило на ЛИТО, но могу представить, насколько поэзия Наталии в ее исполнении завораживала. Думаю, слушателей влекло и вот это ее освобождение себя и других от одномерных, однозначных способов видения и чувствования. Елена Титова в ответ на мои размышления подвела итог:

«Разомкнутость времени сочетается с мощной свободой самоопределения через чувство полета и некой писемной миссии, которой не дано избежать» (из переписки).

Наталия Боева открывает возможности, и здесь мне кажетсяозвучным памятное «If the doors of perception were cleansed, every thing would appear to man as it is: infinite» (Если бы двери восприятия были чисты, все предстало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным). Говорить ли в связи с этой цитатой о влиянии Уильяма Блейка? Джима Моррисона? Поэтический космос Наталии многомерен. У нее – глубокодонная поэзия. Остается желать ощущения свободы и полета птицы.

Стилистическое обаяние, ирония, ритмы неопубликованной Наталии Боевой чаруют.

АНА(ДЖО)КОНДА *считалочка*

Дорогая моя Монализочка,
улыбнись тонкой улыбочкой
сверкни молочными зубками,
и губы узкие – в ниточку –
ты что-то скрываешь милая

зачем ты нарисовала вертолет
в чертежах Леонардо?

Дорогая моя Монализочка
душа загадочная, пристальная,
поиграй со мной в прятки, в салочки.
но считалочек:

«на одном крыльце сидели:
Донателло, Боттичелли,
Рафаэль Санти, Браманте,
Микеланджело и Данте –
veni, vedi, вышел вон!»

10 ноября 2005

Мне многое слышится студенческим – вагантовским XXI века. (Может быть, потому, что встретились с Наталией в университете.) В качестве адресата следующего стиха я бы предположила будущего лингвиста Анну Крылову:

древний бог морфемики и словообразования,
приди, осени лохматую светлую голову,
даруй мне все твои знания,
видишь, я без тебя это слово не трогаю,
иди, подровняй ему окончание.
мне так страшно его обдирать до основы,
словно рыбью мякоть снимать с кости.
и не суффиксы -онок- и -енок-
это я стою тут смиренный как отрок,
безмолвный как инок
с каждым корнем прощаюсь: прости, мол, прощай,
прости.
я могу здесь и годостоять, лишь приставки меняя,
но мне говорят: «приступай!»
и вот преступаю я...

*добрый бог морфемики и словообразования,
я прошу осени меня знанием,
ведь острее скальпеля страницы у словаря.*

**маленькая филологическая молитва для Аньки. повторять три раза в день перед едой)*

И при озорном школьстве, и при трансляции были Наталия Боева руководима аналитическим широким философским умом. Я бы не удивилась, если бы узнала, что в юности она для себя (или для выступления на ЛИТО) написала, скажем, собственную статью «Что такое классик?», или «Традиция и творческая индивидуальность», или «Назначение критики».

Если говорить о характере ее языкового эксперимента, мне более всего вспоминается Эдвард Эстлин Каммингс (1894–1962) – e.e.cummings. (Наталия подтвердила важность его открытия для себя – см. интервью.) Я говорю не о подражании – о собственных экспериментах:

*давайте, перейдем на ты-
сячи песчинок в отсчете
време-н-и-мени, ни отчества-
ши шаги растворяются в одиночестве-
ка. давайте, перейдем на ты-
сячи белых клеток вперед
и станем ближе-
лезом условности выжжем:
я – это вы же,
у которого нет н-и-ме-ни-фамили-и-
ли вы-выше,
светлее, чище?
придет срок-рок поэта
давайте, к концу света,
перейдем на ты...*

То есть, думая о поэтической традиции Наталии Боевой, помимо важности для нее имажинизма, я бы отметила англоязычную поэтическую традицию – начиная с архаики (легенды североамериканских индейцев) до современности, включая имажистов, Т.С. Элиота. Неудивительно встретить в эпиграфе, скажем, Энн Секстон: «Ты vez меня в телеге мимо деревень и полей, И я им вслед помахала голой рукой своей. И последнее, что я ясно помню, – о ты, кто остался в живых, – Как тобой зажженное пламя бьется у ног моих И как хрустят мои ребра под ободом твоих колес. Женщины этой породы умеют умирать без слез. Я из этого рода» (перевод Ирины Ковалевой).

И позволю себе еще один комментарий. Я обратила внимание на то, что все поэты, с кем мы готовили интервью (Ната Сучкова, Андрей Таюшев, Ольга Кузнецова, Мария Суворова), не считают нужным показывать ранние стихи, считая их несовершенными. Для меня идеальным является подход Уолта Уитмена (1819–1892). Выпустив первое издание «Листьев травы» в 1855 году, далее он изменял следующие издания вплоть до девятого – «со смертного одра». Первоначальная тоненькая книжечка превратилась в большой том. Каждое издание Уитмен рассматривал как отдельную книгу: добавлял новые стихотворения, давал названия старым или переименовывал их, какое-то время перегруппировывал стихи. Корректировал строки, менял пунктуацию, разрабатывал оформление. В результате каждое издание становилось уникальным.

У Наталии Боевой могло быть достудийное издание, потом студийное. В «Томе писателей» вышло, по существу, третье, но ставшее первым. При подготовке книги ради единства концепции, целостности общей тональности Наталия подчас жертвовала размахом и масштабом поэтических образов – в результате возобладала тенденция к изысканной камерной лиричности. Зная иной звук, иные ритмы раннего, я бы советовала при подготовке следующих изданий вернуться к нему.

Литература

1. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [Б. м.] : Издательские решения, 2015. – 58 с.
2. Мелехина, Н. Весь в себе / Наталья Мелехина. – Премьер. – 2016. – 23 февраля (№ 7(955)). – URL: <https://premier.region35.ru/node/11381> (дата обращения: 15.05.2020). – Текст : электронный.
3. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Литература. – 2016. – 19 апреля (№ 74). – URL: <http://literatura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-drugie-vzroslye.html> (дата обращения: 15.05.2020). – Текст : электронный.
4. Петрановская, Л. Травмы поколений / Людмила Петрановская. – Текст : электронный // Путь к себе. Форум. – URL: <http://www.put-k-sebe.org/forum/42-1285-1>. – Дата публикации: 22 июня 2014.
5. Писарчик, Н. Знак улитки / Нина Писарчик, Наталия Боева. – Текст : электронный // Прозу.ру. – URL: <https://www.proza.ru/2016/02/29/65> (дата обращения: 15.05.2020).
6. Faustov, S. Гуманитарные эксперименты / Сергей Faustov. – [Б. м.] : Издательские решения, 2016. – 88 с.
7. Элиот, Т. С. Размышления о верлибре / Т. С. Элиот // Элиот Т. С. Избранное. Т. I-II. Религия, культура, литература / пер. с англ. под ред. А. Н. Дорошевича. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 433–440.

L.V. Yegorova

ON NATALIA BOEVA

Review of the works by Natalia Boeva, a poet from Vologda, publications about her, and materials from the archives of Natalia Boeva, Galina Shchekina, Sergey Faustov.

Natalia Boeva, Vologda, contemporary poetry.

Н.С. Боева
Вологда
Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

НАТАЛИЯ БОЕВА: «СТАТЬ ПЕРЕВОДЧИКОМ»

Разговор Наталии Боевой с редактором «Вестника ВоГУ» Людмилой Егоровой о поэзии и поэтической традиции, проблеме восприятия, биографических моментах и книге «Знак улитки».

Наталия Боева, современная поэзия, Вологда.

Л. Е. Мне кажется, в последнее время Вы несколько отошли от литературного процесса?

Н. Б. Так оказалось, что руководство музеем требует от меня предела моего эмоционального ресурса.

Л. Е. Догадываюсь, насколько это энергозатратно – быть заведующим обособленным подразделением «Музей кружева». Все же стихи берут свое?

Н. Б. Стихи и работа если и связаны между собой, то лишь косвенно. Для меня это разные стороны жизни, разные ее части. Но людям нравится все «смешать и взбалтывать». К тому моменту, как вышла книжка «Знак улитки», я уже лет пять работала в музее и, кажется, мне уже тогда предложили занять место заведующего Музеем кружева.

Знаете, что странно? В вологодской прессе знакомые журналисты зачем-то написали: «Музей кружева возглавит поэтесса». Звучало до обидного нелепо: то ли я настолько хорошо там стихи прочла, что мне доверили руководить музеем, то ли стихи мои все до единого о кружеве, то ли вообще уже кандидатов не осталось, так пускай хоть поэтесса поруководит. И за пять лет работы в музее я много чего делала: участвовала в процессе подготовки Музея кружева к открытию, работала с материалами выставок и вместе с коллегами вывозила их всюду от Кичменгского Городка до стран Европы. И ни разу не читала на работе стихи. Потому что поэтические мои достижения и рабочие задачи никак не связаны между собой.

Л. Е. Вы столь эффектны, что привлекает внимание и без упоминаний о поэзии, но журналистам, наверное, такая формулировка представляется неотразимее.

Н. Б. Работа – это удобная отговорка, уважительная причина, чтобы не писать. На самом деле, это только часть правды. Работы много, да. В последние четыре года она отнимает очень много времени, но помимо этого есть нежелание говорить. Потерялся где-то смысл написания стихов для публичного прочтения. В последние годы у меня от любого скопления людей реального или виртуального возникает стойкое ощущение шума. Там все говорят. Одновременно, с равной громкостью и каждый о своем. Но никто никого не слушает. Герой Макса Фриша в «Homo faber» это выразил очень хорошо: «И вообще зачем мы разговариваем друг с другом, – кричал я, –

зачем, хотел бы я знать (я сам слышал, как кричал), и зачем мы все собирались вместе, если можно умереть и никто из вас этого не заметит?..»

Меня волнует вопрос «зачем?» и волнует проблема проговаривания и восприятия в целом. Например, я говорю «собака бежит», и один человек слышит: «такса бежит за мячиком», а второй – «волкодав бежит на меня». А я остаюсь в ужасе от последствий сказанного: я всего этого не имела в виду, я всего лишь сказала «собака» – просто собака, абстрактная собака, собака в целом – и она просто быстро движется. Это оказывается на лирическом герое, он замыкается и в итоге «отрекается от языка»:

*и она понимает: в жизни много всякой простой и сложной фигни,
все люди разные, у каждого свой язык,
поэтому ни один не может другого понять,
нужно выдумывать главное слово
и о нем молчать.*

(стихотворение «Стать переводчиком», 2015)

Или так:

*о хорошем
и о плохом
рассказать бы кому,
но нет звуков таких для неё
в языках человечьем,
зверином
и птичьем.
она ходит вокруг да около
и высматривает тайком
понимающего безмолвные речи.
забываясь, с людьми иногда говорит
языками звериным и птичьим:
о какой-то неведомой боли мычит
и о чём-то так звонко щебечет.
но о чём её сердце цветёт,
этот алеинский пустоцвет?
...о хорошем и о плохом
нужных звуков на свете нет.
замолчи.*

(2016)

Л. Е. Не хотелось бы «замолчания». А других Вы читаете?

Н. Б. Других читаю, но все реже. Раньше я была готова читать все: хорошие стихи, не очень хорошие стихи. Потом поняла, что перестала дочитывать стих до конца, если он не тронул меня. Потом заметила, что редко какой стих во мне отзыается так, что потом долго-долго звучит внутри. От этого стало грустно. Вряд ли дело в стихах. Скорее, поменялась я сама и мое восприятие поэтического текста. Пересталаходить на фестивали, из-за страха, что вызовут почитать. Такое пару раз происходило: я приходила послушать, а меня вызывали «к доске». Как в школе, когда ты не выучил, но нужно идти и позориться перед всем классом.

Л. Е. Понимаю. Как понимаю и то, что «позор» для Вас – недостижимое для других.

Простите, задам личный вопрос. Где-то видела, что «Плюсовая поэзия» помогла встретиться с будущим мужем. Расскажите. И замужество как-то соотносится с писанием – не писанием?

Н. Б. Замужество опять же очень косвенно связано с литературой. История знакомства – это очень милая история, правда.

Это как раз был тот год, когда на фестиваль приехал Алексей Алехин и когда в «Томе писателей» вышла моя книжка.

«Плюсовая поэзия» 2015

Я пришла в зал бывшей картинной галереи (нынешний Воскресенский собор) впритык к самому началу и очень старалась быть как можно незаметнее: нервничала из-за книжки и поэтому не хотела ни с кем разговаривать. Но Виктора я сразу заметила. Он пришел почти одновременно со мной и выгодно выделялся на общем фоне тем, что имел вид абсолютно нормального человека. Поясню, что именно имею в виду под «абсолютно нормальным». Обычно мужчины в поэтической тусовке имеют вид либо «юноши бледного со взором горящим», либо, наоборот, – неформальный: слегка потрепанный, усталый и подпитой. Так вот Виктор выглядел абсолютно нормальным «нездешним» человеком, как будто он шел, скажем, на встречу с друзьями, но внезапно очутился в зале и напряженно слушает теперь Алехина, сам немного

удивляясь, как же так получилось. Взглянув на него, я подумала: «А он-то как сюда попал?»

Как позже выяснилось, я имела вид человека не вполне обычного. В том смысле, вероятно, что в тот год у меня отрастал дивный «ежик» после стрижки «полубокс» на 6 миллиметров. К этому прилагалось нежное белое платьице. Муж позже сказал, вспоминая этот день: «Я вообще не знал, что такие *<девушки>* бывают».

После выступления Алехина я сбежала очень быстро. Будущий муж меня тогда так и не поймал, чтобы познакомиться. Потом приходил на разные мероприятия фестиваля в надежде еще раз меня увидеть. А я как раз на эти мероприятия не приходила. В общем, где-то через пару дней ситуацию спасла фотография в группе фестиваля, где меня запечатлили за чтением стихов на презентации своей книжки.

А больше замужество мое с литературой никак не связано. Поженились мы года через два. И почему-то многие знакомые сильно изумились самому факту моего замужества, хотя и не смогли внятно объяснить, что именно их так потрясло. Наверное, в их представлении я должна была создать какую-то «поэтическую» ячейку общества. Но мне как раз кажется, что все правильно. Он умеет то, чего я не могу. Мне очень нравится умение мужа воплощать, то есть придавать вполне конкретную физическую форму замыслам. Например, я могу выдумать красивый торт, а он может его приготовить. Он делает мебель своими руками: мы вместе придумываем шкаф, который должен быть и книжным шкафом, и домом для котов, а потом он что-то делает (для меня совершенно волшебное: какие-то замеры, доски, стружка, пилы), и вот уже у котов есть трехэтажный дворец, на крыше которого стоят книги. Вот это – классно, а стихи… их я и сама могу написать.

я росла на улице космонавта беляева
такая и выросла, мама, –
катастрофическая, как взрыв сверхновой.
так мне и кажется иногда, мама:
я подвешена в бесконечности,
а вокруг – ничего живого:
космос, звёзды и чёрные дыры

безопасней было бы на улице трактористов, колхозной
или на мира, тоже неплохо:
поступила бы в училище,
получила профессию,
зажила по-людски

ещё лучše на улице детской –
я прошу тебя, может ещё не поздно,
давай переедем.

Л. Е. Поздно. Космос – Ваше.

Вы знаете, мне всегда хочется узнать о детстве.

Н. Б. Воспоминаний о детстве очень много, и они все для меня важные: все эти люди, лица, события. Я, например, побоялась бы тронуть тему походов на кладбище с бабушкой. Хотя она очень глубинная: там смерть воспринималась как горькая, но часть жизни. На кладбище ходили, по сути, как в гости. Я сейчас начинаю это осмысливать «по-взрослому», а тогда это

было ритуалом – странным, но – чувствовалось – очень важным. Причем, ритуал этот существовал только в Лисках.

Л. Е. Лиски?

Н. Б. Городок в Воронежской области. Мои родители родом оттуда, из Центрального Черноземья, и фактически в нашей семье я первая, кто родился в Вологде. Ритуал относился к тому «вечнолетнему» миру. Меня приводили в гости к мертвым, их со мной знакомили: «Здравствуй, Тима! – говорила бабушка деду, которого я не застала. – Вот я к тебе пришла, со мной внучка твоя, Наташа». Меня обозначали как часть рода – я оказывалась под их вечным присмотром и покровительством. Мертвые были с нами всегда незримо: предостерегали, оберегали, сердились. Как живые, но незримые. Это большая и сложная тема, она сейчас уходит из современной культуры, ее принято избегать, замалчивать. Но, как поет «Сплин», «За чай, который был приправлен медом, За песню, что кружит нас хороводом, Я благодарен всем: живым и мертвым». Вот и для меня детство – это такой клубок: мне надо много времени, чтоб его распутать.

Л. Е. Счастливое?

Н. Б. Детство вспоминается как один из самых счастливых, наполненных периодов в жизни. В семье я была младшим, любимым ребенком. Такая правильная картинка счастливого детства: мама, папа, старший брат, бабушки и дед. Особенно много времени я проводила с бабушкой Леной, маминой мамой. Когда я только родилась, бабушка оставила дом и приехала в Вологду, чтобы помочь маме. С тех пор и до самой бабушкиной смерти в 2000 году мы с ней не расставались дольше, чем на месяц. Лето у бабушки в городке Лиски – самые солнечные, самые яркие и абсолютно мифологизированные воспоминания. Это был целый мир, совершенно непохожий на жизнь в Вологде. В моей памяти Лиски – город вечного лета, я ни разу не видела его зимой. Только солнце, летние грозы, походы на озеро Богатое и поездки на Дон, а потом докрасна сгоревшая кожа, а еще блестящие рельсы и поезда прямо за домом, плавящийся от жары асфальт...

Л. Е. А бабушка?

Н. Б. Бабушка и ее таинственный мир – с песнями, присказками, рассказами о войне, колдунами, живущими среди нас: «Баба Ганна – ведьма, это она нам ножницы в забор воткнула». Бабушкины соседки с певучими именами (Лукиша, Паша, Груша, Параня, Ниора) и смешными подворьями (Рыжманка, Комариха, Гусиха, Карасиха). Люди, говорившие на суржике – смеси русского и украинского языков. Оттуда, из этого мира, я росла корнями, как деревце.

как бы я ни провела лето,
в сочинениях всегда писала
целый список
неживых, но спасительных фраз:
«ездить в деревню», «купаться в реке»,
«ходить в лес, собирать грибы и ягоды»,
но не было леса,
а только блестящие рельсы,
и мы были дети,
мы собирали мазут, обрывали мятылик,
растирали в ладонях болиголов и полынь,

руки пахли травой,
каждый был себе сам и лесом, и речкой и солнцем,
но мы были слишком малы,
и не было слов,
чтоб объяснить непонятливой нашей училке,
как ослепительно,
остро – ну, словно, осокой порезался,
так оно брызгалось, теплое лето внутри
...

Дома считалось, что я «папин хвостик», – папа очень много возился со мной: водил в театр, в музей, в библиотеку, учил читать, ходил со мной на курсы английского перед школой. Зимой мы ходили гулять на Шограш, туда, где (на месте нынешнего спортивно-концертного комплекса) во времена моего дошкольного детства была еще деревушка. Любимым занятием было «мерить сугробы»: высота сугроба замерялась длинной палкой, а особенно высокие сугробы замерялись папой (он высокого роста). Под конец прогулки папа по моему заказу рисовал на снегу картины: смешных человечков, зверюшек, птиц. Он написал об этом очень трогательное стихотворение, которое до сих пор помню наизусть:

На снегу я рисую картинки –
Дом, машина, плывет пароход.
Здесь и зайка бежит по тропинке,
И веселый цветов хоровод.

Снеговик появился курносый,
Человечек в полоску – матрос!
Ты без устали сыплемь вопросы:
Где Снегурка? А где Дед Мороз?

Разрисуем волшебною вицей
Белоснежных ковров полотно!
Дед Мороз опушил нам ресницы,
Разбросав серебра волокно.

Светят счастьем глаза у девчонки,
Звонкий смех, беззаботный народ...
Над сугробом летит собачонка
И веселый цветов хоровод.

Весной, когда Шограш разливался, мы мастерили кораблики из веток и щепок, найденных на берегу, и папа рассказывал об устройстве мира: о том, что ручей впадает в реку, река – в море, а все моря связаны с мировым океаном. То есть у корабликов наших выстраивалась перспектива: непременно доплыть до океана.

Именно папа научил меня любить и чувствовать поэзию. Он и сам писал и пишет стихи, и когда года в четыре я научилась рифмовать слова, он очень серьезно записывал мои «стихи» в отдельную записную книжку: хвалил меня, если все было правильно. А если стишок был совсем уж из разряда «пакля-рвакля», он объяснял, что именно не так.

а когда тебе шесть, ты не думаешь, что тебя ждет,
у тебя все есть,
у тебя здесь бабушка, яблоки, дом... самолет
пролетает над домом, оставляя облачный след,
длинный-предлинный, как линия жизни,
исчезающий постепенно.

*запрокинув голову, ты стоишь. день бесконечный – идёт.
скоро папа приедет, он красивый и молодой,
он знает все чудеса мира, всех диковинных птиц и
зверей,
вот, скажет, есть, например, птица солнца, золотая
иволга,
но она прилетает лишь к тем, кто любим,
и поет только им свои песни...*

Когда мама прочитала этот текст, она немного расстроенно сказала: «И бабушка у тебя здесь, и папа, как будто мамы нет». Но мама всегда была и есть. Мама маленькая, быстрая и хлопотливая, переживающая. Она всегда много работала. Они у меня оба инженеры пищевого производства: и мама, и папа. Маме досталась, по сути, мужская профессия: сначала инженер-механик, потом главный механик, потом и вовсе заместитель генерального директора по техническим вопросам. Сейчас понимаю, что я выросла во многом на нее похожей, особенно в вопросах работы и бытовых моментах. То есть очень ответственной в том, что касается работы, и здоровым пофигизмом в вопросах быта. Сейчас, в зрелом возрасте, сравнивая уклад своей семьи с семьями родных и друзей, удивляюсь и с уважением отношусь к здравой маминой установке: работа по дому делилась на всех. Никакого фанатизма в домашних делах: чем драить пол до зеркального блеска, лучше проводить время вместе с семьей. И, в конце концов, если ты тот самый человек, которого сильно беспокоит пыль на комоде, то возьми тряпку и вытри пыль молча.

Читать я научилась быстро, еще до школы. В детстве мама часто просила меня: «Почитай мне книжку, пока я буду готовить ужин, чтобы мне было нескучно». Маленькая хитрость, но такая важная для меня – я читала старательно, выразительно, чтобы маме было интересно. Когда стала немного постарше, начала выбирать книжки с теми сказками, которые мама не читала в детстве: ведь ей неинтересно слушать историю, если она знает, чем все закончится. Эта привычка сохранилась надолго – в старших классах, когда мы уже вместе с мамой возились на кухне, я читала ей наизусть стихи, которые мне нравились. Мама всегда слушает внимательно и реагирует очень живо.

И еще брат. У ребенка, наверное, должен быть свой герой, на которого хочется стать похожим. Так вот у меня им был старший брат. Миша старше меня на 10 лет. Он в детстве казался мне самым веселым, умным, смелым, сильным – в общем, с полным набором необходимых героических качеств. С Мишой можно было играть в самые интересные игры: большая комната на полдня превращалась в прерию, где с одной стороны в деревянном «форте», сложенном из деревянных палочек от эскимо, расположились бледнолицые захватчики, а с другой – в своих типи – индейское племя. Маме всегда – неизбежно – надо было зачем-либо пересечь комнату: достать белье из шкафа, полить цветы. И также неизбежно она задевала и переворачивала фигурки ковбоев и индейцев, маленькое каноэ и даже иногда форту. Она смеялась, говорила: «Это торнадо». Тогда стороны на время заключали мир: чинили лодки, лечили пострадавших – до нового торнадо.

С Мишой было весело: «А давай возьмем твоих хомяков и выведем на прогулку во двор, им же интересно!» – и через полчаса хомяки шуршат в осенних листвах, а мы наблюдаем за их передвижениями с деревянной горки.

Мне нравилось смотреть, как Миша делает уроки: непонятные слова «география», «химия». Он учил немецкий – меня заинтересовали странные слова, которые значили то же, что и русские, а звучали по-другому.

Наверное, тогда у родителей, заметивших, что я повторяю немецкие слова за братом, появилась идея отдать меня в ДК на кружок английского (так получилось случайно, просто для дошкольников был только английский). Мне нравилось, слова запоминались легко. Меня только, помню, ужасно волновало, было непонятно и хотелось послушать «изнутри чужой головы» – вот как англичане думают на английском, не вспоминают перевод, а прямо так сразу по-английски думают?!

Л. Е. А как Вы пишете?

Н. Б. Я тот автор, который не анализирует свои тексты, не редактирует их. Я просто говорю о том, о чем мне хочется сказать. Если текст получается плохим – я никогда к нему не возвращаюсь. Меня за это, помню, ругала Галина Александровна Щекина: за то, что я не редактирую текст после того, как он написан.

Но я редактирую текст уже когда пишу: я подбираю слова, я переставляю строки, находясь «в потоке», в процессе написания. Если текст записан, то, значит, «поток» уже ушел, все сказано и, более того, все сказанное записано. Пытаться теперь переделать – все равно, что махать кулаками после драки, – беспомысленно. Можно только перечитать и решить: оставить или выкинуть.

Л. Е. Расскажите о Галине Александровне.

Н. Б. Знакомство с ней стало важной вехой. Это произошло, кажется, в 2007 году. Университет я тогда уже окончила и какое-то время работала в «Северной Фиваиде», в приемной. Стихи писала пачками, некуда было деться от этих стихов. Периодически я что-то выкладывала в своем Живом Журнале или – реже – на Стихи.ру. Я знала стихи Наты Сучковой и Антона Черного, Даниила Файзова. Была знакома лично, и то благодаря ЖЖ, лишь с прекрасной Женей Малиновской. В теории я знала и кто такая Галина Щекина, правда, лично ее никогда не встречала.

Но так сложилось, что Галина Александровна как раз работала в «Северной Фиваиде» в то же время, что и я. И вот однажды в приемную, где сидела я, зашла женщина с кучей документов, которые необходимо было отскерокопировать и подшить в личное дело. Сказала: «Я Щекина», и, как у Блока, «сейчас же стало казаться, что в моей большой комнате слишком мало места», началось движение, мы принялись копировать документы, ксерокс заглох, Галина Александровна, всплеснув руками, сообщила, что вечно рядом с ней ломается вся техника. А потом в какой-то момент она вдруг спросила меня: «А правда, что Вы человек пишущий?» Оказывается, ей кто-то сказал, возможно, коллеги. Ксерокс снова умер, и, пока его воскрешали, Галина Александровна убедила меня принести свои стихи на Лито, которое тогда собира-

лось все в той же «Фиваиде». А когда меня обсуждали, Галина Александровна сразу же сообщила, что я «уже сложившийся автор». Потом я то ходила на Лито, то не ходила на Лито, не всегда мы с Галиной Александровной совпадали во мнениях, спорили и дажессорились, но точно могу сказать: с Галины Александровны началось и закрутилось мое существование в литературном мире Вологды.

Наши с ней взаимоотношения складывались всегда как-то странно и неровно, но для меня Галина Александровна – человек большого сердца. Меня восхищает ее искренний интерес к каждому автору, желание его раскрыть, вытащить на свет Божий, даже если автор пишет и сопротивляется (а чаще всего он именно так и делает). Я, честно, считаю, что это особый героизм, на который не многие способны. Мне даже сложно описать, до какой степени меня это восхищает: такая сила эмоций, способность каждого пропустить через себя, удивляться, расстраиваться, ругать, прощать, восторгаться. Мне, например, не хватило бы жизненных сил. А Щекиной – хватает.

Л. Е. Спасибо. Вы читали мое вступление. Мож но, я поинтересуюсь Вашим ощущением, почему Вы оказались Галине Щекиной японской поэтессой?

Н. Б. На самом деле, это скорее забавный момент, который отражает некое субъективное представление о «японском» в нашей культуре. Современной молодежи это свойственно в меньшей степени, а вот старшему поколению – несомненно. О японцах мало кто знает что-то наверняка, мало кто вникает в тонкости сложной японской культуры. То, что определенно каждый знает про японцев: они какие-то «другие» или еще «странные», «сложные». Я думаю, в этом причина такого внезапного образа от Галины Александровны. Я несколько раз еще слышала в свой адрес по поводу внешности «ты похожа на японку», – это когда я ходила с черными волосами и геометрической стрижкой «каре». Скорее всего, напоминала куклу «кокеши», а может, какой-то персонаж из аниме. И «ты похожа на Хакамаду», когда ходила с короткой стрижкой «перьями». Забавное совпадение, но мой старший брат очень увлечен японской культурой, особенно философией айкидо. Я, конечно, в свое время «подхватилась» от него. Но в моей поэзии нет ничего японского, это совершенно точно.

Л. Е. А по поводу смущения Галины, что стихи свободной формы?

Н. Б. Никогда не смущала меня форма моих стихов. Я вообще думаю, что форма вторична: ее назначение как можно лучше и точнее передавать содержание. Мой переход к этой форме стиха не был осознанным, задуманным. Просто чувствовала, что было точнее и правильнее строить текст именно таким образом, отталкиваясь от собственного внутреннего ритма высказывания. Проблема не в том, что рифмовать сложно или держать заданный ритм сложно, просто, по-моему, это неизбежно, чтобы получился хороший поэтический текст. Суть поэзии вряд ли в рифме, можно изучить все виды рифм, можно укладывать строчки дактилями и амфибрахиями, но получить очень плохой стих в итоге. И это при всем соблюдении внешней формы. Я знаю эти споры вокруг верлибра. Воспринимаю их как «много шума из ниче-

го». Мне все равно, как что-либо сделано, если это сделано хорошо. Это, кстати, касается не только поэзии, но и работы, и быта. Неважно, как и где ты будешь выполнять рабочую задачу: днем или ночью, сидя на потолке или лежа на полу, бегая по кругу или сидя в позе лотоса, главное, чтобы в итоге работа была сделана и сделана хорошо.

Л. Е. Галине Александровне запала в душу запись голосов. Расскажите.

Н. Б. Да, было такое дивное событие. Так все сложилось удачно. Звукооператора зовут Дмитрий Водополов (в рок-тусовке его знают как Диму Мегавольта), мы по сей день остаемся добрыми друзьями. Не знаю, как правильно объяснить, но этого удивительного в своем роде человека занимает звук, звучание само по себе. Я не раз замечала: для меня важно слово – под инструментальную музыку я чаще всего умираю от скуки, а он, наоборот, – мог часами клеить разные звуковые дорожки, сводить треки, сравнивать, переслушивать, советоваться, снова слушать, переделывать. И студия самопальная на Лынокомбинате была – он там записывал разные вологодские рок-группы. Меня опять же удивляло: все эти мальчики и девочки, отчаянно желающие творить, абсолютно были чужды поэзии, хотя и составляли какие-то тексты для своих песен (в основной массе дурацкие, дурацкие тексты). Я внутренне всегда недоумевала: почему так далеки друг от друга эти, казалось бы, родственные тусовки – музыкантов и поэтов.

И вот, когда на одном из съездов студии была озвучена смелая мечта – записать студийцев, я ее с радостью подхватила. Это была какая-никакая, но возможность соединить разные миры – звук и слово. Дмитрий записывал и сводил, а я подбирала мелодии, идущие фоном, говорила что-то «по ощущениям»: здесь надо тише, на этих словах – громче и так далее.

Мы потом еще как-то записывали «взрослых»: Нату Сучкову, Марию Маркову и других. Вроде, была мысль у Елены Волковой повторить диск «Утренних стихов», не знаю, получилось в итоге или нет. Но записи долго хранились у меня на старом компьютере.

Л. Е. Я тоже люблю слушать голос. А почему выходу книги сопротивлялись?

Н. Б. Мы совсем не совпали с Галиной Александровной во мнениях по поводу книги. Во-первых, я не хотела, чтобы книга выглядела как неразобранный кучей стихов, а без серьезной редакторской работы все именно так и выглядело. На мой взгляд, нужно было либо выкинуть «лишнее», либо структурировать книгу так, чтобы все тексты работали на общую идею. Но сама я не могла тогда с этим справиться: я была слишком еще привязана к этим текстам, к каждому по-своему, но мне все они тогда были дороги. Галина Александровна говорила, что все тексты прекрасны и надо печатать все, что есть.

Я немного раздражалась. Не бывает абсолютно все прекрасно: есть тексты более слабые, есть тексты, которые выбиваются. Мне хотелось какого-то серьезного критического подхода к отбору материала.

Не совпали и в видении обложки. Мне не нужны были улитки. Ничего не имею против улиток, но «знак улитки» – это все-таки другое. Мне виделось

что-то простое и, может быть, неуклюжее. Я описывала это словом «загогулина». У меня были рисунки моей подруги Марии Егоровой, но Галине Александровне не нравилось то, что сделала Маша. И я решила ничего не делать. Ведь в конечном счете никому, кроме автора (ну, и еще пары-тройки человек), эта книга не нужна. А если автор недоволен процессом и результатом, то к чему вообще что-то затевать?

Л. Е. Читателей у Вас, конечно, больше, и я слышу и Вас, и Галину Александровну. Итак, с обложкой к «Знаку улитки» [1] пришлось нелегко. Были, условно говоря, «прямые», «детские» улитки Галины Щекиной, графика Марии Егоровой (мы в журнале потеряли цвета (черный – серый – фиолетовый), но дадим). Как пришли к финальной обложке?

Н. Б. Насколько мне помнится, выбор обложки был одним из трудных моментов работы над книгой. Хотя, наверное, вся книга была сплошным трудным моментом, но обложка – особенно.

К моменту выхода моей книжки у антологии уже был сложившийся дизайн, который мне невероятно нравился. Но, насколько я помню, для всех обложек были использованы фотографии самой Наты. И так получилось, что подходящей фотографии для «знака улитки» не было. Я теперь уже плохо помню, вероятно, были фотографии улиток, и, возможно, даже нашлись бы фотографии раковин. Но нужен был только знак. Был, кажется, вариант изменить название книги, но я отказывалась.

И Алексей Кириловский просто спас ситуацию. Я написала Леше, попросила помочь, объяснила, что бы мне хотелось видеть на фото. Он подумал-подумал и сделал пару прекрасных кадров, из которых мы в итоге и выбрали обложку*.

Л. Е. А название?

Н. Б. Название очень близко к миоощущению лирического героя. Это сложный образ, за которым многое скрывается.

В нашей жизни много знаков, мы встречаем их ежедневно, часто не замечая, не обращая внимания. Есть дорожные знаки, регулирующие движение, логотипы – значки разных фирм, тотемные знаки, символы, амулеты, наделяющие своего обладателя особыми качествами. И вот среди этого множества знаков есть знак улитки, выражющий стремление существовать внутри, в себе, закрываться в раковине от враждебного внешнего мира, «прятаться и скрываться». Наблюдать в первую очередь за собой, а потом уже из безопасного укрытия за другими.

Для меня улитка – слияние двух противоположных начал в одном существе: живое создание в твердом и мертвом панцире, слабое существо, построившее для себя самую прочную крепость, мужское и женское начала. Улитка – слияние противоречий, как, впрочем, и лирический герой.

И да, графически знак улитки – это форма ее раковины, спираль. Спираль раковины напоминает и бесконечность, и саму жизнь с ее временными отрезками.

* Я посмотрела историю нашей с ним переписки и поняла, что он нашел художественное решение буквально за 10 минут.

Или совсем просто – есть астрологические зодиакальные знаки, которые, как считается, определяют черты характера людей. Рождаются люди под знаками Льва, Рыб, Водолея. А этот герой – под знаком улитки. Такой и вырос. Как в стихотворении Ирины Шостаковской: «...улиточкой стану и буду улиточкой жить...»

А уже, исходя из названия, появились три раздела этой книги: «Внутри», «Снаружи» и «Движение», для каждого из них я старалась отобрать стихи, отражающие различные способы взаимодействия с миром и собой.

Л. Е. Ната участвовала в составлении?

Н. Б. Ната была для меня прекрасным редактором: она влияла на книгу минимально, и если вносила изменения, то только те, что шли на пользу книге. Она даже не очень торопила меня с подбором материала. Кажется, не выкинула ни одного стиха из той подборки, что я в итоге выслала. Я долго думала, как Кай с заколдованными льдинками, сидела со своими стихами. Самым простым было разделить на «внутри», «снаружи» и «движение». Дальше – сложнее: материала накопилось много, но книга не должна была стать перегруженной, но также она не должна быть слишком короткой.

Кроме того, внутри разделов мне также хотелось выстроить тексты так, чтобы перед читателем через отдельные стихи раскрывалась история лирического героя. Эта концепция не нашла возражений у редактора.

Отдельным пунктом шла работа корректора: необходимо было прийти к общему знаменателю по поводу знаков препинания в моих текстах. Ната предложила идеальный вариант, который и мне очень импонировал: там, где пунктуация задумывалась автором и (частично) присутствует – там мы ее проверяем. Ну, а там, где ее совсем нет – там и не будет.

Ната отредактировала слегка некоторые тексты: я заметила, что кое-где «ушли» отдельные слова. Но это никак не влияло на смысл, а если редактор считает, что текст от этого выигрывает при прочтении, то почему бы и нет.

Я знаю, что Нате не очень нравилось название книги, но она совершенно не настаивала на том, чтобы его менять. Мне казалось, что со мной вообще очень осторожно работали – как с бомбой: если перезвать не тот провод, то разнесет все вокруг. Хотя, может, это обманчивое чувство из-за того, что я сама очень нервно относилась к появлению книжки: до последнего сомневалась в ее необходимости и, кажется, в любой момент была готова передумать. Возможно, нервическое состояние автора сказывалось на всех, кто работал над книгой. А возможно, только на авторе и книге (улыбается).

Л. Е. Я правильно понимаю, что многие стихи были написаны еще в университете? Пересмотрела Вашу страницу на Стихи.ру. Первые стихи выложены в 2004, последние – в 2009; условно – университетские годы. Рада, что довелось встретиться в университете. Виновата, что мне не нравилось, когда Вы просыпали первую пару. Думаю, ложись Вы позже и спи дольше, было бы еще прекраснее, но – запоздалое раскаяние.

Н. Б. На портале Стихи.ру есть старая страница, заброшенная создателем как раз где-то после окончания университета. Просто дальнейший смысл вести эту страничку потерялся где-то в районе 2009 года.

Знаете, есть в Интернете такая забавная черно-белая картинка. На ней двое мальчиков играют в шашки, и один из них объясняет правила: «...а если твоя шашка доберется до последнего ряда, то она перейдет в дамки». А второй отвечает: «Но что потом? Один из нас победит? Мимолетная радость в глубоком, темном море существования. Я воздержусь».

Меня она очень веселит, потому что я немножко тот самый второй мальчик.

И это, кстати, связано с тем, почему я «просыпала» первую пару. И вторую, иногда еще и третью, а иногда и целый учебный день. Я просто задумывалась о предстоящем дне и – где-то теряла смысл. Могла проснуться, собраться в университет и... не пойти.

*когда отучаешься говорить
стираются лица
мир движется за стеклом
от него шарахаешься испуганной рыбой*

Л. Е. Вспомнилась формулировка Андрея Пермякова относительно Вас/Вашей поэзии: «Отчетливо понятен собственный генезис, определены способы контакта с миром с использованием вариантов, наиболее безболезненных и для мира, и для себя» [2]. Вам понравилась концепция Андрея о «других взрослых»? Близки размышления о новой вологодской поэзии в лице Вас, Марии Суворовой, Лете Югай?

Н. Б. В рамках одной статьи трех столько разных авторов, несомненно, объединяет принадлежность к одному поколению. С Летой мы и вовсе одноклассницы. Маша, конечно, моложе, но, в принципе, поколение то же.

Что до инфантилизма, то Андрей определенно знает, о чем говорит. Я даже удивлена, с какой легкостью он опровергает инфантилизм моей поэтики. Я не в полной мере убеждена его словами, но мне сложно спорить с людьми, высказывающими свою точку зрения на мои стихи. Во-первых, я всегда благодарна: это ведь человек не поленился прочесть и понять. Во-вторых, мне это всегда интересно, и иногда это что-то новое объясняет мне самой. В-третьих, все мы по-разному воспринимаем суть вещей и явлений. Но, мне кажется, Пермяков, безусловно, прав, рассуждая именно на тему инфантильности и не. В моих текстах (и, пожалуй, во многих стихах Леты) определенно есть за что зацепиться и о чем поспорить именно в этом ключе. Стихи Марии в моем понимании, пожалуй, ближе всех к словосочетанию «другие взрослые», который использует Андрей Пермяков.

Л. Е. Давайте попробуем разобраться с Вашей поэтической традицией.

Н. Б. Никогда об этом не задумывалась. Я могу назвать вам поэтов, которые в разные периоды очень меня интересовали и волновали: наверное, они что-то дали мне в творческом плане.

1. Сергей Есенин – официально был назначен моим любимым поэтом в десятом классе. У нас класс был очень интересный, и любимого поэта надо было иметь – такой негласный «musthave». Все знали: у

Леты – Цветаева, у Алены – Пастернак, у Полины – Бродский, а у Наташи – Есенин.

Л. Е. Извините. Лету Югай я знаю. Алёна и Полина – это не всем, кроме меня, известные поэты?

Н. Б. Просто мои одноклассницы (улыбается). Одна окончила наш иняз и уехала в Нидерланды, а вторая – МГУ и теперь психолог. Известный поэт у нас только Лета (улыбается).

2. Анатолий Мариенгоф – чуть позднее и из-за того, что его имя очень часто упоминалось в биографии Есенина периода имажинизма. Имажинизм в исполнении Есенина меня очаровал: «Мне нравится степей твоих медь / и пропахшая солью почва, / где луна, как жёлтый медведь / в мокрой траве ворочается» или «голова моя машет ушами как крыльями птица, / ей на шее ноги оставаться уж больше невмочь». Хотелось посмотреть, каков он в исполнении Мариенгофа. Тем более что биографы Есенина в основном Мариенгофа ругали. Мариенгоф мне местами даже очень понравился: «Здравствуйте! Здравствуйте! У вас в прорубях / глаз золотые рыбки, / а у меня, видите ли, сердца скворешник пуст»; «выньте безумия каучуковые челюсти / со лба снимите ремни экваторов, – / я ведь имею честь / лечиться у знаменитого психиатра»; «тридцать три переедешь моря, / а в сердце: / пепел / и маленькая Москва».

Л. Е. Мариенгоф, не исключаю, ощутимее.

А Ваше отношение к абсурдизму?

Н. Б. Абсурд как идея мне нравится, это близко к правде жизни. Но в литературе... читала Беккета – слишком тошнотворно становилось, слишком безысходно. Ионеско лишь немногим лучше. Сорокин не пошел. Лучше всех, пожалуй, Хармс: мне нравится его мрачно-веселый абсурд, особенно анекдоты про писателей. Я бы даже претворяла это в жизнь, например, в конце рабочего дня торжественно бы спускалась с парадной лестницы и объявила: «Музей закрывается, нас всех тошнит». Останавливает то, что никто не поймет. Хармса читали не все, к тому же слишком многие относятся ко всему слишком всерьез.

Но вряд ли есть в моих текстах что-то хармсовское – это для меня недостижимый уровень. Да и тексты совсем о другом.

Л. Е. Извините, я перебила. Есенин, Мариенгоф.

Н. Б. 3. Каммингс. «Anyone lived in a pretty how town» – это прекрасно. Для меня с этого стихотворения открылся какой-то новый мир, по-моему.

4. Т.С. Элиот. «Бесплодную землю» я как-то даже переводить пыталась.

5. Сильвия Плат. «Под стеклянным колпаком» затронуло сильнее, чем стихи.

Л. Е. Любопытный порядок. А из современного?

Н. Б. Современных авторов, наверное, не стоит перечислять. Хотя, возможно, авторы, с которыми я общалась в ЖЖ на ранних этапах творчества, тоже косвенным образом влияли и на мои тексты. Мне, например, очень нравилась Мария Моргунова. Мария Гейде. Евгения Риц. Дмитрий Зернов. Дмитрий Воденников.

Л. Е. Вы много читали?

Н. Б. Я всегда читала очень много. Много и разного. Папа всегда мне говорил, что прежде чем о чем-то судить, нужно сформировать об этом собственное

мнение, чтобы не было «Я Пастернака не читал, но осуждаю». Вот я и старалась (улыбается).

Л. Е. Вы – творческий человек и вне поэзии. Вы являете себя с творческой стороны, скажем, в «Музее кружева». Этого недостаточно?

Н. Б. Считаю ли я себя поэтом? Сложно. Определенно считала, когда активно писала. Потом не считала – считала, что настоящие поэты намного круче. Потом поняла, что никто никого не круче. Пожалуй, скорее «да», чем «нет».

Л. Е. А как будет называться Ваша следующая книга?

Н. Б. У меня была мысль, что следующую книгу можно назвать «Стать переводчиком». Это бы очень отвечало внутреннему запросу.

Литература

1. Боева, Н. Знак улитки / Наталия Боева. – [Б. м.] : Издательские решения, 2015. – 58 с.
2. Пермяков, А. Другие взрослые. О книге Наталии Боевой и новой вологодской поэзии / Андрей Пермяков. – Текст : электронный // Литература. – 2016. – № 74. – URL: <http://literatura.org/criticism/1716-andrey-permyakov-drugie-vzroslye.html>. – Дата публикации: 19 апреля 2016.

N.S. Boeva, L.V. Yegorova

NATALIA BOEVA: «TO BECOME AN INTERPRETER»

The poet from Vologda Natalia Boeva in her interview with Lyudmila Yegorova, the editor of «Bulletin of Vologda State University», discusses her views on poetry and poetic tradition, the problem of perception, biographical moments, the book «The Sign of the Snail».

Natalia Boeva, Vologda, contemporary poetry.

A.B. Марков
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

«МОНАХ» ПУШКИНА В СТИХОТВОРЕНИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ «НА МОТИВ ИКОСА»

В лирической поэзии Б. Ахмадулиной Пушкин, пушкинская эпоха и пушкинское видение мира образуют особый эстетический комплекс, определяющий как жанрово-стилистические предпочтения, так и организацию первоначального высказывания. При этом недостаточно исследовано, как пушкинские аллюзии способствуют целесообразности высказывания и выработке новых форм лирической субъективности. В статье доказывается, что пушкинский сюжет может стать основой для определения границ риторического высказывания, власти слов и тем самым уточнить значение безмолвной медитации как основы лирического переживания нового типа. Сюжет поэмы Пушкина «Монах», в которой представлена не только риторика искушения, но и медитативное переживание искушения, оказывается ключом к стихотворению Ахмадулиной «На мотив икоса», в котором преодоление искушения показано не как овладение риторикой церковных песнопений, но как понимание границ этой риторики. Ахмадулина делает то же, что и Пушкин, усваивая жесткую систему риторического обобщения, способную соединить земное и небесное, но потом показывая, что она недостаточна для выстраивания лирического сюжета и необходим особый тип «перевода» между реалиями и смыслами.

Пушкин, Ахмадулина, акафист, переводоведение, лирический герой, экзегеза, аскетика, монашество в литературе.

Обожание Пушкина представителями шестидесятнической поэзии, прежде всего Б. Ахмадулиной и Б. Окуджавой, а также поэтами, формально к шестидесятникам не относящимися, как Д. Самойлов или Б. Чичибабин, – уникально, а не нормативно. Речь идет не просто об эстетическом выборе Пушкина среди поэтов пушкинской поры как своеобразного демиурга, ролевой модели или образца лирического высказывания, а об интимном проникновении в мир поэта, когда знание тайн поэтического ремесла сближается с пониманием принципов поэтики Пушкина и обстоятельств, биографических и психологических, при которых создавались новые типы лирики. Для этого нужно было увидеть Пушкина в достаточной степени как живую личность, оживив ее, но при этом нельзя было ожидать непосредственного диалога или ответа Пушкина на вопросы современности, что неизбежно привело бы к слишком патетическому или слишком комическому решению пушкинской темы. Чтобы Пушкин сохранился как демиург, нужна была особая экзегеза этого творчества и божественного вдохновения, чему и посвящена настоящая статья.

Мы говорим в терминах «слишком» и «не слишком», затрудняясь определить, чем же был культ Пушкина у Окуджавы или Ахмадулиной, – если это не превознесение некоторого отвлеченного образца, но и не обожание человека, но некоторое равновесие между двумя совершенно разнородными крайностями. В данной статье мы рассматриваем один пример, поздний, но показательный: влияние ранней неоконченной поэмы Пушкина «Монах» на стихотворение Ахмадулиной «На мотив икоса». Лирическое стихотворение Ахмадулиной представляет собой религиозную медитацию, в чем-то капризную, в чем-то, наоборот, ориентирующуюся на канонические и тради-

ционные формы благочестия, поддерживаемые соответствующими текстами и практиками использования текстов. В целом, перед нами пример того, что В.К. Зубарева определила как «методику распределения», связанную с пушкинским вдохновением и библейскими образами присутствия [4, с. 61–63], которая технически могла подкрепляться обилием перифразических именований Пушкина после растворения его присутствия в мире живой и неживой природы [5, с. 126].

Стихотворение вошло в книгу стихов поэтессы «Возле елки» (1999) [3], и его композиционное место внутри елочного цикла – подведение итогов Рождества и Святок, разговор с душой после праздничного явления Божества, явления самой сути творчества в обстоятельствах страданий и непредсказуемых эмоций. Рождественско-новогодняя тематика книги определяет основные мотивы стихотворения: судьба ели как образ для календарных переживаний, сражение светлой силы и нечистой силы, лунная ночь как антураж и для искушений, и для уединенных молитвенных размышлений, наконец, единство неба и земли, отражение умопостигаемого в чувственном, как цель Богоплощения в finale стихотворения.

В стихотворении дается конспективное размышление о сути Рождества и как события Промысла, и как календарной вехи, и как места и времени, в которое народные страхи, чаяния и сомнения преодолеваются строгой структурой богословских и богослужебных текстов, – эти тексты и определяют, что именно сейчас надлежит чувствовать, а значит, и как именно возможно постичь «мысленное», умопостигаемое, принадлежащее уже спасению души, не смешивая это с текущими чувствами. В любом случае, как мы покажем ниже, упрощенное истолкование этого стихотворения,

как передачи творческих полномочий от прежних демиургов (Пушкина, елки, ночи и т.д.) молитве как производящей словесный рай, как покаянного действия, не имеющего собственного экзегетического смысла [7, с. 235], не подтверждается действительной функцией и пушкинских аллюзий, и цитат из акафиста.

Экзегезой мы называем выяснения отношений между ветхозаветным опытом внимания и новозаветным опытом свободы, опытом двойным, нераздельным, но внутри лирической медитации обосновывающим саму идею свободы. Явно недостаточным оказывается и изучение пушкинского слоя в поэзии Ахмадулиной только как творческого усвоения, переработки пушкинской иронии и пушкинского бегства от цензуры как основы нового сюжета [10], как нам придется убедиться, для создания нового сюжета недостаточно было только лирического переосмысления пушкинской литературной политики, а понадобились другие, более тонкие средства «перевода», не от одних обстоятельств к другим обстоятельствам, а от смыслов, которые усваиваются как несвободные, к свободе цитирования и свободе жеста, не обязанного классическим риторическим стратегиям соблазнения и присвоения, восходящим к культурной норме античной риторики, с которой Пушкин по-своему спорил.

В основе стихотворения лежит произведение, известное в церковнославянском (возможно, оригинальном [8]) варианте как «Акафист Иисусу Сладчайшему» [2]. В греческом обиходе это произведение называется просто «икосы» или «похвалы» (Хαρετίσμοι, херетизмы), как и все прочие акафисты, потому что акафистом, «неседальном», гимном, который торжественно исполняется только стоя, у греков именуется только оригинальный «Акафистный гимн Пресвятой Богородице». Всего в любом таком гимне 13 икосов и 13 кондаков, что объясняется алфавитной организацией, каждая из этих частей начинается со следующей из 26 букв греческого алфавита (что, разумеется, невозможно сохранить в переводе). Но невозможность сохранения буквенностии оригинала не означает, что внимания к букве акафиста, в попытках буквально его воспроизвести, буквально цитировать, а потом столь же напряженно пережить и основное содержание его как утверждение умопостигаемого мира, не будет в сюжете стихотворения. Более того, это внимание и определяет экзегетический смысл стихотворения, неизбежность опыта умопостигаемого мира как эффект «перевода» от обстоятельств пушкинской лирической речи и пушкинского сюжета к той норме лирической медитации, которая только и может создать лирическое стихотворение в 1999 году.

Для нашей аргументации важно, что если в оригинальной византийской традиции этот жанр находился в публичном употреблении, предназначался для торжественного коллективного исполнения, то в русской традиции он стал использоваться как в общественном богослужении, так и для индивидуальной медитации. В народном благочестии времен написания стихотворения читать дома акафисты, любить акафисты, с эмоциональной вовлеченностью слушать публичное чтение акафистов – это значит определенным образом регламентировать свои эмоции, управлять ими, хотя, вероятно, не столько в сторону спаситель-

ной мысли, сколько в сторону смягчения переживаний и нравов. Акафист при этом лишается своей христианской задачи и превращается в одно из произведений для индивидуального самоуспокоения и преодоления грубых страстей, смягчения нрава и некоторой устойчивой радости благодаря простой, ритмичной и интуитивно понятной структуре этой поэтической формы. Но «Акафист Иисусу Сладчайшему» оказывается исключением и в греческом мире: Никодим Святогорец, создавший каноническую редакцию этого текста, опубликовал его как приложение к своей переработке книги Л. Скуполи «Невидимая брань» [8, с. 311], посвященной как раз индивидуальным медитативным приемам борьбы с соблазнами, и тем самым определил его употребление для частной борьбы с нахлынувшими искушениями и душевными невзгодами, что полностью соответствует сюжету стихотворения Ахмадулиной.

Атмосфера этого стихотворения – уже завершившиеся Святы, «двудесятый день», следующий день после Крещения, если считать по новому календарю. При этом в стихотворении описывается яркая лунная ночь, не обязательно полнолуние, поэтому определить точно, в каком году происходит действие, не получается. Первая строфа напоминает об обычae разбирать рождественскую ель на Крещение, после праздничной службы 6 (19) января, и в этой же строфе соседствуют несколько временных пластов:

Украшения отрясаet ель.
Божье дерево отдохнёт от дел.
День Крещения отошёл во темь,
января настал двудесятый день.

Начинается все, вероятно, в полдень, после крещенской утренней службы, игрушки с благословленного дерева снимают, назначив ему отдых. Но день сменяется вечером, полдень – полночью, наступает 20 января. Мы сейчас не говорим об особенностях суточного литургического календаря, скорее всего, все же имеется в виду более привычный счет по часам и календарным листам и вообще модерное, а не средневековое представление о времени. Мужские «английские» рифмы, ель – дел – темь – день, звучат как бой часов, как однообразный ход старинного маятника. Некоторое однообразие глаголов, вместе с однообразием рифм, с одной стороны, поддерживает общую меланхоличность и томительность начального состояния, из которого хочется перейти к религиозной медитации, а с другой стороны, предвосхищает поэтику акафиста, где в икосах используются парные глагольные рифмы, которые при этом имеют в виду не остроумие сходства в несходном, но, наоборот, остроумие несходного в сходном [1, с. 210–211], простые антитезы, которые при этом оказываются не так просты. Так и здесь, «отошел» и «настал» – казалось бы, простые антонимы, ушел – пришел, поддерживаются однообразной тавтологией «день – день», но на самом деле «отошел» означает поступательное движение, а настал – скорее, внезапное. Внутренняя форма слова связывает старое с медленным уходом, расставанием, шагами, а новое – с неожиданностью, чудом, духом Нового Завета. Так мы от модерного вре-

мени переходим к средневековому, требующему экзегетического усилия, и для того, чтобы понимать, что такое будущее, и чтобы понимать, что такое вдохновение.

В следующей строфе неожиданно появляется песня М.Л. Матусовского «Подмосковные вечера»: «Что ж ты, милая, смотришь икоса» – «Будто хмурый кто смотрит икоса». Лунная ночь, прилив крови к голове, вызывает в стихотворении Ахмадулиной вовсе не эротическое, а покаянное чувство. В стихотворении Матусовского, как часто в советской официальной культуре, сюжет уходит от ответа на вопрос «было или не было», что было между героями. Но именно эта наивная цитата, которая должна напоминать об условной средневековой доверчивости, как раз напоминает о сюжете «Монаха» Пушкина, где описано, как бесы возбудили и ввергли в соблазн всех, включая духовных лиц, и это было как раз тогда, когда луна светила в окно старого монаха.

Пушкинский монах читает молитвы перед иконой Николая, при свете луны и при свете свечи, то есть, по видимости, молится святым, чтобы их пример удержал его от падения. Тогда как бес сбивает Панкратия с этого молитвенного подражания, начиная читать ему усыпительную поэму С.С. Боброва (может быть, «Древнюю ночь вселенной»), так что потом уже монах, неожиданно просыпаясь, не имеет примера себе для подражания, выбранного во время молитвенного сосредоточения, и легко видит беса в образе женщины. Комический предфинал пушкинской поэмы, где все же монах обдал беса святой водой, имеет прямое отношение ко второй строфе:

Покаянная, так душа слаба,
будто хмурый кто смотрит икоса.
Для чего свои сочинять слова –
без меня светла слава икоса.

Здесь бес не может угасить свечу, сам памятный наизусть икос, точнее, созданная им атмосфера свободы, что не нужно сочинять слова, можно просто созерцать, светит ярче всякой свечи. Буквализуется метафора, светлый икос становится как свеча, а тогда и свобода не сочинять тоже буквализуется как свобода не впадать в искушения, не искушать себя словами, и обертоны слова «искушение» в поэзии пушкинской поры здесь работают на то, чтобы осознать свободу как несомненное состояние, не требующее сочинения каких-то искусственных слов, своим соблазнительным изяществом противостоящих соблазну соблазнителя. Не быть искушенным литератором, не искушаться, но говорить словами икоса, чтобы выиграть поединок с бесом, даже если «душа слаба».

Дело в том, что финальный поединок монаха и беса у Пушкина – риторический. Бес выступает как идеальный ритор, пытаясь соблазнить монаха, но монах не поддается ни одному соблазну, ему надо только в Иерусалим на бесе. Перед нами типичный пушкинский жест, отчасти созданный в споре с французскими учителями, верившими в могущество риторики: отказ от риторики, или пародирование готовой жанровой риторики, например в «Повестях Белкина», оказывается одним из лейтмотивов всего пушкинского творчества, что говорить оказывается нечего, когда

нужно спасать себя (о кризисе риторического сознания в пушкинскую эпоху см. [9]).

В лицейской поэме повествователь говорит, что бес может свернуть с прямой дороги на широкую дорогу в ад и потому его нужно толкать «и в зад, и под бока», чтобы он не показал того произвола в движениях и действиях, который уже никакой риторикой не регулируется. Здесь искусство убеждения, тот самый «смычок» Вольтера, иначе говоря, стилистическая виртуозность убедительной речи с ее ловушками, сменяется другим искусством, «петь, что в голову придется», восхищаясь пейзажами и прочими зреющими, предупреждать любую такую нарочитую ловкость ритора. Слишком увлечься своей властью над бесом, зазевавшись, думая, что все у тебя под контролем, – это и значит погубить душу. В таком случае нужно не сочинять свои слова, а скорее созерцать сам акт собственного внимания, ту самую «славу икоса», иначе говоря, быть внимательным к самой поэтической форме.

Ведь слово «икос» оказывается само важным, буквально важным (здесь невольно осуществляется тот самый семантический «перевод» к свободе без перевода к слову) для понимания строфической поэзии. Это греческое слово означает «дом» (то же слово, что в составных «экономика» или «экология») и калькирует семитский термин для четырехстрочной строфы, как бы прямоугольная запись текста, зрительно напоминающая домик. Так Ахмадулина, не давая перевода слова, осуществляет более важный для современного переводоведения перевод, от буквенностии и буквально-го прочтения к пониманию свободных возможностей производства смысла, что оно найдет свой дом и что вид текста, созерцание, как мы увидим, «мысленного рая» в буквах важнее соблазнительного звучания риторики. Близка такому переводу оказывается и техника «метонимического именования», изученная Д.А. Маслеевой применительно как раз к пушкинским аллюзиям и обращению к пушкинскому имени в лирике Ахмадулиной [6, с. 71].

Важно, как текст выглядит, а не как он звучит, как и у Пушкина, звучная лира Вольтера и скрипучая скрипка Баркова предпочитаются собственному голосу и собственному умению правильно подбирать рифмы и выстраивать поэтическую форму. Далее в стихотворении Ахмадулиной появляется цитата из первого икоса «Акафиста (икосов) Иисусу Сладчайшему»:

Сглазу ль, порчи ли помыслом сим
возбранён призор в новогодье лун.
Ангелов Творче и Господи сил,
отверзи ми недоуменный ум.

В первых двух строках опять видна отсылка к Святым и Крещению, когда по народным поверьям нечистая сила не может действовать по календарным соображениям. А последние две строки – прямая цитата из Акафиста Иисусу Сладчайшему, в греческом варианте:

Αγγέλων ποιητὰ καὶ Κύριε τὸν Δυνάμεων,
ἀνοιξον τὸν ἄπορόν μου νοῦν

В этих словах звучит типичное вступление к теме, принадлежащее средневековому «литературному этикету» (термин Д.С. Лихачева), требовавшему от создателя текста признать свою скромность и действие Божьей воли как основное. Субъект высказывания в стихотворении Ахмадулиной исходит из невозможности для непонимающего («недоуменного») ума высказать величие Господа; как мы обычно говорим, для этого не найдется слов. Хотя в современном русском языке есть близкое по смыслу причастие «недоумевающий», особенно если оно по значению близко прилагательному, недоуменный – это не просто не способный совершить какое-то умственное действие, а как бы зашедший в тупик, не способный вообще действовать в данной ситуации (ἄπορος). Поэтому способность высказать мысль – это означает открыть ум, как открывают рот. Так Ахмадулина, обсуждая *паррессию*, способность открыто говорить перед Богом и людьми, благодаря «переводу» и экзегезе переходит от считывания как артикуляции, от чтения вслух как соблазнения к чтению про себя и созерцанию мысленного рая как способу преодолеть искушение. Внимание, внимание к форме, а не умение очередной раз переспорить беса и определяет спасение героя и в пушкинской поэме, и в стихотворении Ахмадулиной – лирического героя.

В следующей строфе сочетаются отсылки к Икосу 2, «Разум неуразуменный разумети Филипп ища» (*Γνώστιν ἄγνωστον γνῶναι ζητῶν ὁ Φίλιππος*) – речь о просьбе апостола Филиппа открыть Бога-Отца, на что Иисус отвечал утверждением тождества природы Отца и Сына – и к Икосу 3, «Иисусе; не презри и мене ныне, подобного им» (мытарям и грешникам) (*Μὴ παρίδῃς καὶ μὲν τὸν ὄμοιοθέντα αὐτοῖς*). При этом «недоумение» превращается в «неумение», иначе говоря, интеллектуальная неуклюжесть оказывается результатом некоторой лености, инертности, неумения собраться, так что приходится вспоминать только отрывочные строки из Акафиста Иисусу Сладчайшему, не складывая их в единый сюжет:

Неумение просвети ума,
поэзяб в ночи занемогший мозг.
Сыне Божий, Спасе, помилуй мя,
не забуди мене, Предивный мой.

Эпитет «предивный» (*ύπερέυδοξος*) встречается в первом икосе именно как новозаветный, обозначающий что-то вроде, действующий так, как никто не ожидал:

Иисусе прелюбимый, пророков исполнение;
Иисусе предивный, мучеников крепосте.

Эти параллелизмы важны для экзегетической стратегии стихотворения, не просто противопоставляющей мир Закона и мир Свободы, но связывающей эти миры тем, что Свобода и требует дивного созерцания чего-то неожиданного, внезапных поступков, неожиданного считывания текстов, что и позволяет переносить мучения так, как не позволяет просто развитие речевых риторических стратегий, которое может смягчить муки, но не превратить истязаемого

внешними муками или внутренними сомнениями человека в созерцателя мысленного рая. Ведь по смыслу строк Акафиста христианская любовь показала, что пророчества относятся именно к Иисусу, и из истинной любви можно установить, что Иисус – мессия. А «предивность», неожиданность явления Бога в мире, укрепила мучеников, позволив им претерпеть любые мучения ради будущей жизни, иначе говоря, умопостигаемое только и может так внезапно вторгаться в жизнь, чтобы возможно было вынести любые мучения. Перед нами происходит «перевод» как смена Ветхого Завета Новым Заветом в результате концентрации на умопостигаемом: если что-то предивно, то все вокруг этого предивного оказывается незабвенным.

Сходное движение от ветхозаветного как тщательного и риторически продуманного к новозаветному как чему-то удивительному, преодолевающему любые земные законы, при единстве обоих Заветов, есть и в стихах других поэтов того времени, внимательных к христианским риторическим традициям и специфике новозаветной свободы, например в поэзии Кривулина из книги «Концерт по заявкам» (1993). Достаточно проиллюстрировать эту технику началом одного из стихотворений книги, мы делаем это отступление от Ахмадулиной к Кривулину, чтобы лучше объяснить, что такое мысленный рай и как он связан с созерцанием буквенности как области неожиданного явления смысла, области внимания, а не считывания по готовым правилам, в которые всегда примешиваются привычные риторические жесты:

как летописец я ушел
в изготовленье киновари
для Первой буквы где библейский Вол
с евангельским Орлом одно образовали
взмывающее существо
что отрицает собственную тяжесть

Очевидно, что перед нами В как первая буква Евангелия от Иоанна, «В начале было слово...». Буквальное ее прочтение напоминает и рев вола, и стоит первой в слове вол, может его зашифровывать, наконец, вол может быть частью средневековой декоративной буквицы. Вол в Ветхом Завете – символ внимательного изучения Библии, иначе говоря, если читать букву В буквально, исследуя все свойства буквенности, от озвучивания до словарных или визуальных ассоциаций, то перед нами и будет познание Ветхого Завета, риторика постоянного тождества внимания к мысли и тщательного усвоения всей последовательности высказываний, которую и требовала культура чтения священной книги. Но в Новом Завете можно читать уже не так внимательно, Святой Дух подсказывает апостолам цитаты и аргументы, поэтому некоторая рассеянность допускается. Иначе начинает тогда выглядеть буква «В», уже не как читаемая буква, а как вдохновляющая на интеллектуальное созерцание, лишенное всякой тяжести, обе ее дужки как бы отрываются от планки как прямоты и тяжести и выглядят как крылья орла. А связаны оба завета киноварью, красной кровавой краской, жертвоприношением и мученичеством. Как и у Ахмадулиной, мученичество оказывается спонтанным пережи-

ванием такого внезапного освобождения от тяжести, в отличие от трудной и тяжелой работы вола, которая вдруг оказалась «неумением», невозможностью продолжать работу, но потом разрешилась в «недоумении», внезапности умопостигаемого. Речь опять же идет не о том, что Закон в чем-то неверен, а о том, что акт «перевода», причем освобождающего, перевода от режима говорения к режиму внимания, необходим для создания связного лирического сюжета.

В следующей строфе повествователь обращается к Псалтири и Минеям, и если эпитет «надежда» встречается часто, то слова «обстояние» (*περίστασις* – осада, в аскетике – осада бесами души как крепости; интересно, что в благочестивой пушкинистике нам несколько раз встречалось восходящее к философу И.А. Ильину нелепое «божественные обстояния») нет. Речь уже о чтении житий (минеи) как примеров отгнания бесов или псалтири как отгоняющей бесов.

Стану тихо жить, затвержу псалтирь,
помяну Минеи дней имена.
К Тебе аз воззвах – мене Ты простил
в обстояниях, Надежду моя.

Именно такая диспозиция подразумевается и в начале поэмы Пушкина, где как раз монах пытался концентрироваться на житиях святых, молитвенных примерах, молиться Николе и читать, как Никола, и про таких, как Никола, но при этом его концентрация была рутинизированной. Тогда как лирический повествователь Ахмадулиной, уже говорящий на церковнославянском и в мужском роде, осуществляет радикальный «перевод» к совершенно другой диспозиции обстоятельств, где новый мысленный «монах» ожидает новой мысленной свободы, а не только рутинизированного благочестия, с которого начинается поэма Пушкина о скромном риторе-монахе и блестательном риторе-бесе:

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.

Такой перевод в самой организации первоначального высказывания, в другой род и другой язык, необходим для того, чтобы состоялся еще более радикальный перевод, от переживания тех или иных обстоятельств и в том числе обстоятельств чтения как «правил» к новому переживанию любого чтения как выражения внутренней лирической спонтанности. Финальная строфа представляет собой прямую ссылку к Пушкину. Тема этой строфы – «мысленный рай», «словесный рай», иначе говоря, рай Нового Завета, который может пониматься только как умопостигаемая реальность, а не как материальная, в отличие от ветхозаветного Эдема, который в средние века располагали на земле. Слова «словесный», «мысленный», «умный» близки по значению и означают одно – доступное

лишь умственному взору, но не материальному опыту, следовательно, принадлежащее реальности новозаветного спасения, а не ветхозаветного исторического переживания.

Отмолю, отплачу грехи свои.
Живодавче мой, не в небесный край –
восхожу в ночи при огне свечи
во пречудный Твой, в мой словесный рай.

Конечно, здесь прямо говорится о начале искушения пушкинского Панкратия, о котором в поэме передается так:

Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Зашитить нас от дьявола не может.

Ситуация пушкинского героя – это готовность к созерцанию рая, риторическая готовность, когда система общих мест, вроде «уединение» или «счастье», и готовит к явлению перед человеком или перед публикой чего-то неожиданного. Разумеется, герою придется отказаться от веры в риторику только в конце поэмы. Тогда как ситуация лирического повествователя Ахмадулиной – это как раз невозможность общих мест, возможность только некоторого количества противоречивых эмоций, где свеча продолжает гореть, потому что внимательное созерцание пламени ведет и к внимательному созерцанию всех прочих условий новозаветной свободы. Невозможны оказываются общие места, наоборот, просторечные «отплачущий грехи» и или заштампованные «небесный край» показывают, что изящная риторика здесь работать не будет. Будет другое – восхождение как символ внимания и символ перевода (перевод как переход, как пошаговое движение) от телесного переживания текста к восходящему умственному его переживанию как обеспечивающему свободный жест, свободный выбор мысленного рая.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что пушкинизм Ахмадулиной, во всяком случае позднего периода творчества, представляет собой вполне продуманную и целенаправленную программу экзегезы, в центре которой стоит понятие свободы. Подлинной свободы нельзя достичь даже самыми изощренными литературными и словесными тактиками. Пушкин-лицеист, автор первой поэмы, послужил примером преодоления этой власти риторики, которая была несомненна для его французских учителей, как Вольтер, но в его мире потребовала дополнения: когда все аргументы иссякают, требуется прямое действие. Можно заметить, что такое прямое действие («вышиб дно, и вышел вон») оказывается ключевым и в позднейших поэмах и сказках Пушкина: пощечина графу Нулину и другие самые запоминающиеся эпизоды – это способ оспорить идею о всевластии соблазняющей риторики и отвоевать область свободы лирического чувства и лирического выражения.

Новация Ахмадулиной состоит в том, что ее пушкинистика не копирует готовые сюжетные ходы Пушкина, но поддерживает их особой экзегетической и

переводоведческой программой. Ахмадулина отождествляет мир свободы с новозаветным миром свободы, и необходимость чтения акафиста – это необходимость блюсти букву. Нераздельность Ветхого и Нового Завета, Закона и Свободы, оказывается и нераздельностью риторики акафиста и той свободной памяти, которая может забывать, но может и вспоминать самое важное. В стихотворении Ахмадулиной легко вычленяются вспомогательные образы, такие как календарные или связанные с интимными воспоминаниями, которые отличаются от главенствующих образов постижения мысленного рая, перехода от отдельных действий памяти и забвения, считывания буквальных смыслов акафиста, к принятию свободы как чего-то несомненного. После этого любой сюжет жизни может быть воспринят только как лирический сюжет. Таким образом, исследования поэтики Ахмадулиной, смешивающие главные и вспомогательные образы, нуждаются в уточнениях, тогда как работа по поиску библейских подтекстов, начатая В.К. Зубаревой, может быть поддержана современным переводоведением, говорящим о переводе не только от буквы к букве, но и от структуры к свободному пониманию подлинного смысла.

Литература

1. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – Москва : Наука, 1977. – 320 с.
2. Акафист Иисусу сладчайшему. На церковнославянском языке (URL: https://akafistnik.ru/god_akaftisiusu-sladchajshemu/), на греческом языке (URL: <https://prayer.enavasi.gr/content/%CE%87%CE%B1%CE%89%CF%81%CE%85%CF%84%CE%B9%CF%83%CE%BC%CE%BF%CE%AF-%CE%B5%CE%B9%CF%82-%CF%84%CE%BF%C E%BD-%CE%BA%CF%CF%81%CE%B9%CE%BF-%CE %>
- B9%CE%B7%CF%83%CE%BF%CF%8D-%CF%87%CF% 81%CE%89%CF%83%CE%84%CF%8C) (дата обращения: 19.02.2020). – Текст : электронный.
3. Ахмадулина, Б. А. Возле Елки: Книга новых стихотворений / Б. А. Ахмадулина. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1999. – 79 с.
4. Зубарева, В. К. Тайнопись: библейский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980-х – 2000-х годов / В. К. Зубарева. – Москва : Языки славянской культуры, 2017. – 224 с.
5. Комлева, Н. В. Имена собственные в «Пушкинском» мотиве лирики Беллы Ахмадулиной / Н. В. Комлева // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда, 2012. – С. 124–129.
6. Маслеева, Д. А. Имя поэта в лирике Беллы Ахмадулиной: семантика и трансформации / Д. А. Маслеева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – № 6. – С. 68–77.
7. Михайлова, М. С. Амбивалентность творчества в лирическом цикле Беллы Ахмадулиной «Возле Елки» / М. С. Михайлова // Культура и текст. – 2011. – № 12. – С. 228–237.
8. Родионов, О. А. К истории перевода Акафиста Иисусу Сладчайшему на греческий язык (XVIII–XX вв.) / О. А. Родионов // Каптеревские чтения – 16: сборник статей / ответственный редактор Н. П. Чеснокова. – Москва ; Серпухов: ИВИ РАН : Наследие Православного Востока, 2018. – С. 306–318.
9. Файбышенко, В. Ю. Риторическое воспитание и новая субъективность / В. Ю. Файбышенко // Антропология субъективности и мир современной коммуникации: сборник статей / редактор А. Ю. Шеманов. – Москва : Российский институт культурологии Министерства культуры Российской Федерации, 2010. – С. 83–103.
10. Яшина, К. И. Диалог с Пушкиным : поэма Беллы Ахмадулиной «Моя родословная» / К. И. Яшина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 240–243.

A.V. Markov

«THE MONK» BY A. PUSHKIN IN BELLA AKHMADULINA'S POEM «ON THE OIKOS MOTIF»

In the lyric poetry of B. Akhmadulina, A. Pushkin, the Pushkin era, and the Pushkin vision of the world form a special aesthetic complex that defines both genre-stylistic preferences and organization of original expression. However, the question is how Pushkin's allusions contribute in her poetry to the expediency of expressing and developing new forms of lyrical subjectivity. The paper proves that Pushkin's lyric-epic organisation is the basis for determining the boundaries of rhetorical utterance and the power of words, and it clarifies the role of silent meditation as shaping a new type of lyrical experience. The plot of A. Pushkin's poem «The Monk» presents not only the rhetoric of temptation, but also the meditative experience of temptation and turns out to be the key to B. Akhmadulina's poem «On the *Oikos* motif». The poem shows avoiding temptation not as mastery of the rhetoric of church hymns, but as understanding of the limits and instruments of this rhetoric. Akhmadulina does the same thing as Pushkin did, assimilating a rigid system of rhetorical generalization that can combine the earthly and heavenly, but then showing that it is not enough to build a lyrical plot, and she grounds a new mood of translation from experience to sense.

Alexander Pushkin, Bella Akhmadulina, akathist, translation studies, lyrical hero, exegesis, asceticism, monasticism in literature.

V.A. Черкасов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ГЛАВНОЙ ГЕРОИНЫ В РАССКАЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЕНИН ДВОР»

В данной статье анализируется мотивная структура «Жития Юлиании Лазаревской» в качестве источника жизнеописания заглавной героини в рассказе А.И. Солженицына «Матренин двор». Многие ключевые мотивы, составившие образ Матрены, входят в корпус топики древнерусской агиографии. Однако писатель их существенно адаптировал к социально-политическим реалиям России 1950-х гг. Активное употребление агиографической топики при создании образа Матрены Васильевны Григорьевой свидетельствует о релевантности религиозно-идеологического плана для творчества А.И. Солженицына в целом.

А.И. Солженицын, «Матренин двор», «Житие Юлиании Лазаревской», агиография, топика.

Как показывает анализ существующей литературы, тема нашей статьи не является первооткрывательской в солженицыноведении. В самом общем виде сходство главной героини рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор» Матрены Васильевны Григорьевой с героями древнерусской житийной литературы отмечали М.В. Ковтун [3] и М.В. Шунков [10]. В комментариях к рассказу А.В. Урманов указал на повторяющиеся в жизнеописании Матрены Васильевны мотивы из «Жития Сергия Радонежского» как образцового для древнерусской агиографии текста [9]. На наш взгляд, стремление А.В. Урманова конкретизировать генезис образа Матрены Васильевны не случаен и мотивирован герметичностью солженицынского дискурса в «Матренином дворе». Согласно письму А.И. Солженицына А.В. Урманову от 27 ноября 1999 г., эта герметичность была обусловлена прежде всего неблагоприятными политическими обстоятельствами: *Некоторые авторы в своем анализе странно упускают (забывают?) обстоятельства публикации «Матрениного двора» и главное – читателя 60-х годов. Кто бы и как мог тогда публиковать еще одни «Живые монстры» и умиляться православием? Для писателя XX столетия вера могла быть так же органична, как и для писателя XIX, – но не поддавалась прямому тексту, она могла только просвещивать* [9, с. 146]. Из этого авторского признания выясняется актуальность нашего исследования, целью которого является дальнейшая конкретизация агиографического генезиса образа Матрены Васильевны Григорьевой, имеющего конструктивное значение для выявления релевантности религиозно-идеологического плана не только в рассматриваемом рассказе, но и в творчестве писателя в целом.

Прежде всего необходимо уточнить архетипический источник образа Матрены Васильевны. На наш взгляд, им является святая Юлиания Лазаревская, почитаемая в Муромском kraе, чье житие было создано в XVII в. Это было бы логичнее утверждения А.В. Урманова о непосредственной связи героини А.И. Солженицына с образом Сергия Радонежского и

с гендерной, и с социальной, и с географической точек зрения.

Юлиания Лазаревская, в миру Ульяния Устиновна Осорына, была помещицей, жившей на рубеже XVI–XVII вв. Выйдя замуж, будущая святая попадает в такую семью, где ей приходится трудиться целыми днями. Однако настоящее свое призвание Юлиания видит в социальном служении, то есть, как сказано в комментарии Т.Р. Руди к «Житию Юлиании Лазаревской», в той «любви нелицемерной» к ближнему, которую она проповедовала и «делом исполняла»: помогала всем нуждающимся в заботе – вдовам и сиротам, нищим и убогим [4, с. 613]. Как сказано в ее житии: ...она <...> по вся нощи без сна пребываše, в молбах и в рукодѣлии, и в прядиве, и в пяличном дѣлье. И то продавъ, нищим цѣну <вырученные деньги> даяше и на церковное строение; многу же милостыню отай <тайно> творяше в нощи, в день же домовное строение правяще. Вдовами и сиротами, аки истовая мать, печашеся, своими руками омываше, и кормяше, и напаяя [1, т. 15, с. 109]. Как отмечает Т.Р. Руди, мотив «бессонного жития» Юлиании является общим местом древнерусских агиографий: В Житии Юлиании Лазаревской этот мотив соединен с другими аскетическими мотивами, характерными для житий преподобных, которые, составляя в нем разработанную систему топосов, приближают это житие праведницы-мирянки к типу монашеских житий: «Сна же толико с вечера час един или два приемаше, возлегаше бо на печи бес постели, дрова точию острыми странами к телу подстилаше и ключи железныя под ребра подкладаше. От тех же дров и возглавие имаше. И тако тело свое удручаще, не яко покоя хотяше, но толико возлегаше, донелиже рабя усыпаху. И со слезами Бога моляше до заутренняго клепания, и потом к церкви на заутреню хождаше и на литоргию» [8, с. 481]. Юлиания за всю свою жизнь ни на шаг не отступила от исполнения этого призыва. Даже во время великого голода она помогала нищим и, когда свекровь сделала ей по этому поводу замечание, пошла на сознательный обман, сказав, что

ей необходимо дополнительное питание из-за родов. Юлиания знала, что у них в доме всего обилио, хлѣба и всѣхъ потреб [1, т. 15, с. 110]. Ради помощи нищим, которым она отдавала последнее, Юлиания пренебрегала своей одеждой: ...без теплѧя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногами обувашеся... [1, т. 15, с. 111]. По наблюдению Т.Р. Руди, мотив небрежения своей одеждой является составной частью агиографического топоса *аскетических подвигов святого, основными из которых являются пост и различные формы «томления тела»* [8, с. 477]. Юлиания объясняет практикуемую ею строгую аскезу высшей задачей спасения своей души: *Да убию тело мое и порабощу е, да спасется дух мой в день Господа нашего Иисуса Христа* [8, с. 479]. Следует заметить глубокую сознательность Юлиании в совершении ею подвижнических подвигов.

Социальное служение Юлиании вызывало насмешки со стороны окружающих. Однако и это не отвратило ее от исполнения своего долга. Т.Р. Руди в этой связи отмечает характерный для данного фрагмента жития топос столпа: *Говоря о том, что «блаженная от невегласивых бяше посмехаема о добрых делех», автор замечает: «Но никоєяже споны солнечной красоте сотвори гнойная нечистота, бе бо яко столп, основан на камени, ему же река принаде и возвеяху ветри, но никакоже возмогоша поколебати»* [7, с. 219].

Из тринадцати детей Юлиании шестеро умерли в младенчестве. Затем она потеряла двоих взрослых сыновей. Но она, как подобает святой, с кротостью и терпением переносит эти несчастья. В этой связи Т.Р. Руди отмечает агиографический топос *святой – столп терпения*, имеющий *бibleйское происхождение, так как опирается на сюжет о долготерпении праведного Иова* [7, с. 216]. По словам ученого, этот топос часто использовался в житийных сюжетах, повествующих о потере святым близких. Так, в «Житии Юлиании Лазаревской», рассказывающем о том, что шестеро из тринадцати детей святой умерли во младенчестве, говорится «*О умерших же младенцах благодаряще Бога, по Иову глаголюще “Господь даде, Господь и взят”*» (Иов I 21) [7, с. 217–218].

Ведение хозяйства настолько поглощает Юлианию, что она лишена возможности ходить в церковь, тем более что она была расположена далеко от дома. По словам автора жития, она была *смысломъ бо Господним наставляема нраву добродѣтелному* [1, т. 15, с. 109]. Во время венчания ей все-таки довелось выслушать наставления священника: *Она же внятно со всем прилежанием послуша Божественного учения и наказания, и яко земля блага, всеянное в ню с прибытиком возрасте* [8, с. 470]. В сравнении Юлиании с благой землей Т.Р. Руди отмечает агиографический топос *доброплодной земли*, восходящий к евангельской притче о сеятеле: *В Житии Юлиании Лазаревской топос «доброплодной земли» адаптирован к условиям мирской жизни: святая слушает наставления не игумена, а венчавшего ее и ее супруга Георгия священника Потапия...* [8, с. 470]. В борьбе с бесами Юлиании помогает сам святой Николай: *И абие явися ей святый Николае, держа книгу велику, и начат ею бити*

бесов, и тако разгнав всех, яко бо дым исчезоша и без вести быша [8, с. 484]. Т.Р. Руди утверждает, что в сценах борьбы святой с бесами используются традиционные формулы [8, с. 484], однако в приведенных исследовательницей многочисленных примерах мотив помощи святого Николая в борьбе с бесами содержится только в «Житии Юлиании Лазаревской».

Юлиания тщательно скрывает свою глубокую религиозность от окружающих. В этой связи Т.Р. Руди отмечает топос нежелания *славы от человек*: *В Житии Юлиании Лазаревской мотив нежелания «славы от человек» использован в эпизоде, повествующем о гласе от иконы Богородицы, открывшем священнику церкви села Лазарево, что «Дух святый на ней почивает». Юлиания запрещает рассказывать о случившемся кому-либо при жизни ее и после смерти: «Таково смиреніе имаше блаженная, яко и по смерти не хотя славы от человек*. Так в житии монахини в миру реализуется еще один топос житий преподобных [8, с. 490].

В сцене кончины Юлиании содержится целый ряд топосов преподобнического жития. Ее захоронение сопровождает, по словам Т.Р. Руди, традиционная для христианской культуры символика света как божественного начала (ср. евангельские слова Христа «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будетходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин 8:12)) [7, с. 213]: *И вси видѣвше около главы ея кругъ златъ, яко же на иконахъ околь главъ святыхъ пишется. И омывшее, положьше ю в кльть, и в ту ноиць видѣвша свѣтъ, и свѣща горяща...* [1, т. 15, с. 113]. Когда спустя десять лет после захоронения довелось вскрыть гроб Юлиании, то обнаружились целыми ее ноги и бедра [1, т. 15, с. 114], что представляет собой посмертное чудо.

В целом, для «Жития Юлиании Лазаревской» характерно обилие реалистических, бытовых подробностей, что стало возможным только в XVII в. Ореолом святости наделяется не монах, не государственный деятель, а обычная женщина, мирянка, что принципиально отличает рассматриваемый текст от традиционных древнерусских агиографий. Известно высказывание замечательного русского ученого Ф.И. Буслаева по поводу «Жития Юлиании Лазаревской»: *В истории литературы древней Руси на долю Мурома по преимуществу досталось литературное развитие идеального характера русской женщины* [4, с. 614]. В связи с этим замечанием ученого можно также вспомнить другую муромчанку, святую Февронию, так же претерпевшую гонения от окружающих, как и Юлиания, но сохранившую верность своему подвижническому призванию [2, с. 166].

Биография героини Солженицына содержит конкретные интертекстуальные отсылки к Житию Юлиании Лазаревской. Начать с того, что писатель привязывает место действия своего рассказа к Муромскому краю: *На 184 километре от Москвы по ветке, что идет к Мурому и Казани...* [9, с. 16].

Сама Матрена Васильевна Григорьева – это святая, живущая в быту.

Матрена вышла замуж не по любви, а ради помощи семье ее жениха, которой, по ее словам, рук <...> не хватало [9, с. 36]. Мотив социального служения

Матрены особенно очевиден в сценах ее бескорыстной и даже жертвенной помощи каждому, кто ее об этом попросит, включая представителей колхоза. Ради помочи ближнему, по словам рассказчика, она покидала свой черед дел [9, с. 28], а за помощь не брала денег. Одевалась она кое-как, все по-деревенски, была нечистоплотная [9, с. 52]. Вставала Матрена очень рано, в четыре-пять утра [9, с. 22]. Она старалась утром не запоздниться [9, с. 22]. При этом подвижническая жизнь Матрены вызывала неодобрение окружающих. Характеристика Матрены со стороны ее золовки выполняет функцию «гласа народа»: *Все отзывы ее о Матрене были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережнáя <...> и, глупая, помогала чужим людям бесплатно (и самый повод вспомнить Матрену выпал – некого было дозвать огород вспахать на себе сою). И даже о сердечности и простоте Матрены, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением* [9, с. 52]. Однако Матрена подобное отношение окружающих отнюдь не мешало следовать по пути социального служения ближнему. Это утверждение следует из отмеченного рассказчиком умения Матрены радоваться без тени зависти [9, с. 28] урожаю другого человека, которому она пришла на помощь: *И Матрена не могла отказать. Она покидала свой черед дел, шла помогать соседке и, воротясь, еще говорила без тени зависти:*

– Ах, Игнатич, и крупная ж картошка у нее! В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда!

Тем более не обходилась без Матрены ни одна пахота огорода [9, с. 28].

На наш взгляд, в рассматриваемом фрагменте повествования Солженицын реализует агиографический топос *доброплодной земли*: Матрена, умеющая радоваться урожаю недружелюбно по отношению к ней настроенного человека, является той самой *доброй землей* (Мф 13: 8, 23), воспринявшей слово Бога. Ее образ метонимически связан с той плодородной землей, которую она обрабатывает, следуя своему социальному призванию.

Истовое исполнение этого призыва не позволило Матрене найти личное счастье в материнстве: представляются убедительными указания А.В. Урманова на неподъемные для женского организма тяжести как на причину ранней смерти шестерых (как и у Юлиании!) детей Матрены [9, с. 137]. При этом Матрена встречает это несчастье с полным смирением, возлагая всю вину на себя как на грешницу, вышедшую замуж в неурочный день: *Как свадьба моя была в Петров день, так и шестого ребенка, Александра, в Петров день схоронила* [9, с. 37]. На наш взгляд, в мотиве смирения героини перед несчастьем ради своих грехов Солженицын реализует агиографический топос «святой – столп терпения», восходящий к «Книге Иова».

Матрена редко ходит в церковь: слишком много у нее дел, да и ближайший храм стоит от нее очень далеко – в пяти верстах. Рассказчик предполагает, что Матрена молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить [9, с. 31]. На эту мысль его наводит *святой угол в чистой избе, и иконка Николая*

Угодника в кухоньке. Забудни стояли они темные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрена лампадку [9, с. 31].

Накануне кончины Матрена предстает перед рассказчиком в ореоле света. При этом одна деталь – укороченные сени избы как результат жертвенного дарения Матреной горницы, давшие возможность осветить лицо героини, – свидетельствует о христианском генезисе этого образа: *От красного морозного солнца чуть розовым залилось замороженное окошко сеней, теперь укороченных, – и грел этот отсвет лицо Матрены. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей* [9, с. 40]. В описании останков Матрены рассказчик подчеркивает чудесное спасение правой руки и лица: *Все было месиво – ни ног, ни половины туловища, ни левой руки. Одна женщина перекрестилась и сказала:*

– Ручку-то правую оставил ей Господь. Там будет Богу молиться... [9, с. 46].

А в гробу лежала Матрена. Чистой простыней было покрыто ее отсутствующее изуродованное тело, и голова охвачена белым платком, – а лицо осталось целехонькое, спокойное, большие живое, чем мертвое [9, с. 46]. В последнем случае Солженицын реализует агиографический топос, по формулировке Т.Р. Руди, *imitatio angelī*, в котором допускается сопоставление лика преставившегося святого с лицом живого человека или ангела по признаку белого цвета/света. Например, в «Житии Авраамия Чухломского»: *Лице же святаго свътияшеся яко снѣгъ, а не яко обычай есть мертвымъ, но яко живу или аггелу Божию, показуя его чистоту и еже от Бога мздовоздаяния трудом его* [6, с. 52]. В «Житии Сергия Радонежского» раскрывается символическое значение белого цвета/света: после смерти преподобного лицо его было светлым, как снег, а не как обычно у мертвых, но как у живого человека или ангела Божьего, показывая этим душевную его чистоту и от Бога воздаяние за труды его [9, с. 194].

В концовке повествования рассказчик прямо называет Матрену праведником и подчеркивает мотив столпа как конструктивный для создания ее образа. Причем в манере древнерусской агиографии распространил ее влияние на всю Россию: *Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.*

Ни город.

Ни вся земля наша [9, с. 53].

Это прямая реминисценция утверждения Нестора о всероссийском значении деяний святых Бориса и Глеба: *Воистину и без сомнений могу сказать: вы небесные люди и земные ангелы, столпы и опора земли нашей!* [1, т. 1, с. 349].

Из последних примеров употребления агиографической топики видно, сколь широко пользовался ею Солженицын при создании образа Матрены Васильевны Григорьевой. Сюда же относится и уходящий в подтекст повествования Солженицына мотив «талой земли» из Жития Михаила Клопского, уникальный для древнерусской агиографики. В число чудес, совершенных этим новгородским святым, юродивым во Христе, входит предопределение места своего будущего погребения посредством стояния на молитве не

в церкви, а рядом с ней, на церковном дворе. Цитируем вторую редакцию Жития Михаила Клопского как наиболее пространную, содержащую интересующий нас мотив «талой земли»: *И аbie пред преставлением своим хожаше к церковному пению, но стоя вне, на правой стороне у церкви на монастыри, против Феодосиева гроба, прежде реченнаго. А хто ему почал говорить, игумен или старцы: «Чему, Михайло, не стоишь в церкви, но стоиши вне, на дворе?». И многажды глагола им старецъ блаженныи: «Ту аз хочо полежати, ту мое и место»* [5, с. 136]. Когда же святой Михаил скончался и пришла пора его хоронить, то никак не могли вырыть для него могилу из-за промерзшей земли, пока не догадались попробовать копать на том месте, где он стоял на молитве. И именно здесь обнаружили талую землю, позволившую выполнить свой долг перед усопшим: *...и тако почали искати места где его положить – земля бо бяше тогда мерзла и нуждею не могша гроба ископати. И аbie игумен и братия спомянуша, где стоял у церкви на молитве пред умертием, сказаша архиепископу и всем прилучившимся ту. И тако испытати копати того места повеле, где сам преподобный Михайло стоял. И скоро досмотреша того места, и учаша копати, аже земля тала, яко же и среде лета. И ископаша раку и ту его погребоша честно, в ней положиша и воспеша тому надъгробное на уготованнем его месте. И множество же людей, видевшее преславную вещь ту, и прославиша бога, давшаго толику благодать своему угоднику при его животе, еже сподобися пророческого дара* [5, с. 139].

Мотив «талой земли» содержится уже в названии родной деревни Матрены – Тальново, с ударением на первом слоге в авторской транскрипции [9, с. 18]. Тема «оттепели» акцентируется рассказчиком в связи с событиями вокруг гибели главной героини. Когда Матрена решилась на свой жертвенный подвиг дарения горницы, слом дома был для нее, как отмечает рассказчик, концом ее жизни всей [9, с. 39], трактор не мог вывезти разломанную горницу [9, с. 40] две недели из-за начавшейся оттепели: *Вынесены и соштабелеваны были бревна перед воротами, зять-машинист уехал в Черусты за трактором. Но в тот же день началась мятель – «дуель», по-матрениному. Она кутила и кружила двое суток и замела дорогу непомерными сугробами. Потом, чуть дорогу умяли, прошел грузовик-другой – внезапно потеплело, в один день разом распустило, стали сырье туманы, журчали ручьи, прорывавшиеся в снегу, и нога в сапоге увязала по все голенище. Две недели не давалась трактору разломанная горница!* [9, с. 40]. Затем наступил мороз, позволивший вывезти наконец злополучную горницу. Мороз стоял, когда погибла Матрена, и еще спустя три дня после ее гибели, вплоть до похорон. Это следует из указания рассказчика, что *ремонтники мерзли и для обогрева, а ночью и для света раскладывали костры из даровых досок и бревен...* [9, с. 49]. Однако когда Матрену хоронили, рассказчик отмечает оттепельный февральский вновь обсыревший наст [9, с. 50].

В символическом плане темы «оттепели» в рассказе Солженицына, в подтексте которого лежит мотив «талой земли» из Жития Михаила Клопского, на-

звание деревни Тальново, соотносимое с образами двухнедельной оттепели и февральского обсыревшего наста, указывает на место погребения и вечной жизни праведницы и юродивой во Христе Матрены Васильевны Григорьевой.

Итак, подведем итоги нашего исследования. Несмотря на значительное количество в подтексте жизнеописания Матрены Васильевны Григорьевой агиографических топосов, архетипом этого образа является Юлиания Лазаревская. Во-первых, как показала Т.Р. Руди, само Житие этой святой в значительной мере построено на агиографической топике и, таким образом, могло послужить ее источником для автора «Матренина двора». Сюда относятся следующие общие для героинь «Жития Юлиании Лазаревской» (ответственно для героев древнерусской агиографики в целом) и «Матренина двора» мотивы:

- социальное служение, сопровождаемое аскетическими мотивами «бессонного жития», «небрежения своей одеждой/внешним видом»;
- неодобрение социального служения со стороны окружающих и ответное благорасположение к ним праведников, выражаемое в дальнейшем в неуклонном выполнении своего призыва;
- долготерпение, проявляемое героями в связи со смертью близких. Этот мотив восходит, как показала Т.Р. Руди, к библейской «Книге Иова»;
- нежелание «славы от человек», выражаемое в стремлении не афишировать свою религиозную жизнь;
- традиционная для христианской культуры символика света как божественного начала (Т.Р. Руди);
- чудесное спасение части тела после кончины героинь.

При этом А.И. Солженицын творчески преобразовал в своем повествовании, по сути, создал новый вариант топоса *доброплодной земли*, показав умение Матрены радоваться урожаю других людей как на признак благодатного восприятия ею Христовой заповеди *возлюби ближнего твоего, как самого себя* (М, 12:31).

Правда, в концовке рассказа, при описании кончины Матрены и утверждении ее праведнической сути, А.И. Солженицын творчески развивает агиографические топосы *imitatio angeli* и столпа, имеющего всероссийское значение; мотив «талой земли» из «Жития Михаила Клопского». Однако, во-вторых, и это главное, тексты «Жития Юлиании Лазаревской» и «Матренина двора» объединяют такие конкретные мотивы, как место действия (Муромский край), специфическое социальное положение (мирянки, ведущие праведнический образ жизни), удаленное расположение храмов и физическая невозможность их посещать, Николай Чудотворец как любимый святой, наконец, общее несчастье: шесть умерших в младенчестве детей. И хотя Матрена, в отличие от своего житийного прототипа, не проявляет сознательности, рациональности в исполнении церковных догматов, однако, по справедливому замечанию А.В. Урманова, *живет по заповедям Христовым <...>, руководствуясь глубоким внутренним чувством, отчасти интуитивно. Ее религиозность проявляется чаще всего в опосредованных, непрямых формах* [9, с. 146].

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси. Том 15. XVII век / РАН. Институт русской литературы (Пушкинский дом); под редакцией Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – 530 с.
2. Гончаров, П. А. «Настоящий женский характер»: мотив праведничества в очерке В. Астафьева «Паруня» / П. А. Гончаров, П. П. Гончаров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – Вып. 3. – С. 161–168.
3. Ковтун, М. В. Иконическая христианская традиция в «Матренином дворе» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина: Проблема авторского диалога / М. В. Ковтун // Филологический класс. – 2013. – № 3.– С. 17–25.
4. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 1 / [составитель и общее редактирование Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступительная статья Д. С. Лихачева]. – Москва : Художественная литература, 1988. – 704 с.
5. Повести о Житии Михаила Клопского / подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 182 с.
6. Руди, Т. Р. «*Imitatioangeli*» (проблемы типологии агиографической топики) / Т. Р. Руди // Русская литература. – 2003. – № 2. – С. 48–59.
7. Руди, Т. Р. «*Яко столи непоколебим*» (об одном агиографическом топосе) / Т. Р. Руди // Труды отдела древнерусской литературы. – 2004. – Т. LV. – С. 211–227.
8. Руди, Т. Р. О композиции и топике житий преподобных / Т. Р. Руди // Труды отдела древнерусской литературы. – 2006. – Т. LVII. – С. 431–500.
9. Урманов, А. В. Рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор»: Комментарий: учебное пособие / А. В. Урманов. – Москва : Флинта, 2018. – 232 с.
10. Шунков, А. В. Житийные традиции в рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» / А. В. Шунков // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2.– С. 22–25.

V.A. Cherkasov

HAGIOGRAPHIC GENESIS OF THE MAIN CHARACTER'S IMAGE IN ALEXANDER SOLZHENITSYN'S STORY «MATRYONA'S PLACE»

This article analyzes the structure of «The Life of St. Juliana Lazarevskaya» as a model for the main character's life story in «Matryona's Place» by A.I. Solzhenitsyn. Many key aspects that made up the image of Matryona are included in the corpus of topics of Old Russian Hagiography. However, the writer significantly adapted them to the sociopolitical realities of Russia in the 1950s. The active use of hagiographic topics when creating the image of Matryona Vasilyevna Grigorieva testifies to the relevance of the religious and ideological plan for A.I. Solzhenitsyn's work in general.

Alexander Isayevich Solzhenitsyn, «Matryona's Place», «The Life of St. Juliana Lazarevskaya», hagiography, topics.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

Н.В. Колгуикова
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

ГОЛОСА МИНУВШИХ ДНЕЙ (К ДНЮ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА И.И. СРЕЗНЕВСКОГО)

В статье дается обзор некрологов из периодической печати к 140-летию со дня кончины академика И.И. Срезневского (8.02.1880) до дня его похорон в родовом с. Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии (16.02.1880). Знакомство с таким газетным жанром, как некролог, дает возможность подытожить знания о подвижнической жизни ученого, о широте и разнообразии его интересов, понять значимость наследия от лица его современников.

И.И. Срезневский, некролог, статья, издания, периодическая печать, день памяти, научное наследие, актуальность.

Ежегодно в феврале в Музее академика И.И. Срезневского Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина проходят Дни памяти выдающегося русского ученого, первого в России доктора славяно-русской филологии. В 2020 году восьмого февраля (по ст. стилю) исполняется 140 лет, как похоронен по своему завещанию И.И. Срезневский, и 30 лет, когда впервые за долгие годы незаслуженного забвения в Рязанском крае официально стали проходить Дни памяти академика И.И. Срезневского.

В «Библиографическом словаре писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно Рязанской губернии)», изданном в Рязани в 1910 г., самая большая статья посвящена жизни и деятельности филолога-слависта И.И. Срезневского. Объемный список его трудов представлен на 20 страницах словаря [1].

На смерть И.И. Срезневского откликнулись ведущие столичные газеты и журналы: «С.-Петербургские ведомости», «Петербургский листок», «Новости», «Московские ведомости», «Голос», «Правда», «Русский филологический вестник», «Исторический вестник», «Новое время», «Древняя и новая Россия», «Молва», «Нива», «Газета Гатцкука». Не остались равнодушными и зарубежные издания, такие как «St. Petersb. Zeit», «Всемирная иллюстрация» и многие другие. В эти же дни появились некрологи и в региональных газетах: «Харьковские губернские ведомости», «Новороссийский телеграф», в том числе «Рязанские епархиальные ведомости», «Рязанские губернские ведомости» [14].

Для рязанцев они ценные еще и тем, что рассказывают о последнем пути всемирно известного ученого в родные края, ведь похоронен он не на знаменитом Волковом кладбище С.-Петербурга, где прожил почти сорок последних лет, а по своему завещанию в далеком селе Срезнево Спасского уезда Рязанской губер-

нии. Отсюда вышел его род – род священников, просветителей, ученых.

Измаил Иванович Срезневский скончался после тяжелой болезни 8 февраля 1880 года. Последний путь ученого в родные края был долгим, но заслужено почетным. Этот путь восстановлен по публикациям того времени. Голоса минувших дней – коллег, соратников, учеников, общественных деятелей, друзей помогают восстановить неординарный облик ученого-подвижника.

10 февраля 1880 года петербургские газеты напечатали объявления, помещенные в траурную рамку: «Измаил Иванович Срезневский скончался в ночь с 8 на 9 февраля. Панихида в 1 ч. и в 8 ½ часов по полудни. Вынос тела из квартиры (1-ая линия. № 40) для отпевания в университетской церкви во вторник, 12 февраля, в 10 часов» [15, л. 4]*. Первыми откликнулись на печальную весть сподвижники и ученики Срезневского: Я.К. Гrot, Г. Дестунис, В. Демидов, В. Ламанский.

11 февраля в газете «Голос» появилась большая статья, посвященная памяти ученого, в ней сообщалось, что «на 68 году жизни скончался неутомимый деятель на поприще славянской филологии, археологии, палеографии и этнографии, академик и заслуженный профессор петербургского университета, праздновавший 5-го апреля прошлого года пятидесятилетие своей ученой деятельности И.И. Срезневский. Имя его пользовалось огромным авторитетом в науке и обществе не только потому, что не было такой области историко-филологического ведения, которой не касались бы работы академика Срезневского, но потому особенно, что под его руководством выработались многие из деятелей нового поколения ученых по

* Памятные материалы о последнем пути И.И. Срезневского в родные края, опубликованные в газетах, см.: СПФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. № 1567. Л. 1–16.

славяно-русской археологии и филологии» [10, л. 6]. Сослуживец по университету В. Демидов в своем некрологе подтверждал: «Всесторонняя и беспристрастная оценка ученой и литературной деятельности почтенного труженика науки составит благодарный предмет для труда, который будет, без сомнения, принят кем-либо из учеников, сподвижников и друзей покойного» [4, л. 8].

Эту мысль в другом некрологе развивает один из любимых учеников Срезневского – Владимир Ламанский: «Заслуженнейший русский профессор и академик, плодовитый писатель, строго ученый-исследователь, И.И. Срезневский был образователем и наставником целых поколений русских славистов, филологов, известных русских ученых, писателей, профессоров и учителей: профессора Сухомлинова, братьев Лавровых, Коркина, Скворцова, Петковича, Добролюбова, Пыпина, Мордовского, Макушева, Л. Майкова, Писарева, Фортунатова, Будиловича, Цветаева, Воскресенского, Малинина и многих других с честью трудающихся в литературе и на педагогическом поприще. Человек большого ума и дарований, многосторонне образованный, живой и энергичный неутомимый работник, И.И. Срезневский имел всегда большое влияние и на всех русских молодых ученых, занимавшихся славянскою филологиею, русскими древностями, русским языком и письменностью. Питомцы других университетов, непосредственные ученики других ученых, состояли с ним в тесных сношениях, получали от него много советов и наставлений, сведений и указаний и сами не раз себя называли и, действительно, могут быть в известной степени признаваемы его учениками, последователями и продолжателями» [7, л. 5].

Газета «С.-Петербургские ведомости» в те дни писала: «Кончина Измаила Ивановича Срезневского болезненно отозвалась не только в ученом и литературном мире, но и в той части общества, которая живо чувствует, живо мыслит, и для которой потеря каждого выдающегося деятеля земли русской есть близкая семейная утрата. Мало людей, которые пользовались при жизни своей такою любовью и всеобщим уважением, как Измайл Иванович. Со всех сторон послышались самые искренние септования и неподдельная печаль о свежей и тяжкой утрате» [17, л. 7].

Друг и соратник Срезневского по академии наук – академик Яков Карлович Гrot – с большой признательностью к достигнутым успехам И.И. Срезневского в своем некрологе написал: «Не прошло еще и года после блистательного юбилея его ученого-литературной деятельности. Этот последний год жизни был, конечно, наполнен для него отрадными воспоминаниями о тех доказательствах признания его заслуг и радужных приветствиях, которые со всех сторон неслись к нему в день 5 апреля 1879 года. Сообщенные тогда сведения о его трудах и ходе жизни должны быть еще свежими в памяти всех интересующихся наукой в России» [3, л. 4]. Гrot особо отметил: «Как член ученой комиссии, он по всякому предмету совещаний умел высказать дальную и часто оригинальную мысль. По глубине и разнородности познаний, по обширности связей голос Срезневского был важен для решения всяких вопросов, встречавшихся в академической и университетской практике» (Там же). «Таким обра-

зом, – сделал заключение Я. Гrot, – потеря его, конечно, весьма чувствительна для обоих учреждений, не говоря о других ученых обществах, в которых он являлся одним из главных деятелей... Имя Срезневского навсегда останется одним из самых почтенных и дорогих в летописях не только русской, но и европейской науки, в летописях наших академий и русских университетов» [3, л. 4].

Другой профессор-коллега В. Демидов в Петербургских ведомостях 12 февраля подтверждает: «Половековая деятельность его на педагогическом и ученом поприще доставила ему громкую и почетную известность во всем образованном мире. Особенно велики заслуги Измаила Ивановича, как ученого слависта, сознавшего 40 лет тому назад, родственную духовную и пламенную связь между Россиею и прочими славянскими народностями и понявшего великое историческое значение этой связи». «Он совершил, – уточняет В. Демидов, – такое громадное количество ученых работ по исследованию отечественного и других славянских языков, по разъяснению древностей и народностей племен славянских, по изданию древних и старинных памятников их литератур, наконец, по истории и библиографии этих литератур, не говоря уже о многочисленных экскурсиях в области знания, сопредельного с его специальностью, что трудов его было бы достаточно для прославления нескольких ученых» [4, л. 10].

Высокую оценку ему в своем некрологе дал любимый ученик Измаила Ивановича В. Ламанский, который и в дальнем сделает немало для сохранения памяти о любимом учителе: «Один из первых насадителей славистики в России, Срезневский оставляет по себе память одного из даровитеших и замечательных славистов в Европе. В истории науки и славянской образованности имя Срезневского никогда не умрет и в благодарной памяти потомства будет всегда вспоминаемо...» [7, л. 5].

Один из некрологов начался словами: «Опадают старые листья. А новые где?» Описание жизненно-го и научного пути И.И. Срезневского продолжилось перечислением достоинств ученого в области «совершенно самостоятельных исследований, каковы, например, «Исследования о языческом богослужении древних славян», «Мысли об истории русского языка», «Исследования о Новгородских летописях», «О древнем русском языке», «Об изучении родного языка» [15, л. 12].

В некрологе газеты «Голос» обращено внимание на издательскую деятельность И.И. Срезневского: «Под его редакцией изданы десять томов “Известий АН” и при них шесть выпусков “Материалов для изъяснительного и сравнительного словаря”, выпуск “Памятников и образцов народного языка и словесности” и, сверх того, семь книг “Ученых записок”. «Помимо этих изданий, – сообщается в некрологе, – в “Журнале Министерства народного просвещения”, в “Вестнике Географического общества”, в “Записках одесского общества истории и древностей”, “Петербургского археологического общества”, “Христианских древностях”, в “Трудах” археологических съездов и разных других периодических изданиях Срезневский поместил огромное число своих ученых работ по истории языка старославянского и русского

и славянских наречий, по этнографии и географии, истории славянской науки, по археологии и истории быта, письменности и литератур славянских, палеографии и издал множество старославянских и древнерусских памятников с филологическим и археологическим разбором» [10, л. 6]. По убеждению автора, «деятельность И.И. Срезневского, вполне подготовившая почву для разработки историко-филологической науки в России, навсегда останется памятной в русском обществе, которое так нуждается в познании своего прошлого» (Там же).

В траурный день прощания с ученым газета «Новое время» откликнулась на то, какую «громадную потерю понесла русская наука»: «Весть о смерти достопочтенного ученого И.И. Срезневского вызвала, как и следовало ожидать, глубокое соболезнование не только в среде ученого мира, но и в среде многочисленных его знакомых, чтивших в нем не только ученого, но и гражданина в лучшем значении этого слова. На панихиде, происходившей в час пополудни 10 февраля в квартире покойного, кроме всего почти профессорского персонала здешнего университета, собралось немало лиц, скорбивших о преждевременной кончине человека, блиставшего не одною своею ученостью, но и прекрасными душевными качествами» [13, л. 10].

Близкий друг семьи Срезневских Я.К. Грот, выражая надежду на продолжение «драгоценного труда» («Словаря древнерусского языка». – Н. К.), с болью и гордостью пишет о духовном завещании покойного: «Но не в одних ученых работах замечается наследие, завещанное покойным многочисленной семьей своей. Он был для нее примером редкого отца и честного гражданина. Всем посещавшим Измаила Ивановича известно, как он умел делить со своими домашними досуги свои, какое живое и деятельное участие принимал в образовании своих детей, каким истинно русским человеком он был по своему патриархальному семейному быту. Будучи образцовым семьянином и первоклассным ученым, он в то же время был верным сыном земли своей и добрым товарищем» [3, л. 4]. Именно семья выполнит одно из завещаний покойного – сумеет закончить его главный труд «Словарь древнерусского языка», который до сих остается пока единственным законченным от А до Я историческим словарем.

Последний путь И.И. Срезневского к месту своего упокоения в далекое село Срезнево начался 14 февраля. Об этом писала газета «Новое время»: «Сегодня происходили похороны И.И. Срезневского. Редко можно у нас видеть такое теплое и сердечное участие к умершему деятелю на поприще науки, какое мы видели сегодня. Покойный никогда не искал популярности теми дешевыми средствами, которых так много, – он был, можно сказать, только поклонником науки, научного образования и в этом одном видел залоги для будущей деятельности молодых людей, выходящих из университета. Сама наука дает направление, ибо она образовывает разум, а теплое участие к судьбам молодого поколения образовывает его сердце и направляет его на добро. Студенты университета всех факультетов, по-видимому, оценили именно так деятельность покойного, соединившись вокруг гроба и отдав самую сердечную дань памяти ученого» [13, л. 9].

Все, что происходило во время похорон подробно описано в газете «С.-Петербургские ведомости»: «Сегодня, в 10 часов утра, происходил вынос тела покойного академика Измаила Ивановича Срезневского из квартиры его по 1-й линии Васильевского острова в университетскую церковь для отпевания. От самой квартиры и до церкви гроб, убранный золотым глазетом с таковыми же позументами и кистями, был несен на руках его сослуживцами и сыновьями покойного, а также представителями учащейся молодежи. Впереди печального кортежа студенты несли три больших лавровых венка с вензелевым изображением имени покойного в середине, сделанным из белых цветов. Каждый венок украшался бантом из белых или черных шелковых лент, на ниспускающихся концах которых серебром и золотом было вытеснено: на первом – «От студентов-славистов С.-Петербургского университета», на втором – «От студентов С.-Петербургского университета» и на третьем, самом большом – «От студентов-филологов». За венками несли на пяти бархатных подушках русские и иностранные ордена и другие знаки отличия, а затем похоронная процессия, сопровождаемая огромною массою студентов, следовала в обыкновенном порядке. В церкви, при совершении литургии и отпевании покойного, между прочим, присутствовали: товарищ главноуправляющего IV отделением собственной Его Величества канцелярии статс-секретарь И.Д. Делянов, попечитель С.-Петербургского учебного округа князь Волконский, товарищ государственного контролера Т.И. Филиппов, тайный советник Георгиевский, многие из академиков Императорской академии наук, ректор университета Бекетов и другие профессора и преподаватели университета, сослуживцы покойного» [18, л. 13].

Корреспондент «Петербургских ведомостей» обратил внимание на окончание обедни, когда «Профessor университета протоиерей В.Г. Рождественский произнес прочувствованное надгробное слово, посвященное памяти покойного и оставившее в слушателях весьма сильное впечатление. Коснувшись скорби, которая оставляет в нас утрату вообще близких людей, проповедник воскликнул: «Что же нужно сказать после этого об утрате, понесенной всем русским обществом, в особенности русскою наукой в лице досточтимейшего Измаила Ивановича?» Потеря эта, – по словам оратора, – была бы невознаградима, если бы покойный не успел создать прочную и славную школу учеников – продолжателей своего великого дела – изучения мира славянского, его языка и истории. Дела таких крупных деятелей, каким был Измаил Иванович, мысли, слова их не умирают вместе с ними» (Там же).

Очертив вкратце деятельность покойного, проповедник указал на ее особенное значение для нас, русских: «Он учил нас пониманию своего родного языка, разумению многотомных сокровищ древней письменности, священной и светской, пониманию самых коренных основ всего исторического быта нашего, – вразумлял в том, что более всего должно было содействовать – и действительно содействовало проявлению нашего национального самосознания, подъему и расширению наших духовных нравственных сил» (Там же).

С особой теплотой автор статьи пишет о семье академика: «Грустную картину представляло послед-

нее прощание с покойным его многочисленного семейства. Даже у постороннего зрителя невольно нарывались на глазах слезы» [18, л. 13].

Весь этот траурный путь был освещен в периодической печати достаточно подробно: «Из университетской церкви печальная процессия прежним порядком направилась к Знаменской церкви, где гроб покойного был оставлен в часовне до отправления по железной дороге в Рязанскую губернию, в сельцо Срезнево, Спасского уезда, из которого происходит род Срезневских» [16, с. 297].

Несмотря на долгий путь через Николаевский мост, студенты университета всех факультетов, чередуясь, несли гроб покойного до самой часовни Знаменской церкви. Газета «Новое время» добавляет подробности: «Гроб был тяжелый: в деревянном помещался еще цинковый. Несмотря на это, вынесенный на руках профессоров гроб принял студенты университета. Все время пути сопровождавшая гроб масса студентов с удивительным единодушием пела “Святый Боже”, чем производила огромное впечатление на встречающихся. У часовни Знаменской церкви, после литии, студентом Батюшковым было прочитано глубокое, пронесенное, написанное им стихотворение» [13, л. 9].

Надо отметить, что для москвичей газета «Московские ведомости» все траурные события тщательным образом отображала на своих страницах. Хроника их началась словами: «Русская наука понесла громадную потерю», объявлением ежедневной панихиды по И.И. Срезневскому и датой прибытия тела в Москву для препровождения в Рязань [8, л. 14].

«В четверг в ¾ второго часа дня, – сообщается в другой газете, – тело покойного И.И. Срезневского было перенесено на Николаевский вокзал для отправления с почтовым поездом для погребения» [9, л. 14].

Остановимся на хронике 16 февраля: «Сегодня, 15 февраля, в 10 часов утра было привезено из Петербурга тело ординарного академика Императорской академии наук и профессора славянских наречий в Петербургском университете, тайного советника Измаила Ивановича Срезневского. Панихида была назначена в вагоне Рязанской железной дороги, по которой повезли тело в село Срезнево, Спасского уезда, в 60 верстах от Рязани. Панихиду было предположено отслужить отцу архимандриту Данилову монастыря Амфилохию, члену Археологического общества. К 10 часам собрались на Рязанском вокзале члены Археологического и московского истории и древностей общества, а на Николаевском ректор университета со всеми профессорами филологического факультета и более трехсот студентов. Тут же находились преосвященный Алексий, епископ Можайский, архимандрит Амфилохий, синодальный ризничий архимандрит Иосиф и прочее духовенство.

С Николаевского вокзала на Рязанский, – читаем в хронике, – процессия двинулась через площадь. Непосредственно за преосвященным студенты Московского университета несли три лавровых венка, а за ними гроб покойного, сопровождаемый профессорами и студентами. Гроб был поставлен в приготовленный для него вагон, где преосвященным Алексием совершена была панихида по усопшему. После того через четверть часа поезд тронулся.

Так Москва встретила и проводила останки досточтимого Русского ученого, человека прямой и неподкупной честности и гражданина, никогда не колебавшегося в верности своему делу» [8, л. 14].

И, наконец, важные сведения об этом событии читаем в «Рязанских епархиальных ведомостях»: «15 сего февраля, в 6 1/2 часов вечера, с пассажирским поездом из Москвы привезено было в Рязань тело покойного известного ученого, заслуженного профессора С.-Петербургского университета и члена Императорской академии наук, тайного советника Измаила Ивановича Срезневского, препровождаемое в имение его, село Срезнево Спасского уезда. Для встречи покойного прибыл на вокзал архимандрит Рязанского Троицкого монастыря Владимир с братией, который по выносе тела из вагона тотчас же, в сослужении своей братии, при стечении пассажиров и многих граждан г. Рязани, в присутствии сопровождавшей семьи и родных почившего, отправил заупокойную литию, в конце которой, пред возглашением ему вечной памяти, священник, магистр богословия Н.В. Любомудров, прибывший сюда отдать долг почтения знаменитому ученому, произнес следующую краткую речь:

“Мир праху твоему, достоуважаемый Измаил Иванович! Имея некогда счастье пользоваться твоими глубоко научными наставлениями и состоять сочленом руководимого тобою Русского Императорского Археологического общества, ныне приветствуя здесь тебя, великий труженик науки, на пути следования твоего к вечному покою.

Жители Рязани! К вам обращаю мое слово. Этот доблестный муж, бескорыстный служитель науки, для которого она была священнее и выше всего и которой он оказал неоценимые заслуги, этот высокий наставник и просветитель отечественного юношества, которое тысячами обязано ему своим образованием, этот неутомимый деятель, которого мысль, труд и служение посвящены были целому отечеству нашему, принадлежит нам – рязанцам по корню рода своего, села Срезнева, Спасского уезда, куда и препровождаются его останки. Счастлив Рязанский край, что ему досталось принять в свои недра и чтить своею памятью драгоценный прах сего незабвенного для науки и отечества мужа!

Почтим память его нашею любовью и вашими молитвами, и дай Бог, чтобы из среды рязанцев являлись еще и еще столь славные деятели, которые, составляя честь и украшение своей родины, зиждут и устроят величие и общее благоденствие богохранимого нашего отечества. Вечная тебе память, бескорыстный деятель науки и верный служитель отечества, вечная тебе память!”

Затем гроб в сопровождении, того же архимандрита с братией, перевезен был в Троицкий монастырь, где, по отправлении торжественной панихиды, и стоял до утренней службы, по окончании которой, 16 числа, гроб отправлен был по назначению в село Срезнево» [2, с. 150–151].

Санный кортеж несколько часов добирался до села. Там, на сельском кладбище, за алтарем церкви Покрова Бого诞и, февральским вынужденным днем был похоронен знаменитый ученый-подвижник, истинный гражданин своего отечества. Вот уже 140 лет крест из

черного гранита, вопреки всем невзгодам времени, возвышается на далеком сельском кладбище.

Закончим обзор некрологов добрыми словами друга и сподвижника И.И. Срезневского по университету Г. Дестуниса: «Почтим благодарным словом память почившего Измаила Ивановича Срезневского, человека, глубоко преданного науке, добру, порядку. Верная оценка его научного подвигничества – дело будущего. Людям, любившим и почитавшим Измаила Ивановича, до конца их жизни незабвенные будут его умные, полные творчества беседы, в которых раскрывал он свои научные взгляды и выводы, особенно в тех областях знания, где он был полным хозяином. От того многие и дорожили его беседами и готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекций. Люди разных возрастов и поколений, не одни слушатели его лекций, но и соучастники его бесед, будут помнить его, пока дышат. Всем нам известно, что отметить в людях основательное знание, энергичное трудолюбие, нарождающийся талант, и своим почином, не ожидая влияния извне, содействовать им к достижению научных целей, дать им возможность быть полезными обществу, – это дело немногих: к числу сих немногих избранных принадлежал Измаил Иванович Срезневский. Вспомним, с какою силою таланта, как неутомимо, как всецело отдавался он высокому призванию – произносить полную и справедливую оценку своих предшественников, своих старших и младших современников на трудном по-прище славянской науки (ср. в этом смысле последние работы А.А. Шахматова: [18]); вспомним, как охотно, с какою любовью этот истинный знаток науки прозревал в юных ее служителях первые зародыши их дарований. Потрудился он недаром, неустанный строитель науки новой, – и благо ему и вечная ему память» [5, л. 7].

Ученый прожил яркую жизнь, оставил большое научное наследие, до сегодняшнего дня сохранившее актуальность (см. подробнее: [6; 11; 12]). Каждое слово, каждая фраза из вышепредставленных текстов подтверждают проверенные временем мысли и знания о замечательном труженике науки. Обзорное знакомство с таким видом газетного жанра, как некрологи, помогает убедиться в необходимости сохранения памяти о выдающихся людях и передаче ее последующим поколениям.

Источники

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

Литература

1. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии / составитель Добролюбов И. В., доп. С. Д. Яхонтов; предисловие И. Н. Гаврилова. – Репринтное издание. – Ря-

зань: Издательство Рязанского государственного педагогического университета, 1995. – С. 254–272.

2. Встреча и проводы праха покойного академика И. И. Срезневского // Рязанские епархиальные ведомости. – 1880. – № 5. – С. 149–151.

3. Грот, Я. К. Некролог / Я. К. Грот // Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 10 февраля. – № 42; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

4. Демидов, В. И. И. Срезневский (Некролог) / В. И. Демидов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 12 февраля. – № 43; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

5. Дестунис, Г. С. Памяти И. И. Срезневского / Г. С. Дестунис // Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 12 февраля. – № 43; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

6. Колгушкина, Н. В. Академик И. И. Срезневский в культурном пространстве России / Н. В. Колгушкина. – Рязань : РГУ имени С.А. Есенина, 2011. – 396 с.

7. Ламанский, В. И. Измаил Иванович Срезневский / В. И. Ламанский // Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 11 февраля. – № 42; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

8. Московские ведомости. – 1880. – 16 февраля. – № 46; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

9. Некролог // Газета А. Гатцука. – 1880. – 16 февраля. – № 7; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

10. Некролог // Голос. – 1880. – 11 февраля. – № 42; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

11. Никитин, О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века) : автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. В. Никитин. – Москва : МГОУ, 2000. – 30 с.

12. Никитин, О. В. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) / О. В. Никитин // Русская речь. – 2002. – № 3. – С. 62–67.

13. Новое время. – 1880. – 12 февраля. – № 42; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

14. Памяти Измаила Ивановича Срезневского // Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 11 февраля. – № 42; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

15. Петербургский листок. – 1880. – 11 февраля. – № 30; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

16. Русский биографический словарь (Смеловский – Суворина) / издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцева. – Санкт-Петербург, 1909. – С. 276–300.

17. Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 12 февраля. – № 44; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

18. Санкт-Петербургские ведомости. – 1880. – 16 февраля. – № 46; СПФ АРАН. – Ф. 216. – Оп. 3. – Ед. хр. № 1567. – Л. 1–16.

19. Шахматов, А. А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющими Россию / А. А. Шахматов // Московский журнал. История государства Российского. – 1999. – № 9. – С. 21–28.

N.V. Kolgushkina

VOICES OF YESTERYEAR (IN MEMORY OF ACADEMICIAN IZMAIL I. SREZNEVSKY)

The article provides an overview of obituaries from the periodicals to commemorate the 140th anniversary of Academician I. I. Sreznevsky's death. The obituaries are dated from his death (8 February 1812) until the day of the funeral in his ancestral village of Sreznevo in the Spassky district of the Ryazan province (16 February 1812). Studying obituaries as a newspaper genre makes it possible to summarize the information about this distinguished scholar's ascetic life and the scope and diversity of his interests. It also helps to understand the significance of the heritage from his contemporaries' point of view.

Izmail Ivanovich Sreznevsky, obituary, article, publications, periodicals, the day of remembrance, scientific heritage, relevance.

Ю.В. Милотина

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ СВОЙСТВЕННОГО РОДСТВА В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье анализируется одна из лексико-семантических групп тематической группы «Наименования лиц» на материале брянских диалектов. Привлекаются материалы других русских говоров, а также близкородственных восточнославянских языков. делаются выводы об активных контактах брянских говоров с белорусским и украинским языками, что обусловлено территориальным расположением Брянской области.

Диалект, семантика, своеобразное родство, брянские говоры, лексико-семантическая группа, близкородственные восточнославянские языки.

Терминология свойственного родства противостоит кровному родству как родство по браку. Между ними, однако, существует теснейшая взаимосвязь. Свойство образуется вследствие сближения прежде неродственных лиц через заключение брака. Вместе с тем, отмечает О.Н. Трубачев, в основе каждого кровного родства лежит своеобразное родство, а именно сближение не родственных кровно родителей [15, с. 88]. Такое современное понимание свойственного (брачного) родства имеет свою длительную историю. Оно было постепенно выработано человечеством в результате оформившегося еще в родовую древность запрета кровосмесительства (т.е. брака кровно родственных особей) и выражалось в том, что жены выбирались, как правило, за пределами своего численно небольшого, связанного кровными узами рода. «Свойство, — пишет Ю.И. Семенов, — есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов. Каждый родственник одного из супругов для другого супруга и его родственников является «родственником» [12, с. 23]. Для обозначения отношений свойства, естественно, также существуют особые термины (зять, тестя, тёща, золовка и т. д.).

Нужно отметить, что свойство приравнивалось к кровному родству, что вытекает из самой семантики терминов: *свекор-батюшка* в русских народных песнях, болг. *диал.* *дядо, баба* в значениях «свекор», «свекровь» [15, с. 88]. Добавим, что об этом же говорят слова *отец, мать* в этих же значениях в современном народном словоупотреблении. Терминология свойства не так многочисленна, как терминология кровного родства, но очень сложна и многогранна. Она включает следующие лексические единицы: *свёкор, свекровь* — жене сына; *тестя, тёща* — мужу дочери; *невестка, сноха* — родителям мужа; *зять* — родителям жены; *золовка* — сестра мужа по отношению к его жене; *деверь* — брат мужа по отношению к его жене; *шурин* — брат жены по отношению к ее мужу.

Заметим, что памятники деловой письменности прошлых веков также могут фиксировать отдельные наименования свойственного родства, но в официаль-

ном ключе. Причем здесь большое место играет социальный уровень просителя, как например, *служительская жена* [8, с. 97] и т.п. Вообще русская приказная речь, вопреки сложившемуся мнению о клишированности, часто выходит за жанровый стандарт и может включаться в языковую игру с разными стилями и жанрами устной и письменной культуры (см. подробнее: [9]). И в этом случае терминология родства будет представлять особый интерес для исследователя. Более разветвленная система наименований характерна для говоров, причем как для северных, так и для южных. Лексикографические источники фиксируют большое разнообразие форм.

Так, в словарях брянских говоров зафиксированы следующие термины свойства: *свекруха, влазень, примák, дёверь, дёнка, своячения, шурьяк, ятровка*.

В современном русском литературном языке *свекровью* называют мать мужа [11, с. 700]. В.И. Даль представляет широкий синонимический словообразовательный ряд к лексеме *свекровь*: *свекра, свекрова, свекровка, свекровья, свекруха* [3, т. IV, с. 146]. А.Д. Нечаев еще в 1914 г. зафиксировал номинатив *свекруха* в песнях, записанных в с. Гарцеве С-д. уезда: (*Чым ты свою съякруху падаруешь?*) [7, с. 21]. П.А. Растрогуев отметил данную лексему в юго-западных говорах Брянщины (Лакомая Буда) (*Свекруха жалилась на тебе*) [12, с. 237]. В лингвистике известен общеславянский генезис слова, современная форма которого ведет свое начало от др.-рус. *свекръвь*. Происхождение лексемы, с фонетической стороны, носит «хрестоматийный» характер, во всех учебниках по старославянскому языку и исторической грамматике, объясняясь как образец: *свекръвь* — форма вин. п. ед. ч. существительного *свекры*, которая стала восприниматься как им. п. ед. ч. в связи с переходом этого имени из *ы-основ* в склонение *и-основ* с изменением под ударением *ъ* в *о* и утратой конечного согласного *ь*. Однако для решения задачи установления денотативных смыслов древних терминов родства важнее определить внутреннюю форму термина. И здесь интересна мысль В.В. Колесова, подчеркивающего генетическую общность корня в словах *сестра, свекровь*

и, в связи с этим толкующего слово *свекровь* как «своя кровь» [5, с. 36]. В русских говорах данный номинатив преобразован по типу продуктивной группы *a-основ* с частотной для русского языка финалью: *свекра*, *свекрова*. Г.П. Цыганенко полагает, что праслав. *свекры* (**svekrъ*) развилось из **svesry*, в котором первая часть **sve-* значит «свой, своя», а вторая часть **sry-* с неизвестным первоначальным значением по народной этимологии была заменена элементом **-kry* под влиянием славянского *кры* «кровь» [22, с. 411].

Данное слово пережило сложную не только семантическую, но и фонетико-морфологическую историю, отображенную, естественно, в говорах, где широко представлены древнейшая общеславянская форма *свекры* и производное *свекруха*, довольно распространенная как на юге, так и на севере России (в курск., смол., ряз., моск., новг., пенз., ворон., дон., перм., сиб., амур., хабар., камч. говорах [16, т. XXXVI, с. 232]. В белорусском языке, наряду с формой *свякроу*, широко известна лексема *свякрұха* [8, с. 302], в украинском, наряду с литературным словом *свекруха*, отмечаются ум.-ласк. формы *свекрівонька*, известная и говорам русского языка *свекрушенька*, а также унич.-увел. форма *свекрушице* [13, с. 1073]. Что касается распространности наименования *свекруха*, то оно широко известно в указанном значении как на юге, так и на севере России: в курск., смол., ряз., моск., новг., пенз., ворон., дон., перм., сиб., амур., хабар., камч. говорах [16, т. XXXVI, с. 232].

История слова *свёкор* («отец мужа») однообразнее. Думается, что это однообразие ведет свое начало от древнейшей эпохи, в которую прежде возникали имена родственников по женской линии, именно по ней в то время члены общества входили в число «своих», мужские же имена, как пишет В.В. Колесов, просто «подстраивались» под созданные ранее элементы такого «женского» ряда [5, с. 37]. В современных славянских языках ситуация выглядит противоположным образом. Варианты общеславянской формы *svekrъ* известны, естественно, также в других славянских языках: блр., укр. *свекор*, болг. *свекър*, чеш. *svekr*, слвц. *svokor*, польск. *siwiecier* [21, т. III, с. 571–572]. Форма м. р. *свекръ* восходит к праслав. **suekrъs*, из и.-е. **suekrūs* с корнем **sue-> *sve* – «свой». Вторая часть **kr- < *kur-*, как полагают исследователи, соотносится с греч. словом *kyrios* – в многоворящем значении: «имеющий силу, власть», «господин» [22, с. 411]. В говорах русского языка, если судить по лексикографическим источникам, фонетико-словообразовательных вариантов данного слова значительно меньше, чем у лексемы *свекровь*. В брянских словарях не приводится никакой соотносительной формы м. р. Можем указать на лексему с мягкой финалью *свёкорь* – в пензенских и рязанских говорах [16, т. XXXVI, с. 231].

Тесть – «отец жены», ум.-ласк. *тестюшка*, *тёща* – «матер жены» [11, с. 796, 798]. Этимология древнего славянского слова *тесть* не считается окончательно выясненной. Оно оформилось поздно и по-разному в отдельных языках [17, с. 128]. Так, Г.П. Цыганенко полагает, что слово *тьсть* возникло на славянской почве из и.-е. **tektъ*, являющегося суффиксальным образованием от глагольной формы **tek* – «рождаться», родственное греч. *tiktō* «рождаю», *tekōn* «родитель,

отец». От сущ. **tystъ > тьсть* в праслав. период с помощью суффикса *-j-a* образовано слово **tystja* – «мать жены», из которого развилось и современное *тёща* [22, с. 476]. М. Фасмер видит в рассматриваемом слове родство с др.-prus. *tisties* «тесть». В нем обычно видят ласк. оттенок, связывая его частично со словом *тётя*, частично – с греч. *tuita* «батюшка, отец» [21, т. IV, с. 51–52]. Номинатив *тёща*, образованный от слова *тесть*, известен многим славянским языкам: укр. *теща* [20, с. 946], блр. *цеца* (не ё), болг. *тъща*, чеш. *testice*, слвц. *testina* [21, т. IV, с. 54]. В русском языке название *тёща* отмечается словарями с 1704 года (Поликарпов, 12, об) [18, т. II, с. 243].

Женщину по отношению к родителям мужа, жену брата или жену сына, а также замужнюю женщину по отношению к братьям и сестрам ее мужа именуют *невесткой* [11, с. 401–402]. К этому слову, широко представленному в речи брянцев любого возраста, синонимом служит лексема *дя́нка* (*Братъва жана – дянка па-нашиму, как была раньши дянка, так и сталась дянка*) [15, т. V, с. 52]. Данное слово зафиксировано словарями лишь в смоленских говорах в значении «жена дяди» [16, т. VIII, с. 308].

В современной системе терминов свойства выделяют лексему *сноха* – «женщина по отношению к отцу и матери ее мужа, невестка» [11, с. 737]. Данный номинатив известен и в других слав. языках: ц.-слав. *съхъа*, болг. *съхъа*, словен. *snaha* [21, т. III, с. 700]. О.Н. Трубачев связывает этот агентив с и.-е. **sneiē* – «вязать», откуда выводят рус. *сновать* [17, с. 131]. Таким образом, можно предположить, что это слово произошло от глагола *vedti* – «знать, ведать», в котором сочетание *dt* > *st* и имело первоначальное значение «неизвестная, незнакомая». В.И. Даляр усматривал семантическую и словообразовательную связь лексемы *сноха* с синонимичной бытующей во влад. и тамб. говорах лексемой *сношеница*, а также *сыновка* – «жена сына, сноха, невестка» [3, т. IV, с. 249]. Однако эти лексемы не нашли отражения в современной терминологии родства.

На происхождение общеславянского термина *зять* в значении «муж дочери или сестры» [11, с. 234] в науке нет единого взгляда. Г.П. Цыганенко считает, что оно восходит к праслав. **zētъ* «родной, свой», «единокровный», которое развилось из **genti* [22, с. 106]. Н.М. Шанский предполагал, что это слово восходит к той же основе, что и глагол *знать*, но на иной ступени чередования. Первоначальное значение – «знакомый, известный, тот, кого знаю» (греч. *gnotos* – «знакомый») [19, с. 167].

В брянских говорах зафиксирован номинатив *влáзень*, называющий зятя, живущего у родителей жены. (*А брат-та твой влазинь, патаму што у тестя живеть*) [1, с. 51]. В процессе развития родственных отношений и системы их языкового выражения во многих говорах возникали вторичные названия этих отношений, детализировались обозначения, отражая потребности межличностного общения. Так, для обозначения зятя, принятого в дом жены, появился агентив *прымák* (*Муж к женки пришоу – ён называється прымак*), известный далеко не только в брянских [1, с. 282], и не только во многих других русских говорах обоих наречий (курск., краснодар., волог.,

арх., киров., костром., новосиб., свердл. и др.) [16, т. XXXI, с. 285], но и в славянских языках (блр. диал. *приймáч*, укр. *приймáк*, болг. диал. *привидинíк*) [17, с. 131]. Женщину, принявшую мужа в свой дом, называют на Брянщине *приымкой* [1, с. 282]. Отличие фонетического облика слова в белорусском и украинском языках от русской словоформы обусловлено, думается, обликом производящей основы инфинитива в украинском языке *приимáти* (в блр. иначе: *прыматъ, братъ*). В данном случае украинский язык не повлиял даже на пограничные брянские говоры. Не отразилось, понятно, это влияние и на смоленских говорах, не граничащих с украинским языком: в них известно слово *зять – применъ «зять, принятый в дом тестя»* [16, т. XII, с. 51].

В брянских говорах отмечено наличие слова *влáзны* в значении «новоселье» [1, с. 52]. Однако лексемы *влáзень* в значении «зять, принятый в дом невесты или тестя» в словаре не находим, что, однако, не обязательно свидетельствует об отсутствии этого слова в самом говоре. Но эта лексема с твердой финалью в этом же значении, видимо, известна в других русских говорах: твер., пенз., яросл., урал. [16, т. IV, с. 317]. Этот материал интересен также с позиций номинации: налицо случай, когда в трех близкородственных языках используется один и тот же мотивировочный признак, связанный с семой действия, движения внутрь («влазить», «входить»), но выбор конкретного слова в каждом из языков свой: в брян., как мы уже указали, *влазины*, в блр. *увахóдзины*, в укр., сближаясь с блр. языком, *вхідчини*. Агентив *примак* в значении «муж, принятый в дом жены» функционирует в курск., краснодар., волог., арх., киров., костром., новосиб., свердл. говорах [16, т. XXXI, с. 285].

В русском общенародном языке в значении «сестра мужа» используется лексема *золовка* [11, с. 232]. О.Н. Трубачев отмечает, что это генетически общеслав. слово в форме **zvly* (укр. *золвица*, сп.-болг. *зълва*, болг. *зълва*, золва) в зап.-сл. языках уже почти забыто [17, с. 136]. В словарях брянских говоров лексема *золовка* в указанном значении также не зафиксирована. М. Фасмер отмечает слово в диалектных формах: *золва*, *золвица*, а также в других славянских языках: укр. *золвица*, болг. *зълва*, зап.-болг. *золва* и др. [21, т. II, с. 103]. Н.М. Шанский указывает на собств.-рус. образование данного номинатива от формы *зъльва*, являющейся видоизменением общеслав. **zvly* [19, с. 165].

Словарями брянских говоров лексема *золовка* не зафиксирована, однако в значении «жена брата, невестка» она нашла отражение в других русских говорах: олон. и твер. [16, т. XI, с. 328]. В говорах Брянщины хорошо известно диалектное слово для обозначения другой родственницы – жены брата мужа: *я́тровка*. (*Я и Марея – ятраки, наши мужыки – братия родныя*) (Клим. р-н) [1, с. 380]. Это именование восходит к прасл. **jetry* – ятровъ, относившееся к древней группе имен с основой на гласный *ī*. Др.-рус. распространение слова подтверждается наличием его словообразовательных вариантов в укр. *ятрівка* – «свояченица, невестка, жена деверя», почти вышедшие из употребления. В блр.: *ятрóвка, ятróука* – «жена братня, невестка» [2, с. 19]. Как видим, в

брянских говорах значение древнего слова изменилось, начав обозначать единицу родственных отношений более удаленной ступени. Можно предполагать, что в др.-рус. языке слово имело семантику синкетического, диффузного характера, расплывчатую, нечеткую. Об этом свидетельствуют обнаруженные в далеком прошлом значения этого слова: др.-рус. *ятыры*, рус. устар. диал. *ятровъ, ятрова, ятровка, ятровья, ятровица* – жена деверя, жена шурина, жена брата (деверя), *ятрови* – жены братьев между собой, *ятровья* – «свояченица», *ятроука* – «невестка» [17, с. 137]. Следовательно, брянские говоры по данному лексико-семантическому варианту отражают типичную др.-рус. особенность.

Функцию языкового обозначения брата жены в брянских говорах (точнее в новозыбковском говоре) выполняет лексема *шурýк* – «братья жены; шурин» (*Шурýк патсобить усадьбу пасеить*) [1, с. 376], вариант русской общенародной лексемы *шурин* [9, с. 902], являющегося др.-русск. производным от древнего *шурь* с присоединенным к нему со значением единичности суффиксом *-инъ*. В др.-рус. *шурин* – «братья жены», *шуричь* – «сын шурина», *шуря* – «шурья, братья жены», рус. *шурин* – «братья жены», укр. *шуряк* [17, с. 139]. В ст.-сл. и сербохорв. известны формы *шуръя, шура* [19, с. 516]. Вариант *шурýк* объединяет брянский ареал с курскими, а также с отдаленными вологодскими говорами.

Брянские говоры как часть русского национального языка сохраняют, как мы видим, в своем составе немалое число древних терминов родства и свойства. К ним относятся и лексема *дéверь* (собир. *деверьё*) в значении «братья мужа». (*Мужык брат мне деверь*) (Почеп. р-н). (*Дивирьё – эта маево мужа братья*) (Дятьк. р-н). (*Адин – дивирь, а много – дивярьё*) (Бр., Рогн. р-ны) [15, т. V, с. 11]. Слово известно и другим славянским языкам: укр. *díver*, блр. *дзевер*, болг. *девер* [21, т. I, с. 491]. Имея генетически и.-е. характер, основа представлена и в неславянских языках: др.-инд. *devar*, греч. *daer*, лит. *dieveris* [19, с. 122]. Лучше всего, как отмечает О.Н. Трубачев, слово сохранилось в восточных и южных славянских языках, в то время как в западных оно в основном уже вытеснено [17, с. 134]. В.В. Колесов возводит эту форму к праформе **daiuēr* в исходном значении «дитя, мальчик», впоследствии фонетически изменившейся в сохранившуюся до сих пор словоформу. Примечательно предположение ученого о том, что слово на промежуточном этапе выступало в значении «младший брат, который в роду обладал правами сына», отражающая, как подчеркивает автор, родство в семье, в которую входила невеста [5, с. 35]. Лексема *деверьё*, кроме брянских, известна в соседних смол. говорах, но, кроме того, в пск., яросл., новг. говорах [16, т. VII, с. 314]. Все эти названия отживаются в русском языке, употребляются сбивчиво, их старое терминологическое значение забывается, сами они уступают место новым, спр. влад. *сношеницы* – «жены братьев» [6, с. 86].

Микрогруппа наименований *свояченица, свояк* в брянских говорах малочисленна. Ее семантической приметой являются производные от и.-е. корня **sue-* – «свой», морфологической словоизводной основы,

т.к. через нее определяют лиц, породнившихся через брак родичей, как «своих». Однако «своими» становились в сознании древних уже не только родственники, но и чужие. По этой причине термины *свояк*, *сват* В.В. Колесов признает более поздними, и они были связаны уже не только с мужской линией родства, а с некоторыми чисто территориальными отношениями между людьми [5, с. 37].

В брянских говорах мужа сестры жены традиционно называют *свояком*, сестру же жены – *свояченицей* и более краткой формой – *свояченей*. (*Сястра жыны мне даводица сваячиняй*) [1, с. 307]. Составители словаря обнаружили эту форму в н-з., поч. и пог. говорах, т.е. на достаточно широкой территории области. Краткие же формы, хотя и иначе оформленные, обнаруживаются в укр. языке: *своячка* и диал. *своякиня* [13, с. 1079]. Лексемы *своячина*, *свойчина* выступают в некоторых русских говорах многозначными. Свойственное же брянским говорам значение – «сестра жены, своячница» – отмечается авторами СРНГ как основное и довольно широко распространенное в русском диалектном языке: в орл., рост., пск., новг., волог., влад., пенз., самар., вят., перм., урал., новосиб., омск., кемер., иркут., краснояр., курск., тамб., смол., дон., ворон. говорах [16, т. XXXVI, с. 329–330]. Слово можно считать общеславянским. Функционирует слово во многих славянских языках: укр. и блр. *свояк*, болг. *свояк*, *свако*, словен. *svojak*, слвц. *svak*, польск. *swojak* [21, т. III, с. 584].

В другую микрогруппу входят слова *свáт*, *свáтья*, объединяемые функцией называния через брак детей или родственников и именующие родителей молодых и их родственников по отношению друг к другу. П.А. Растворгуевым зафиксирована словоформа *свáшки* как форма мн. ч. существительного, при этом составитель словаря отметил, что такая форма употребляется чаще, чем ед. ч. [12, с. 237]. Восстановливаемая форма ед. ч. должна, видимо, быть *свáшка*. Существенно, что такую форму (наряду со словом *сваха*) мы находим в украинском языке [13, с. 1072]. *Сватом* именуют в украинском языке отца зятя или невестки, при этом известна и другая лексема с данным корнем, но в ином значении: *свáтach* – «жених» [20, с. 836]. Наши поиски в белорусском языке привели к лексемам *свáцца* (*сваха*), *свáтья* (мать одного из молодых супругов по отношению к матери или отцу другой) [8, с. 786]. Отметим, что у слова *сват* выработалось значение «строитель свадьбы, сватающий», оно как новое имя деятеля образовало семантико-морфологическую пару с глаголом *сватать*. Эти отношения выявляют неисконный характер узких специальных значений. Крайней точкой этого процесса является слово *сваха*, известное в брянских говорах как женщина, занимающаяся устройством браков. П.А. Растворгуев зафиксировал в словаре данную лексему во мн. ч. *свáшки*, отмечая, что она употребляется чаще [12, с. 237].

О.Н. Трубачев, указывая, что лексема *сваха* образована по типу женских профессий, оканчивающихся на -ха (*пряха*, *портниха*), акцентировал внимание на том, что эта форма ошибочна и правильное женское образование от слова *сват* – *свáтья* – «родственница, близкая женщина» [17, с. 145]. В истории вост.-сл.

терминов родства замечается примечательная особенность: термины кровного родства тесно взаимодействуют с терминами свойства, как бы «накладываются» на них: к свекру и свекрови было принято (да и сейчас еще это не ушло полностью) обращаться *батюшкой* и *матушкой*, братьев мужа (*деверей*) называть братьями, а его сестер (*золовок*) – сестрами, сестрицами [4, с. 102]. Это, на наш взгляд, объясняется, по меньшей мере, двумя причинами: подчеркиванием теплоты отношения и утратой современными поколениями знаний о традиционных, идущих с незапамятных времен тонкостей семантики традиционной системы терминов.

Литература

- Брянский областной словарь / под редакцией Н. И. Курганской. – Брянск : БГУ, 2007. – 381 с.
- Бурячок, А. А. Назвиспорідненості і свояцтва в українській мові / А. А. Бурячок. – Київ : АН УРСР, 1961. – 120 с.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1978–1980.
- Качинская, И. Б. Матушка да батюшко / И. Б. Качинская // Русская речь. – 2008. – № 2. – С. 102–108.
- Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. – Ленинград : ЛГУ, 1986. – 312 с.
- Лавровский, П. А. Коренное значение в названиях родства у славян / П. А. Лавровский. – Санкт-Петербург : Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
- Нечаев, В. Д. Песни, записанные в селе Гарцеве Стародубского уезда / В. Д. Нечаев. – Варшава : Варшавские известия, 1914. – С. 112–121.
- Никитин, О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789) / О. В. Никитин. – Москва ; Смоленск : СГПУ, 2001. – 129 с.
- Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. В. Никитин. – Москва : МГОУ, 2004. – 47 с.
- Новейший русско-белорусский и белорусско-русский словарь / авторы-составители: З. И. Бадевич, Ж. Е. Белокурская, Н. А. Борковская. – Минск : Родиола-плюс, 2007. – 213 с.
- Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 944 с.
- Растворгуев, П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Растворгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с.
- Российско-украинский словарник / под редакцией В. В. Жайворонка. – Київ : Абрис, 2003. – 1424 с.
- Семенов, Ю. И. Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. – Москва : Мысль, 1974. – 308 с.
- Словарь брянских говоров / под редакцией В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. – Ленинград : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–1988. – Вып. 1–5.
- Словарь русских народных говоров / под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965–2007. – Вып. 1–41.
- Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – Москва : URSS, 2006. – 250 с.
- Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 томах / П. Я. Черных. – 3-е изд. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1. – 624 с. – Т. 2. – 560 с.

19. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 1975. – 536 с.
20. Украинско-русский словарь / под редакцией В. С. Ильина. – Киев : Наукова Думка, 1964. – 1064 с.
21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1964–1973.
22. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев : Рад. школа, 1970. – 598 с.

Yu.V. Milyutina

**LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE WORDS DENOTING RELATIONSHIPS
BY MARRIAGE IN BRYANSK DIALECTS**

The article analyzes a lexical-semantic group of words belonging to the thematic group "Kinship terms". The material from the Bryansk dialects as well as from other Russian dialects and closely related East Slavic languages is used. The author comes to the conclusion about active connections between the Bryansk dialects and Belarusian and Ukrainian due to the location of the Bryansk oblast.

Dialect, semantics, relationship by marriage, the Bryansk dialects, lexical-semantic group of words, closely related East Slavic languages.

E.YO. Юкина

Московский государственный областной университет

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются языковые и стилистические характеристики художественных текстов заявленной тематики. Выявлены основные особенности лексики, стилистические приемы, типичные эмоции, испытываемые людьми с инвалидностью и направленные на них, и языковые средства их передачи.

Стилистика, экспрессивность, эмоции, оценочность, политкорректность, профессионализмы, невербальная коммуникация.

Введение

В настоящее время в обществе достаточно много внимания уделяется аспектам предоставления равных возможностей людям с разным состоянием здоровья. Возрастающая тенденция к политкорректности прослеживается в текстах различной тематики, стилей и жанров. В современной художественной литературе, однако, подобная проблематика рассматривается с учетом сюжетных и языковых особенностей произведения.

Целью данной статьи является выявление психолингвистических особенностей современных англоязычных художественных текстов, содержащих описание людей с инвалидностью.

Основные задачи заключаются в установлении лексической специфики таких текстов, в выявлении основных стилистических средств, влияющих на формирование экспрессивности текста; определении и характеристике языковых средств выражения доминирующих эмоций и самовосприятия персонажей в связи с их инвалидностью, а также эмоций окружающих по отношению к ним.

К использованным методам исследования относятся такие общенаучные методы, как анализ и синтез, обобщение и классификация языкового материала, индукция и дедукция. Для выявления экспрессивного потенциала текста использовались метод контекстного анализа и метод дискурсивного анализа диалогической речи.

Теоретическая значимость и научная новизна исследования состоят в выявлении и характеристике основных эмоций, испытываемых людьми с инвалидностью и по отношению к ним, установлении типичных стилистических приемов в описаниях людей с инвалидностью, а также анализе динамики самовосприятия таких людей. Практическая ценность заключается в возможности использования материалов работы при составлении различных типов текстов, ориентированных на людей с инвалидностью, и в преподавании курсов стилистики и анализа текста.

Материалом исследования послужили произведения современных англоязычных авторов: романы

английской писательницы Джоджо Мойес «Me Before you» (2012), американской писательницы Даниэллы Стил «A Perfect life» (2014) и южноафриканского писателя Джона Кутзее «Slow Man» (2005). Герои данных произведений различаются возрастом и диагнозом. Так, в первой книге главным героям является 35-летний мужчина, Уилл, с параличом всех четырех конечностей из-за повреждения спинного мозга. Во второй книге человек с ограниченными возможностями – это слепая девятнадцатилетняя девушка Салима с диабетом как сопутствующим диагнозом. В третьей книге главный герой – 60-летний мужчина, Пол, с ампутированной ногой. Характерно, что по социальному статусу герои всех трех произведений являются хорошо образованными и обеспеченными людьми.

Анализ проблемы

Художественные тексты подобной тематики содержат в себе как описания проявлений самого недуга, так и описания эмоций героев и окружающих их людей в связи с инвалидностью. Подобные описания передают как эксплицитную, так и имплицитную информацию, и могут содержать различного типа лексику и стилистические приемы для формирования экспрессивности, оценочности и pragmatики повествования.

Во всех исследуемых произведениях встречаются фрагменты, описывающие физическое состояние и симптомы героев с инвалидностью и включающие в себя медицинские термины. В книге «Me before you» читатель постепенно знакомится с такими терминами и достаточно точно формирует в своем сознании образ главного героя и его многочисленные симптомы; их использование придает повествованию достоверность. Так, например, в начале произведения описывается собеседование, где главная героиня устраивается работать сиделкой к Уиллу, она ничего не знает о его диагнозе: ‘Do you know what a *quadriplegic* is?’ ‘I faltered. ‘When... you’re stuck in a wheelchair?’ [7] (здесь и далее выделено мной. – E. YO.) Однако по мере развития сюжета она изучила особенности его диагноза и сама активно употребляет медицинские

термины, в частности описывая состояние Уилла в группе поддержки в Интернете: *I am the friend/carer of a 35yo C5/6 quadriplegic* [7]. Также она активно использует их в повседневной речи, например: *Autonomic dysreflexia was pretty much our worst nightmare* [7].

Характерно, что в данных произведениях достаточно редко используется политкорректная лексика, а слова *crippled, invalid, paralyzed, blind* встречаются регулярно, поскольку данные слова более правдиво отражают истинную медицинскую картину и эмоции героев.

Что касается передачи связанных с инвалидностью эмоций, существует ряд лексико-семантических отличий в передаче эмоций и самовосприятия героев и восприятия их окружающими людьми. Данные особенности можно проследить примерно в равной степени как в диалогах персонажей, так и в авторской речи.

Рассмотрим подробнее виды сопряженных с фактом инвалидности эмоций в анализируемых художественных текстах. Для адекватной их интерпретации важно обозначить хронологические рамки получения героями инвалидности в сюжете данных произведений. Так, в книге «Me before you» прошло два года с момента аварии, сделавшей главного героя почти полностью парализованным. В книге «A perfect life» девушка является инвалидом по зрению уже долгое время, 11-12 лет из 19 лет своей жизни. В романе «Slow man» повествование начинается с момента аварии и пребывания героя в больнице из-за ампутации ноги. Понимание длительности инвалидности является важным, поскольку она связана с остротой и эволюцией эмоцией героев в связи с их физическим состоянием. Среди типичных эмоций самих героев с инвалидностью в описываемых произведениях можно выделить следующие.

1. Гнев, ярость, возмущение, раздражение. Например:

Care of my leg? He is smouldering with anger – can they not see it? You anaesthetised me and hacked off my leg and dropped it in the refuse for someone to collect and toss into the fire. How can you stand there talking about care of my leg? [6].

‘Who did this to me?’ he says. *He cannot shout because he cannot open his jaws, but that suits him, suits his teeth-grinding rage.* ‘Who hit me?’ There are tears in his eyes [6].

Данные цитаты эксплицитно отображают эмоции гнева и ярости, и важную роль также играет передаваемая интонация, указание на неспособность отчетливо разговаривать, на слезы. Эпитет *teeth-grinding*, описывающий эмоцию гнева, совмещает в себе прямое и переносное значение, поскольку герой после травмы с трудом может разомкнуть челюсти и, действительно, скрипит зубами. Острота гнева героя в данном контексте связана с только что проведенной ему ампутацией ноги – несправедливой, по его мнению. Автор также использует здесь вопросительные предложения для усиления экспрессивности высказывания, причем в первой цитате вопросы являются риторическими, а во второй – направленными на получение информации.

2. Унижение.

Every single place I go to now people look at me like I don't belong [7].

The disabled entrance is over there, the woman at the racecourse had said. As if he were a different species [7]. В данных цитатах героем рассматривается как унизительное и неуместное собственное присутствие в любых общественных местах на инвалидной коляске, а отдельный вход для инвалидов в прямом и переносном смысле отделяет его от других людей.

It is only the pain, and the dragging, sleepless nights in this hospital, this zone of humiliation with no place to hide from the pitiless gaze of the young, that make him wish for death [6].

If he refuses to contact friends, it is simply because he does not want to be seen in his new, curtailed, humiliating, and humiliated state [6]. Здесь несколько раз повторяется слово «унизительный» и его синонимы в контексте описания чувств главного героя после ампутации ноги и невозможности уединиться и скрыть данный факт от других людей.

3. Отчаяние.

Крайней степенью негативных эмоций для людей с инвалидностью в рассматриваемых текстах является отчаяние, безысходность и вытекающее из этого не желание жить. Это имеет очень серьезные причины и следствия: «Вхождение субъекта в состояние отчаяния всегда мотивировано. Причина должна быть достаточно весомой и затрагивающей сферу жизненных интересов субъекта. Вместе с тем, представляется, что наиболее актуальной характеристикой данного психического состояния является то, что субъект не видит выхода из сложившейся ситуации» [2, с. 164]. Рассмотрим некоторые примеры:

If there were a way of putting an end to himself by some purely mental act he would put an end to himself at once, without further ado [6]. Данная цитата описывает эмоциональное состояние главного героя вскоре после ампутации ноги и передает его страх, неприятие ситуации и тревогу о будущем.

It was not, they observed with exquisite understatement, a cry for help [7]. Здесь передается реакция врачей на физическое состояние Уилла, пытавшегося порезать вены на руках, потерявшего много крови и бывшего в шаге от смерти. Автор также использует прямое указание на стилистический прием литоты – это был не крик о помощи, а решительное намерение героя уйти из жизни.

‘He’s not «a bit down», Pat. He wants to kill himself [7]. Здесь передается реакция другого героя данного произведения на этот же эпизод с попыткой самоубийства Уилла. В цитате представлены две крайних точки градации депрессии – от легкого уныния до отчаяния, и автором также подчеркивается неуместность использования приема преуменьшения.

4. Радость, удовлетворение (встречаются реже).

Эмоция радости связана, конечно, не с фактом наличия инвалидности, а с возможностью для такого человека чувствовать себя «в своей тарелке», то есть вести себя и быть воспринимаемым как равный. Например: *He could be happy, if surrounded by the right people, if allowed to be Will, instead of The Man in the Wheelchair, the list of symptoms, the object of pity* [7]. В данном фрагменте Уилл был рад, что на публичном мероприятии с ним общаются как с обычным человеком. Для усиления экспрессивности этого

предложения автор использует антитезу и метонимию. Прием метонимии – упоминание инвалидной коляски и списка симптомов – акцентирует внимание на восприятии отдельных характеристик человека с инвалидностью и их замещении личности этого человека в целом.

Salima had loved it from the moment she got there and felt at home with other children like her. She didn't feel different anymore, she had friends to play with all the time [8]. Здесь девочка испытала эмоцию радости, почувствовав себя равной среди других таких же детей. Автором используется отрицательная конструкция, удаляющая подразумеваемую логическую антитезу Салимы и здоровых детей.

Эмоция удовлетворения проявляется у героев, когда ситуация развивается согласно их планам и/или желаниям. Например, по прибытии в больницу для приведения в исполнение эвтаназии Уилл испытывает удовлетворение: *If you're here, you accept it's my choice. This is the first thing I've been in control of since the accident* [7]. За два с лишним года после аварии он не мог контролировать свою жизнь, и это был первый и единственный случай, когда к его волеизъявлению прислушались.

В книге «Slow man» также упоминается пример адекватного восприятия человека с инвалидностью и его удовлетворенность от общения с ним как с равным: *She treats him not as a doddering old fool but as a man hampered in his movements by injury. Patiently, without baby-talk, she helps him through his ablutions* [6]. Здесь используется прием антитезы для противопоставления типично ожидаемого пациентом ('doddering old fool') и нормального, правильного отношения к нему, то есть как к обычному человеку, лишь ограниченному в движениях. Упоминаемое здесь использование уменьшительных слов ('baby talk') в коммуникации с медсестрами и сиделками также сильно раздражало Пола.

Испытываемые героями эмоции связаны с их самовосприятием и зависят от диагноза и физических проявлений болезни, возраста, типа личности героев, их окружения, условий жизни. Их самовосприятие меняется на протяжении повествования. Также читатель наблюдает в динамике влияние инвалидности на личность героя. В рассматриваемых произведениях оно проявилось по-разному.

Так, в романе «A perfect life» инвалидность (потеря зрения) не воспринимается героиней как нечто чрезвычайно травмирующее, хотя, естественно, она испытывает неудобства и проблемы со многими повседневными вещами. Возможно, потому потеря зрения была постепенной и произошла с ней в детстве.

В данной книге инвалидность рассматривается и как повод изолироваться от внешнего мира и всячески зависеть от помощи других людей и, по ходу сюжета, как возможность приспособиться к окружающим условиям и обрести независимость. Изначально (в возрасте 19 лет) она утверждала следующее: *«I don't need freedom, or a dog», she said, shutting down again* [8]. Она не желала идти на контакт и что-либо менять в собственной жизни. Однако вследствии, через несколько месяцев, она остро и агрессивно реагирует на желание ассистентки помочь ей с повседневными бытовыми вещами: *She took Salima's clothes out for her*

in the morning and put the toothpaste on her brush for her, trying to be helpful, and Salima snapped at her that she wasn't a child, she was almost twenty years old. Abby had done it for her, and Salima had liked it, but Simon had led her into a whole other world and treated her like an adult [8]. Здесь, также используется прием антитезы и отрицательная конструкция для обоснования самостоятельности героини. Такое сочетание языковых средств усиливает сообщаемую мысль: «Информативность стилистического приема антитезы велика, так как выражению смысла в антитетных конструкциях способствует как лексическая, так и грамматическая подсистемы» [5, с. 141].

В романе Д. Кутзее «Slow Man» инвалидность (ампутация ноги выше колена) меняет повседневную жизнь главного героя и существенно ограничивает его действия: *The universe has contracted to this flat and the block or two around, and it will not expand again* [6]. Однако эти изменения все же не означали конец жизни для него, и он готов был принять себя в новом качестве и смириться с замедленным темпом жизни: *In his own vision of the longer term, the vision he has been fashioning in his more equitable moments, his crippled self (stark word, but why equivocate?) will somehow, with the aid of a crutch or some other support, get by in the world, more slowly than before, perhaps, but what do slow and fast matter any more?* [6] Здесь автор акцентирует внимание на том, что герой называет вещи – инвалидность – своими именами, а также использует риторический для мужчины вопрос о замедлении темпа жизни, что вполне соотносится с названием самого произведения «Slow man».

Потеря ноги приносит главному герою множество физических страданий и неудобств, и изначально у него присутствуют суицидальные мысли. Однако по мере развития сюжета инвалидность в чем-то улучшает моральные качества героя и заставляет его задуматься о смысле жизни и ценности семьи, о создании своей собственной семьи:

The implications of being single, solitary and alone are brought home to him most pointedly at the end of the second week of his stay in the land of whiteness [6].

And what folly to be so alone in the world! [6]

В данных цитатах автор усиливает мысли об одиночестве тремя идущими подряд синонимами 'single, solitary and alone', а также использует восклицание для выражения экспрессивно-оценочного суждения главного героя об одиночестве.

В романе «Me before you» читатель видит тяжелейшие проявления травмы в виде почти полного паралича. Изначально главный герой испытывает надежду на восстановление и прикладывает все усилия для этого. Во всем тексте произведения прослеживается острое нежелание главного героя принять себя в искалеченном виде:

The thing is, I get that this could be a good life. I get that with you around, perhaps it could even be a very good life. But it's not my life. I am not the same as these people you speak to. It's nothing like the life I want. Not even close.' His voice was halting, broken. His expression frightened me [7].

It's not who I am. I can't be the kind of man who just... accepts [7].

В данных цитатах можно наблюдать, что через отрицание и антитезу автор передает глубокий контраст между прошлой и настоящей жизнью главного героя, что морально очень тяжело для него. Данный эффект усиливается невербальными компонентами коммуникации – голосом и выражением лица, а знак многоточия передает паузу, необходимую для признания вслух тяжелого и неприятного для него факта.

Отсутствие результата реабилитации, регулярные сильные боли и собственное зависимое беспомощное положение в конечном счете заставляют принять решение покончить с жизнью и, собственно, сделать это. Он был уверен в своем решении об эвтаназии:

I need it to end here. No more chair. No more pneumonia. No more burning limbs. No more pain and tiredness and waking up every morning already wishing it was over [7]. Используемые здесь отрицания, повторы, параллельные конструкции, парцеляция и не полные предложения усиливают экспрессивность данного фрагмента и значимость каждого отдельного перечисленного компонента для главного героя. Также здесь явственно прослеживается оценочность: «Отрицание в языке тесно взаимодействует с категорией оценки, формируя отрицательную оценку, которая, в свою очередь, может сближаться с отрицанием» [4, с. 170].

Что касается восприятия окружающими людей с инвалидностью и их эмоций по отношению к таким людям, это зависит от разных факторов, в том числе от степени близости данных людей. При этом справедливо утверждать, что в любом случае одними из доминирующих эмоций являются жалость и сочувствие разной степени интенсивности, что объяснимо с точки зрения психологических, нравственных, религиозных норм. Например:

Sweet of her to say so, he reflects afterwards. Poor Paul, poor dear, how difficult, what you are having to go through!: that was what she meant, what she knew he would understand her to mean [6]. Данная цитата – реакция главного героя на комментарий его близкой подруги. Восклицательная конструкция в предложении и повтор оценочных эпитетов 'poor' усиливают эмоции сочувствия и передают добре отношение к Полу. Однако в культуре англоязычных стран следует учитывать, что «излишек жалости может оцениваться отрицательно, особенно в английском, хотя и в существенно меньшей степени, чем излишек страха, гнева, грусти и пр.» [1, с. 36].

'C'mon, lads. We're not having that.' They swayed after me in a wayward trail. I could hear them exclaiming between themselves, muttering. 'Bloody civvies... no idea what it's like...' [7]. Здесь мы видим комментарий посторонних людей, также выражавших сочувствие и желание помочь человеку в инвалидной коляске. Важно, что он тоже содержит отрицательную оценку по отношению к гражданским людям, отказавшим ему в помощи ('bloody civvies'), и противопоставление им себя ('We're not having that'). Читатель может предположить, что эти люди являются военными и по себе знают, к чему могут привести травмы и ранения.

Близкие люди (родственники, друзья, ухаживающие) обычно в курсе физических потребностей, психологического состояния, диагнозов, образа жизни

таких больных, поэтому особого смущения, неловкости и растерянности в коммуникации с ними не возникает, в отличие от коммуникации с посторонними. Например:

I was feeding Will as I said something to Granddad, folding a piece of smoked salmon in my fingers and placing it to Will's lips. It was such an unthinking part of my daily life now that the intimacy of the gesture only struck me when I saw the shock on Patrick's face [7]. Здесь слово 'shock' выражает отношение постороннего человека к типичному повседневному действию в жизни парализованного человека – его кормлению с ложки.

Посторонние люди в общественных местах часто смущаются и не знают, как себя вести, поэтому в коммуникации они испытывают неудобство, дискомфорт, смущение и волны избрать игнорирование инвалида как тактику поведения. Вслух или напрямую в лицо окружающие могут не говорить о своих эмоциях, но они проявляются в невербальном поведении – выражении лица, голосе, интонации. Также сюда можно отнести жесты и телодвижения, поскольку «выразительные движения выполняют сигнальную функцию и представляют собой экспрессивную сторону коммуникативного процесса» [3]. Например:

A couple of people were smiling encouragingly, but most seemed not to know what to make of it [7]. Здесь передается эмоция смущения остальных гостей во время танца героя на инвалидной коляске на свадьбе своих друзей.

The two women who served behind the counter pretended not to look at us. I could see them monitoring Will out of the corners of their eyes, periodically muttering to each other when they thought we weren't looking. Poor man, I could practically hear them saying. What a terrible way to live [7]. Здесь описывается ситуация в кафе, где официантки избегали прямого зрительного контакта с Уиллом от смущения или неудобства, а весь их вид выражал сочувствие. При этом между собой они тихо обсуждали его и выражали свои эмоции.

Еще одной эмоцией посторонних людей по отношению к героям с инвалидностью можно назвать безразличие. Эта эмоция напрямую упоминается в описании больницы, где исполнение сотрудниками профессиональных обязанностей было качественным, но они не демонстрировали эмоционального участия по отношению к пациентам:

The nurses are good, they are kind and cheery, but beneath their brisk efficiency he can detect – he is not wrong, he has seen it too often in the past – a final indifference to their fate, his and his companion's. From young Dr Hansen he feels, beneath the kindly concern, the same indifference [6]. В данной цитате слово 'indifference' встречается дважды, и эта эмоция не демонстрируется персоналом напрямую, а скорее угадывается пациентом. Безразличие медперсонала к его дальнейшей судьбе особенно остро воспринимается им на фоне физического и морального кризиса.

На основе анализа вышеприведенных текстовых фрагментов можно сделать вывод о том, что в восприятии героев с инвалидностью прослеживается приоритет факта инвалидности над личностью человека для посторонних людей, но близкие воспринимают

такого человека в первую очередь как личность. Это подтверждают и следующие цитаты:

‘*The man in the wheelchair*. Nice,’ Will observed [7]. Здесь показана грустно-ироническая реакция Уилла на то, как его воспринимали гости на свадьбе друзей. Читатель видит логическую метонимию – описывается не сам человек, а ассоциируемый с ним предмет – инвалидная коляска.

She’s not an invalid. She’s a nineteen-year-old girl who loves clothes and perfume and jewelry, just like every other girl her age. She’s no different [8]. Здесь мать слепой девушки рассказывает о Салиме, упоминая вещи, которые она любит, как и все девушки ее возраста. Автор дважды использует отрицательные конструкции, пытаясь не противопоставлять ее другим, здоровым людям. Характерно, что мать употребляет фразу ‘She’s not an invalid’, хотя ее дочь по факту инвалидом является.

Проявление заботы о героях с инвалидностью со стороны других персонажей в анализируемых произведениях может формировать логическую антитезу с потребностями и желаниями самих этих героев. Так, в книге «Me before you» главная героиня, ухаживающая за Уиллом, говорит: *Keeping Will alive was my priority* [7]. Однако впоследствии, когда она просит совета и помощи в Интернете у людей с похожим диагнозом, она получает такое сообщение: *Why do you think your friend/charge/whatever needs his mind changing? If I could work out a way of dying with dignity, and if I didn’t know it would devastate my family, I would take it* [7]. Здесь противопоставляются намерения главных героев и поднимается вопрос о праве самостоятельно принимать решение об эвтаназии для тяжелых инвалидов.

В книге «A perfect life» решения за слепую девушку долгое время принимала ее мать. Одно из важнейших решений было таким: «*She’s never going to live alone*, Blaise said in an even stronger tone. She had already provided for that. Salima would have a caretaker forever [8]. Однако по ходу повествования ситуация и ее мнение меняется и, действительно, девушка обретает максимально возможную для нее независимость.

They talk about his future, they nag him to do the exercises that will prepare him for that future, they chivvy him out of bed; but to him there is no future, the door to the future has been closed and locked [6]. В данной цитате показано противопоставление мнений врачей и самого пациента относительно возможности нормальной полноценной жизни с ампутированной ногой. Автор использует антитезу прошлого и настоящего и метафору ('the door to the future is closed and locked'), чтобы максимально достоверно и экспрессивно передать эмоции и восприятие главным героям сразу после ампутации его ноги.

На основе данных цитат можно сделать вывод, что решения других людей (как близких, так и посторонних), продиктованные заботой о человеке с инвалидностью, не всегда должным образом воспринимаются таким человеком и не всегда являются однозначно положительными для него, поскольку сам человек себя лучше знает, чем другие люди. При этом собственное мнение и отношение героя могут меняться со временем.

Выводы

Таким образом, проанализированные художественные тексты, содержащие описания людей с инвалидностью, обладают рядом психолингвистических особенностей. В них используются профессиональны из области медицинской лексики, а общепотребительные политкорректные выражения, связанные с инвалидностью, встречаются достаточно редко. Из стилистических приемов достаточно типичными являются антитеза (на уровне грамматики – отрицательные конструкции), вопросительные и восклицательные предложения, реже – метонимия. Использование липоты персонажами произведений рассматривается как неуместный стилистический прием, если речь идет об истинном описании самочувствия и физического состояния.

Что касается реализуемых в тексте эмоций, типичными эмоциями со стороны людей с инвалидностью можно считать гнев, раздражение, возмущение, унижение, отчаяние (особенно сразу после травмы и в связи с медицинскими диагнозами и манипуляциями), и радость и удовлетворение в случае обращения с ними как с равными, обычными людьми. Типичными эмоциями окружающих по отношению к инвалидам можно назвать жалость и сочувствие, а также неловкость и смущение со стороны посторонних людей. Все эти эмоции и их оттенки влияют на самовосприятие людей с инвалидностью, которое может быть разным и способно эволюционировать в зависимости от их диагноза, окружения, типа личности. Также эмоциональный отклик этих людей на проявление заботы по отношению к ним может расходиться с ожиданиями ее инициаторов, даже демонстрирующих лучшие побуждения.

Перечисленные лексико-семантические и стилистические особенности художественных текстов существенно усиливают их экспрессивность, эмотивность и pragmatiku. Данное исследование может быть продолжено в плане изучения художественных текстов аналогичной тематики других хронологических периодов и в сравнении с произведениями на других языках.

Литература

1. Апресян, В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 19–51.
2. Вертелова, И. Ю. Концептуализация внутреннего мира человека в русском языке: Психические состояния печали : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирина Юрьевна Вертелова. – Калининград, 2001. – 175 с.
3. Дмитриева, Ю. В. Аспекты невербального поведения с точки зрения языкового выражения / Ю. В. Дмитриева // Известия ВГПУ. – 2019. – № 7. – С. 168–174.
4. Прокофьева, О. А. Функционально-семантические особенности категории отрицания в современном английском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Олеся Александровна Прокофьева. – Пятигорск, 2002. – 200 с.
5. Фурсова, Е. В. Дискурсивные параметры стилистического приема антитезы / Е. В. Фурсова. – Москва, 2008. – 185 с.

6. Coetzee, J. M. Slow Man / J. M. Coetzee – Vintage, 2006. – 240 p. – URL: https://bookfrom.net/j-m-coetzee/39901-slow_man.html (дата обращения: 12.03.2020). – Текст : электронный.
7. Moyes, J. Me Before You / J. Moyes. – Penguin books, 2012. – 482 p. – URL: <https://novelfreereadonline.com/254703/me-before-you> (дата обращения: 02.03.2020). – Текст : электронный.
8. Steel, D. A Perfect life / Steel D. – Corgi book, 2015. – 368 p. – URL: https://www.onlinebook4u.net/romance/A_Perfect_Life/ (дата обращения: 09.03.2020). – Текст : электронный.

E.Yu. Yukina

**PSYCHOLINGUISTIC PECULIARITIES OF DESCRIBING DISABLED PEOPLE IN
ENGLISH FICTIONAL TEXT**

The article analyzes the linguistic and stylistic characteristics of fictional texts containing the descriptions of people with disabilities. The author reveals the main characteristic features of the vocabulary, stylistic devices, typical emotions experienced by disabled people or directed towards them, as well as the language means of their representation.

Stylistics, expressiveness, emotions, evaluation, political correctness, professionalisms, non-verbal communication.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Обзор подготовлен за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00269

В обзоре излагаются основные идеи научного семинара по гранту РНФ № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства». Представлены основные выводы докладов об этапах социально-экономического развития, роли специфических институциональных механизмов в социально-экономическом развитии России второй половины XX века.

Россия, вторая половина XX века, институты социально-экономического развития.

28–30 марта 2020 г. участники гранта Российского научного фонда № 19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства» провели дистанционный научный семинар на базе Вологодского государственного университета. Это уже не первое научное мероприятия подобного рода [20]. На семинаре был заслушан ряд докладов, посвященных концептуальным проблемам исследования. Ведущим семинара выступил д-р ист. наук, профессор заслуженный деятель науки РФ Михаил Алексеевич Безнин. Участниками семинара стали члены научного коллектива, работающие по гранту, д-р ист. наук, доцент Татьяна Михайловна Димони, д-р экон. наук Константин Анатольевич Гулин, канд. ист. наук, доцент Юрий Сергеевич Никифоров, канд. ист. наук Анна Сергеевна Столетова, магистрант Ксения Владимировна Кушнерева. Ниже изложены основные моменты прозвучавших докладов.

Д-р ист. наук **М.А. Безнин**,
д-р ист. наук **Т.М. Димони**

**«Основные этапы социально-экономической трансформации советской России:
от аграрного к капитализированному обществу»**

XX век был периодом, когда в России произошла масштабная трансформация, связанная с коренным изменением типа экономического, социального устройства общества, его психологических и ментальных характеристик. По сути дела, изменились все параметры устройства: натуральная по преимуществу экономика была заменена товарной (существовавшей при советской власти в специфической форме), важнейшим фактором производства стал капитал, основная часть валового производства продукции начала производиться в промышленном секторе и сфере услуг, крестьянский двор как основная производственная единица уступил место профессиональному коллективу и т.д.

Ключевым вопросом изучения перехода от аграрного к капитализированному обществу является поиск методологических подходов к сложным процессам трансформации, определение критериев анализа, выявления этапов происходящих процессов. Одним из таких методологических подходов вполне может

быть марксова теория первоначального накопления капитала.

В 1920–1990-е гг. обществоведы неоднократно обращались к обсуждению первоначального накопления капитала как экономического и исторического процесса. Первое заметное обсуждение этого вопроса было связано с поисками путей экономического рывка в 1920-е гг. Свой взгляд на проблему первоначального накопления тогда высказал известный экономист Е.А. Преображенский в статье «Основной закон социалистического накопления» (1924 г.) [13], но был жестко раскритикован политической элитой. С этого времени в советской политической экономии был введен термин «социалистическое накопление». Второй период обсуждения истории первоначального накопления в России последовал в 1950-е гг., когда, в частности, в Институте истории АН СССР (1955 г.) были сделаны доклады Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. В докладе Б.Б. Кафенгауза «О первоначальном накоплении в России» [9] процесс характеризовался как, в первую очередь, насилистенные меры, резко ускоряющие накопление. В докладе Н.И. Павленко было отмечено, что явления первоначального накопления прослеживаются в России с XVII в., когда накопление капиталов производилось посредством товарообмена. На последующих этапах в первоначальном накоплении играли большую роль меркантилизм и возросшие феодальные повинности на крестьян [12]. В целом дискуссия показала необходимость более четкого определения понятия «первоначальное накопление». Большинство ее участников понимало под этим термином процесс отделения непосредственных производителей от средств производства, другие – накопление капиталов. Третий этап возвращения к проблеме первоначального накопления капитала в России приходится на начало XXI века. Исследователи довольно единодушно относят к этому периоду 1990-е гг., когда происходит масштабный передел собственности. Однако практически все выводят из под характеристики этого периода советское время [6; 14].

Задача определения границ периода первоначального накопления в России до сих пор остается нерешенной. Однако все становится на свои места, если обратиться к крупным изменениям в экономике России в советский период. Именно в это время прошла

экспроприация мелких производителей, аккумулирование средств в руках государства, действовавшего через атомизированный слой государственной протобуржуазии (партийной, советской, хозяйственной, финансовой верхушки). В историографии данный процесс называется индустриализацией и коллективизацией (повторяя догмы «Краткого курса “Истории ВКП(б)»»).

В процессах первоначального накопления капитала в СССР решающую роль играл период 1930–1950-х гг. Начало его связано с коллективизацией сельского хозяйства. В ходе этого этапа было осуществлено изъятие средств производства у индивидуальных сельхозпроизводителей, создан рынок рабочих рук для работы по найму в промышленности и сельском хозяйстве (колхозники в этом смысле отличались большой спецификой). Земельные фонды в основном были изъяты у крестьянских хозяйств и перераспределены в пользу общественного хозяйства (колхозов и госхозов). Крестьянские хозяйства (единоличные хозяйства и дворы колхозников) за период 1928–1937 гг. лишились 72 % (2/3) основных капиталов, причем это были наиболее «продвинутые» виды капиталов – сельхозмашины и орудия, рабочий и продуктивный скот. Наиболее быстрая потеря капиталов крестьянских хозяйств произошла в период 1931–1934 гг. [16]. Все эти реформы создавали предпосылки для массового оттока местных жителей из деревни. Население деревни России сократилось с 76 млн чел. в 1926 г. до 55,9 млн в 1959 г., т.е почти на 20 млн человек [10, с. 5; 11, с. 5].

Накопление капиталов в 1930–1950-е гг. осуществлялось за счет большой системы мер, увеличивавших капиталы промышленности, в том числе за счет прибыли промышленных предприятий. Но главные усилия государство предприняло по законодательному оформлению и реализации системы изъятия средств из сельского хозяйства [1; 2]. Масштабы изъятия ресурсов позволяют представить данные баланса народного хозяйства СССР, согласно которым, например, в 1935 г. всего накоплений в экономике СССР было 40 млрд руб., из них – в промышленности – 21,4 млрд руб., что составляло более 50% накоплений, в сельском хозяйстве – 3,9 млрд руб., что составляло только 1/10 часть всех накоплений [15].

Границу завершения процессов основного этапа первоначального накопления можно определить по целому ряду важнейших индикаторов. Прежде всего, это уход государства аграрной составляющей из жизни общества как в экономической, так и в социальной, духовной сферах, превалирование среди факторов производства капитала, превышение его доли над живым трудом, рост качества и уровня жизни населения, снижение тяжести налогов и пр. И.В. Сталин считал переломным в превращении страны из аграрной в индустриальную 1929 г. (в этом году удельный вес промышленности в национальном доходе впервые превысил показатели доли сельского хозяйства: 55% составляла доля промышленности, 45% – доля сельского хозяйства) [18, с. 310].

Соотношение факторов производства дает возможность представить такой экономический показатель, как доля капитала и «простого» труда в себе-

стоимости продукта. Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от капитализированного, пройдена. Расчеты удельного веса живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда (по данным межотраслевого баланса затрат труда) показывают, что в 1975–1985 гг. они соотносились как 60:40 в пользу живого труда, что выявляет ресурсы капитализации, еще не освоенные советской экономикой [3, с. 244]. Важнейшим индикатором завершения процессов первоначального накопления является пролетаризация населения, переход к зарплате как основному источнику средств существования. В этом плане особенно важны показатели построения бюджетов колхозников, дольше всего сохранявших черты аграрного общества. Доля дохода от личного хозяйства начинает стремительно сокращаться в них с конца 1950-х гг. В 1960 г. доля личного хозяйства в совокупном доходе семьи колхозников России составляла 42%, в 1970 г. – 33%, в 1980 г. – 25% [17; 5, с. 95].

Период, последовавший за основным этапом первоначального накопления, характеризуется завершением многих процессов, позволявших промышленной части экономики аккумулировать основную часть ресурсов. Прежде всего, снижается налогово-повинностная нагрузка на сельское хозяйство, коренным образом изменяется феномен товарности. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. вместе с реорганизацией МТС, отменой обязательных поставок сельхозпродукции, а затем введением заработной платы колхозникам идет становление аграрного рынка на продукты сельского хозяйства, средства труда, рабочие руки. Это период, когда основные сферы экономики уже были высококапитализированными производствами, в стране достаточно полно масштабно функционировал рынок, действовала современная финансово-кредитная система и др.

Д-р экон. наук **К.А. Гулин**

«Сущность и механизмы планирования советской экономики во второй половине XX в.»

Изучение эволюции формальных основ и реальной практики планирования в СССР является важной задачей, поскольку позволяет глубже понять процессы трансформации советского общества, а также логику социальных противоречий, обусловивших коллапс экономической системы страны. В этой связи важно уйти от крайних точек зрения, в рамках которых планирование трактуется либо как всеобъемлющая сбалансированная система управления экономикой («плановая экономика»), либо как совокупность административных приказов («командная экономика»). Наиболее продуктивным, с нашей точки зрения, представляется подход, придерживающийся при анализе советской практики концепции централизованно управляемой, а не централизованно планируемой экономики [8, р. 175].

К началу 1950-х годов базисом советской экономической системы являлся комплекс крупных предприятий тяжелой промышленности, созданный на основе принятия и реализации мобилизационных планов, носивших сугубо директивный характер. Це-

лесообразность мобилизационного типа управления экономикой, вероятно, была оправданна в условиях необходимости создания современной производственной базы, отвечавшей требованиям исторического момента. Однако в послевоенный период ситуация изменилась: экономика становилась все более масштабной, а специализация – все более глубокой, что приводило к большей сложности экономических взаимосвязей. Тем не менее, вплоть до конца советского периода планирование оставалось громоздким набором процедур постановки задач и контроля их выполнения, основные принципы которого существенно не изменялись.

Хотя управление советской экономикой официально базировалось на планировании, не было создано единого планового законодательства, охватывавшего всю экономику или, по крайней мере, ее различные компоненты. По мнению О. Ioffe и Р. Maggs, такое положение дел не было случайным [7, р. 106]. Оно обусловливалось нежеланием партийно-государственной элиты ограничить себя в такой сфере, как управление экономикой, учитывая ее важность для поддержания неограниченной политической власти. Разрозненные нормы экономического планирования были более предпочтительными, нежели систематизированное и комплексное правовое регулирование, поскольку предоставляли больше свободы маневра для тех, кто осуществляет планирование на практике.

Основой техники и методологии советского планирования был принцип «от достигнутого уровня», означавший, что показатели плана определялись путем добавления к соответствующим показателям, достигнутым в предыдущий период определенной доли роста. Последующие итерации, проводившиеся в недрах Госплана СССР посредством балансовых и нормативных методов, использовались в основном в качестве проверок, а также для того, чтобы дать плановым заданиям «обоснованный» внешний вид, а не приблизить их к реальности. Ключевой недостаток указанного подхода к постановке плановых задач заключался в том, что он не отвечал центральной задаче планирования, связанной с оптимальным распределением ресурсов для достижения целей сбалансированного социально-экономического развития. По мере того как экономика все в большей степени переходила на модель экономики потребления, сближаясь с капиталистическими рыночными экономиками, устоявшиеся десятилетиями принципы планирования все в меньшей степени были способны обеспечить устойчивость советской экономической системы.

Одним из базовых принципов планирования была «напряженность планов», выражавшаяся в большем объеме плановых заданий по сравнению с возможностями предприятий. На практике это приводило, с одной стороны, к недостатку у руководителей предприятий реальных стимулов к развитию производства (отсутствие заинтересованности в существенном перевыполнении плановых заданий, внедрении инноваций, повышении качества продукции). С другой стороны, в условиях системных проблем, связанных, прежде всего, с неудовлетворительной работой сфер снабжения и материально-технического обеспечения, это обуславливало наличие негативных явлений

(«штурмовщина», приписки, фальсификация отчетности и др.).

Неотъемлемым элементом практики советского экономического планирования был непрерывный процесс «уточнения» или корректировки утвержденных планов в течение всего периода их выполнения. Несмотря на периодические указания о недопустимости корректировки плановых заданий, эта практика имела массовое распространение. Такая ситуация обусловливала двумя основными причинами: во-первых, корректировки служили, по факту, инструментом, позволявшим приблизить директивно устанавливаемые значения планов к реальной экономической практике; во-вторых, они были неформальным механизмом изменения плановых заданий, действовавшим в интересах представителей как административного аппарата всех уровней, так и руководителей предприятий – конкретных исполнителей планов.

Принципиальным противоречием системы планирования был органически заложенный в ней конфликт между интересами планово-распорядительных органов и конечных исполнителей планов. Реформы планирования (1965, 1979, 1987 гг.), отчасти были призваны сгладить этот конфликт путем расширения номинальной автономии социалистических предприятий. В то же время эти реформы не затрагивали основ централизованного управления экономикой, в которой пределы самостоятельности предприятий были строго регламентированы. Это закладывало предпосылки для различных форм оппортунистического поведения хозяйственных руководителей, что в особенности проявилось в последние годы существования СССР и стало одним из факторов коллапса его экономической системы.

Канд. ист. наук *А.С. Столетова*

(при участии магистранта *К.В. Кушнеревой*)

«Роль обычая в институциональных особенностях российской экономики»

Институционализм – направление исследований, рассматривающих организацию общества как комплекс различных объединений граждан. Понятие институционализм включает в себя два аспекта: институции – нормы, обычаи поведения и институты – нормы, обычаи, закрепленные в виде законов, организаций, учреждений. При этом социум анализируется как определенная институциональная структура, аккумулирующая социальный опыт государства, конфигурацию сложившихся законов, взаимоотношений, традиций, связей, образ мышления и мировидения. Безусловно, проведение подобного изыскания требует учета взаимосвязей, возникающих между обществом и институтами, а также взаимоотношений, находящихся в зависимости от институциональных ограничений. В качестве основополагающей утверждается идея о том, что институты являются ключом к пониманию связей между обществом и экономикой, политикой, правом. Таким образом, функционирование экономической системы рассматривается как часть разворачивающегося институционального процесса.

Общезначимые институты собственности, рынка, семьи, на наш взгляд, могут характеризоваться через категорию «обычай». Привычный, но не закрепленный законом стереотипный способ действий был актуализирован в советском обществе. В особенности это проявилось при реализации права пользования в экономической системе второй половины XX в. Отметим, что в этот период обычай в явлениях советской действительности (касаемо экономической отрасли) все чаще проявлялся в модели отклоняющегося поведения. Тон задавали кардинальные социально-экономические трансформации, вызвавшие смену ценностных ориентиров, нравственных идеалов, мировоззренческих устоев. В свою очередь перед исследователем встает проблема разграничения позиций: что относить к обычаям, а что к девиациям. К примеру, в 1960–1980-е гг. получили распространение поведенческие отклонения от принципов «От каждого по способности – каждому по труду», «Кто не работает – то не ест». Сложность состоит в том, что даже девиации со временем могли приобрести окрас обычав, как, например, принцип в распределении материальных благ «Я – тебе, ты – мне».

1960–1980-е гг. – это время расцвета товарного голода, спекулятивной деятельности и обыденности таких явлений общественной жизни, как растраты и хищения имущества. Источниковый материал Российского государственного архива новейшей истории дает основание полагать, что бесхозяйственность, расточительство, транжирство, халатность, неэкономичное расходование средств, некачественный труд, антиобщественный образ жизни, тунеядство имели достаточно широкое распространение как нормы общественной жизни. Формировался определенный тип поведения, отношений и контактов, связанных с перепродажей товаров, спекуляцией, установлением нелегальных наценок. Постепенно данная практика стала применяться в торговых точках, ларьках, магазинах. Развивалась традиция отпуска недостающих в обращении предметов торговли родственникам либо руководящим лицам. Нередко такая деятельность приводила к образованию преступных групп. При этом часто страдали рядовые сотрудники торговых предприятий, на долю которых списывались недостачи. В целом происходил поворот от колLECTИВИСТСКИХ к частнособственным идеалам, индивидуализму, коммерциализации деятельности.

Постепенно укоренялись неписаные законы, действовавшие в структурах распределения имущественных благ, материальных ценностей (квартиры, автомобили, дачи и др.). Утверждалась меркантилистская мораль, желание присвоения имущества, обогащения. Люди часто шли на должностные преступления. Обычаи кумовства, землячества, блаты нередко определяли статус людей. Использование полезных связейочно вошло в шаблон жизни, мысль о возможной влиятельной поддержке в обмен на услуги фиксировалась в сознании людей. Указанные традиции оказались устойчиво вплетены в социально-экономическую жизнь общества второй половины XX века. Их внедрение соседствовало с трансформацией ценностных характеристик, искажением нравственного поля советских граждан [19].

Канд. ист. наук **Ю.С. Никифоров**

«Векторы и акторы идеолого-политического обеспечения трансформации классового генезиса и эволюции экономического устройства советского общества (1950–1991 гг.)»

Характеризуя идеолого-политическое обеспечение трансформации классового генезиса и эволюции экономического устройства советского (1950–1991 гг.) и постсоветского общества, следует обратиться к понятию идеология. Наиболее точным представляется следующее его определение: «Идеология имеет построение в виде системы взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» (Желудков М.А., 2008).

Анализируя классовый генезис и эволюцию экономического устройства СССР, следует учитывать контекст, те исторические вызовы, с которыми столкнулась экономика Советского Союза к началу 1950-х гг.: новая модель гонки вооружений, замедление экономического роста, включая общую факторную производительность и производительность труда, вызовы энергетической программы, запоздалая отдача от инноваций в народном хозяйстве, приоритеты в пользу военно-промышленного комплекса.

Обозначим ключевые факторы и векторы идеолого-политического обеспечения трансформации классового генезиса и эволюции экономического устройства советского (1950–1991 гг.) общества в виде спектра различных мнений, отражающих официальный/властный и экспертный/научный векторы проблемы.

Изучение официального (властного) вектора формирования политico-идеологических трендов требует исследования таких базовых источников, как материалы съездов КПСС, Конституции СССР 1936 и 1977 гг., официальные нормативно-правовые акты, касающиеся социально-экономической жизни СССР, выступления и политические труды главных официальных лиц страны. Интерес представляют также черновые варианты речей и статей высших советских и партийных руководителей 1950–1980-х гг., отложившиеся в фондах РГАНИ. Особый ракурс изучения официального (властного) вектора проблемы – взгляд через призму мемуаров партийных и советских государственных деятелей.

В рамках экспериментного (научного) вектора проблемы трансформации советской идеологии необходимо обратиться к публикациям ученых-экономистов 1950–1980-х гг. в официальных газетах и научно-теоретических журналах СССР («Правда», «Коммунист», «Экономика и организация промышленного производства», «Партийная жизнь», «Вестник Академии наук СССР», «Экономическая газета», «Вопросы экономики», «Плановое хозяйство»). Интерес представляют и тексты неформальных общественных деятелей, в том числе диссидентов, посвященные альтернативному видению проблем СССР; работы зарубежных экспертов-исследователей, в том числе советских эмигрантов.

В центре политico-идеологических дискуссий ученых и политиков брежневского периода находились

такие сюжеты, как стратегии перехода от экстенсивного к интенсивному развитию, чрезмерное усиление автономности социалистических предприятий на фоне слабой ценовой гибкости, система фиксированных цен и децентрализация науки как факторы сдерживания прогресса, разросшийся сырьевой комплекс.

Выскажу гипотезу о том, что в риторике советской власти (выступлениях официальных лиц и нормативно-правовых документах) 1950–1980-х гг., связанной с социально-экономической сферой, наблюдалась постепенная трансформация от традиционных политических идеалов к примату материальных интересов.

В заключение научного семинара д-р ист. наук М.А. Безнин подчеркнул необходимость поиска новых концептуальных подходов к осмыслению социально-экономической истории советского общества. Он отметил, что институциональный подход предлагает важные новые направления изучения темы, однако только им ограничиваться нельзя. Новыми элементами, нуждающимися в дальнейшем углубленном изучении, являются процессы первоначального накопления в СССР, плановые механизмы в экономике, роль политики и идеологии в создании экономических трендов. Интересным сюжетом будет начатое исследование о роли традиции и обычая в экономической жизни страны.

Литература

1. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва : Ленанд, 2019. – 608 с.
2. Безнин, М. А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.
3. Beznin, M. A. Revisiting the type of economic system in the USSR / M. A. Beznin, T. M. Dimoni // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2016. – № 5. – Р. 238–250.
4. Birman, I. 'From the Achieved Level' / I. Birman // Soviet Studies. – Vol. XXX, № 2. – Pp. 153–172.
5. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975, 1980–1984 гг. – Москва, 1985. – 180 с.
6. Красникова, Е. В. Развитие капитализма в России век спустя / Е. В. Красникова. – Москва : Тейс, 2003. – 167 с.
7. Ioffe, O. S. The Soviet economic system: a legal analysis / O. S. Ioffe, P. B. Maggs. – Westview Press, 1986. – 326 p.
8. Linz, S. Managerial Autonomy in Soviet Firms / S. Linz // Soviet Studies. – Vol. 40, № 2 (Apr., 1988). – Pp. 175–195.
9. Материалы к заседанию ученого совета Института истории АН СССР от 4 июля 1955 г. // Павленко Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (материалы к обсуждению). – Москва, 1955. – С. 1–2.
10. Народное хозяйство РСФСР : статистический сборник. – Москва : Госстатиздат, 1957. – 373 с.
11. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. Стат. ежегодник. – Москва, Статистика, 1977. – 367 с.
12. Павленко, Н. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России (по материалам XVII–XVIII вв.) / Н. И. Павленко. – Москва, 1955. – С. 3–51.
13. Преображенский, Е. А. Основной закон социалистического накопления / Е. А. Преображенский // Вестник Коммунистической академии. – 1924. – № 8. – С. 47–116.
14. Прозоровская, К. А. Девиантное экономическое поведение в России: историческая ретроспектива и факторы институционализации в эпоху «первоначального накопления капитала» / К. А. Прозоровская. – Санкт-Петербург : Инфо-да, 2014. – 164 с.
15. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 3. – Д. 317. – Л. 48.
16. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 80. – Д. 63(а). – Л. 50, 52, 54, 56, 63.
17. Совокупный доход семей колхозников и его распределение. Статистические материалы. Приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР № 1 (189). – Москва, 1962. – 30 с.
18. Сталин, И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 26 января 1934 г. / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 13 / И. В. Сталин. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. – С. 282–379.
19. Столетова, А. С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960–1980-х годов / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 379–391. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.
20. Трансформация российского общества 1950–1990-х гг. : методология, понятийный аппарат, источники. Методологический семинар. Вологодский государственный университет (14–15 июня 2019 г.) / сост. М.А. Безнин // Вестник Вологодского государственного университета. Серия «Исторические и филологические науки». – 2019. – № 3 (14). – С. 102–113.

Обзор подготовил **М.А. Безнин**

METHODOLOGICAL SEMINAR ON THE DEVELOPMENT OF SOVIET SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

The review was prepared at the expense of the Russian Science Foundation grant № 19-18-00269

The review presents the main ideas of the scientific seminar on the RSF grant № 19-18-00269 «Transformation of Russian society in the 1950–1990's: class genesis and evolution of the economic structure». The main conclusions of the reports on the stages of socio-economic development, the role of specific institutional mechanisms in the socio-economic development of Russia in the second half of the twentieth century are presented.

Russia, the second half of the twentieth century, institutions of social and economic development.

Ю.В. Розанов

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Вологодского государственного университета

ФИЛОЛОГИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ

В конце минувшего года в Петрозаводском государственном университете вышел сборник научных статей, посвященных 70-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора заведующего кафедрой русской литературы ПетрГУ Владимира Николаевича Захарова [1]. Старинная традиция издания юбилейных сборников предполагает или особо выдающиеся личные достижения и открытия честуемого таким образом ученого, или создание юбиляром научной школы. В случае В.Н. Захарова актуальны оба посыла.

Владимир Николаевич является известным литературоведом, признанным специалистом в области истории русской литературы, исторической поэтики, теории литературы, текстологии и творчества Ф.М. Достоевского. Известность ученому принесли именно работы по творчеству этого писателя – кандидатская диссертация «Фантастическое в эстетике и творчестве Достоевского» (1975) и докторская «Система жанров Достоевского: типология и поэтика» (1988). Всего перу профессора принадлежат четыре монографии по творчеству любимого писателя. О международном признании заслуг Захарова в этой сфере свидетельствует тот факт, что он в 1998 году был избран вице-президентом, а позже и президентом Международного общества Ф.М. Достоевского (International Dostoevsky Society – IDS). В настоящее время он является почетным президентом IDS. С 1993 года В.Н. Захаров проводит в Петрозаводске регулярные международные конференции «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр» с солидным представительством ученых из многих стран мира. Доклады участников публикуются в выпусках серии «Проблемы исторической поэтики», входящей в Web of Science и в ряд других международных баз данных и систем цитирования. (Издание также включено в действующий на сегодняшний день перечень Высшей аттестационной комиссии.) В 2013 году профессор Захаров стал главным редактором международного научного сетевого журнала «Неизвестный Достоевский» (<http://unknown-dostoevsky.ru>). Почти двадцать лет Владимир Николаевич совмещает преподавательскую деятельность в Петрозаводском университете с работой в Российском гуманитарном научном фонде – РГНФ (с февраля 2016 года Фонд присоединен к Российскому фонду фундаментальных исследований – РФФИ).

Коллеги, друзья и ученики В.Н. Захарова, готовившие юбилейный сборник, выбрали для заглавия вступительной статьи яркое высказывание профессора: «Для меня нет лучшего образования, чем филоло-

гическое!» В этой статье названы порядка десяти «основных идей», которые имеет смысл здесь напомнить:

- Русская литература является христианской словесностью, в которой сложился оригинальный «евангельский текст».

- Русская литература пасхальна, соборна, спасительна. Ее корни лежат «в христианской православной культуре, а это значит, что у нее всегда есть возможность воскреснуть и преобразиться».

- Христианский реализм – это реализм, в котором жив Бог, зrimо присутствие Христа, явлено откровение Слова. Одним из тех, кто своим творчеством выразил идею христианского реализма, был Достоевский.

- Мы можем полагать, что читаем книгу, но правда в том, что и книга читает нас. То, что мы вычитываем в тексте, правдивее всего характеризует каждого из нас, это самый безошибочный, самый точный «детектор лжи».

- Развивая тезис «произведение существует на том языке, на котором оно написано», В.Н. Захаров распространил его и на тексты русских писателей XIX века, писавших по «дореформенной» орфографии и пунктуации. На основе разработанных им текстологических принципов с 1995 года в издательстве ПетрГУ выпускается аутентичное Полное собрание сочинений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации. Под редакцией В.Н. Захарова было подготовлено Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 18 томах (20 книгах), вышедшее в 2003–2005 годах в московском издательстве «Воскресенье». В начале 1990-х этот проект вызывал непонимание и жесткую критику со стороны авторитетных текстологов. Оно и понятно: недавно было завершено издание академического полного собрания сочинений Достоевского, подготовленного специалистами Пушкинского Дома, и идеи Захарова в этом контексте воспринимались как вызов всему литературоведческому сообществу. Однако ученый на конкретных примерах показал, как искажается смысл некоторых высказываний Достоевского, напечатанных по советским правилам образца 1918 года. Не говоря уже о более тонких материалах – специфических коннотациях, понятных филологически чуткому читателю. Недаром И.А. Бунин утверждал, что никакое русское слово «без твердого знака не стоит на обеих ногах», что «лес» без «яти» теряет весь свой смолистый аромат, тогда как в «бесе» через «е» «уже исчезло всё дьявольское» [2, с. 168].

Основные материалы сборника «Филология как призвание» разделены на две тематические рубрики.

В блок «**Достоевский и вокруг него**» вошли статьи: В.А. Кошелев «Еще о поэтике парадокса: Барон Брамбеус как “предтеча Достоевского”»; О.В. Захарова «Проблема дифференциации повести и романа в полемике о Достоевском в 1840-е годы»; Б.Н. Тихомиров «Стихотворное “Послание Белинского к Достоевскому”: итоги и проблемы изучения»; Н.А. Тарасова «Проблемы подготовки реального комментария (на материале романа Ф.М. Достоевского “Идиот”»); В.В. Борисова, С.С. Шаулов «Мотив “рокового наследства” в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”: реальный, мифопoэтический и историко-литературный комментарий»; В.И. Габдуллина «Рукопись Ипполита Терентьева в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”: жанр и нарративные стратегии»; В.А. Викторович «“Медный всадник” в творчестве Ф.М. Достоевского»; С. Алоэ «“Это не просто поэмы...”: несколько заметок на полях письма Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову от 15 (27) мая 1869 года»; Б.Н. Тарасов «Утопизм западного рационализма, позитивизма и утилитаризма в зеркале антропологической и историософской мысли Ф.М. Достоевского и В.Ф. Одоевского»; А. Кавацца «Ф.М. Достоевский и А.С. Хомяков: сравнение на расстоянии»; И.С. Андрианова «Метафора игры в сюжете пьесы Э. Радзинского “Старая актриса на роль жены Достоевского”»; Н.В. Пращерук «Диалог с Ф.М. Достоевским в романе Е.Р. Домбровской “Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона”».

В раздел **«Русская литература XII–XX веков: опыт интерпретации»** вошли следующие публикации: Л.В. Соколова «Каким “рукавом” утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике “Слова о полку Игореве”)»; Т.Ф. Волкова «Сюжетная организация “Казанской истории”»; А.В. Пигин «Древнерусская “Повесть о Христовом крестнике”: проблема жанра»; И.А. Есаулов «Парафраз и становление новой русской литературы: постановка проблемы»; Н.П. Жилина «Идея спасения в думе К.Ф. Рылеева “Владимир Святой”»; И.А. Виноградов «Эсхатология комедии Н.В. Гоголя “Ревизор”»; И.А. Киселева

«О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова “Демон” (1839)»; Н.Н. Старыгина «Праздник Пасхи как социокультурный текст в рассказе “Фигура” Н.С. Лескова»; Т.В. Федосеева «Поэтология и аксиология Я.П. Полонского 1860–1880-х годов»; А.М. Грачева «Истоки и эволюция “теории русского лада” Алексея Ремизова (1900–1920-е гг.)»; Ю.В. Розанов «В.В. Хлебников и А.М. Ремизов: биографические и творческие связи»; О.А. Бердникова «Поэтика адресованных жанров в творчестве И.А. Бунина»; А.Г. Гачева «Софийная тема в художественно-философском наследии Валерiana Muравьева: от мистерии “София и Китоврас” к роману “Остров Буян”»; Л.Г. Дорофеева, Т.В. Ларионова «Характерологическая функция литургического текста в романе И.С. Шмелева “Пути небесны”»; И.А. Спиридонова «Мотивы ярости и зверя в рассказе А. Платонова “Одухотворенные люди”»; Д.Б. Терешкина «“Не зная, куда мы идем, и забыв, откуда мы вышли”: русские в рассказе Гайто Газданова “Панихида”».

Завершает основную часть сборника «Хронологический список трудов В.Н. Захарова» с 1974 по 2019 годы, насчитывающий 365 номеров. Статьи Захарова публиковались не только в СССР и России, но и в Великобритании, Германии, Норвегии, Финляндии, Японии, Китае и других странах. В «Приложении» напечатаны три письма из личного архива юбиляра, адресованные ему и добавляющие новые штрихи к его биографии и научной деятельности. Это письма трех выдающихся филологов: Владимира Николаевича Топорова, Надежды Анатольевны Натовой, Александра Викторовича Михайлова, которых уже нет с нами. Публикацию писем подготовила И.С. Андрианова.

Литература

1. Филология как призвание: сборник статей к юбилею профессора В.Н. Захарова / отв. ред. А. В. Пигин, И. С. Андрианова. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019. – 664 с.
2. Бахрах, А. Бунин в халате / А. В. Бахрах. – Москва: Согласие, 2000. – С. 168.

Л.А. Якушева
Вологодский государственный университет
Н.А. Дицковская
Ярославский педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ФОН И ФИГУРА: КНИЖНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В 2019 году Вологодской областной научной универсальной библиотеке – партнеру Вологодского государственного университета – исполнилось 100 лет. Это стало одной из причин вектора исследований, которые обсуждались на межрегиональной научно-практической конференции «Фон и фигура», проходившей в 2 этапа: студенческая секция и семинар для специалистов-преподавателей вузов Вологды и Ярославля. Постепенно у этого научного форума складывается не только круг единомышленников и постоянных участников, но и принципиальные позиции [2]. Речь идет о культурологической методологической базе исследований гуманитариев разных специальностей – персоналистском, диалогическом, феноменологическом и семиотическом подходах к материалу [3, с. 6–7]. Кроме того, собравшиеся специалисты отдавали себе отчет в том, что любое исследование начинается с систематизации материала, в которой не последнюю роль играет работа с книгой. Зачастую книга может послужить исходным импульсом, стать источником вдохновения и интереса, но может появиться и как итоговый продукт изысканий. То есть на всех стадиях творческого процесса мы имеем дело с нарративом как материалом, инструментом и результатом.

XX века (на примере книги М.Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора»), канд. культурологии М.В. Петровой Проблема исторической памяти: книги памяти международного общества «Мемориал», канд. культурологии Л.А. Якушевой Революцией по театру: 2 издания из фондов ВОУНБ им. И.В. Бабушкина, заочные записки канд. филол. наук Е.Н. Титовой И.О. Шайтанов: «Как было и как вспомнилось»: диалог о поэзии с автором книги и канд. искусствоведения А. Панчук О времени и о себе: мемуары К. Кондрашина. С.А. Громыко долгие годы исследует особенности парламентской речи. На семинаре он представил опыт осмысливания пособия по красноречию М.Н. Попова, парадоксальная особенность которого в том, что оно было издано еще до формирования традиции публичных выступлений в Русской государственной думе. Размышления Громыко о влиянии характера парламентаристского дискурса, строя и поэтики политических выступлений на формирование гражданского сознания, культуры ответственного социального лидерства весьма актуальны и нацелены на обнаружение исторических параллелей и духовно-смысовых универсалий, позволяющих анализировать политическую речь как культурфилософский феномен, риторический маркер эпохи.

Выступает М.В. Петрова

Кратко перечислим те аспекты, на которых останавливались участники семинара – той особенной встрече с книгой, которая удивила, впечатлила и вдохновила на исследование. Об этом были сообщения канд. филол. наук С.А. Громыко *Массовое и элитарное в русском риторическом руководстве начала 116*

Выступление Э. Трикоз

Л.А. Якушева рассказала о тех публикациях, которые спровоцировали ее на изучение переходного периода истории Вологодского театра. К таковым можно отнести издание журнала «Театральная Вологда», который выходил во второй половине 1922

года с октября по ноябрь, с периодичностью два раза в неделю. Это брошюрованное издание объемом 10 страниц, тиражом 1000 экз., позволяет реконструировать события и атмосферу времени начала двадцатых годов на примере отдельно взятого провинциального города, имеющего на тот момент один постоянно действующий театр – рабоче-крестьянский. Развитая и смысловая театральная среда – важный фактор современной вологодской региональной культуры, и уникальное печатное свидетельство начала XX века закрепляет фундаментальный культурообразующий статус вологодского театра. Сотрудник музея В.И. Белова канд. филол. наук Э.Л. Трикоз (доклад *Любимые книги В.И. Белова: истории книг, заметки на полях*) рассказала участникам семинара о том, как работал с книгой В.И. Белов, какие пометы в текстах были выявлены, как они атрибутируются и какую ценность представляют. Рукописные заметки в печатных текстах, являющихся круг чтения писателя, беспрецедентны по своей искренности и доверительности: литературные сочинения, письма, даже дневники – все это создается в горизонте будущего читателя, и только эти наброски на полях, «записки на манжетах» фиксируются для «внутреннего употребления», отражают личность творца в ее «закулисной», обыденной ипостаси. В этой связи Л. Якушева рассказала о недавней поездке в музей-заповедник Мелехово на празднование 160-летия А.П. Чехова и новом образовательном пространстве «Кухня писателя», где воссоздана специфика творческого метода классика. Доцент ВоГУ, канд. техн. наук С.М. Щекин (доклад *Книга в эпоху постправды*) обрисовал круг проблем, на котором сосредоточен современный писатель, находящийся в пространстве постправды, рассказал о возможности идентифицировать себя через список литературы или конкретную книгу. Причем каждая номинация в этом списке будет коррелировать с субъектом чтения на самых разных основаниях, выявляя особенности характера, взглядов, пристрастий, – парадоксальную и неисчислимую множественность идентичностей, образующих уникальную структуру личности.

Доцент Ярославского государственного педагогического университета М.В. Петрова представила специфику подходов к рассмотрению темы исторической памяти на примере фестиваля современного документального кино, который проводится на сайте «Новой газеты» при поддержке фестиваля Ардоквест, доказательно верифицировав идею о вариативности прочтения исторического мифа, ценностной амбивалентности культовых исторических сюжетов, организующих коллективное сознание. Профессор ВоГУ, д-р филол. наук Л.В. Егорова (*Об искусстве биографии*), рассказав о книге, которая произвела на нее впечатление [1] и послужила стимулом к созданию серии материалов о современных вологодских поэтах и писателях, поделилась опытом и обусловила обмен мнениями о возникающих сложностях. Творческая личность, пожалуй, не всегда является самым надежным источником автобиографической информации, но мифопоэтичность сознания не искажает, а еще отчетливее проявляет смыслы и цели творчества, координаты

художественного мира на карте объективной реальности. Дискуссию об авторских стратегиях в ходе интервьюирования поддержала доцент ЯГПУ Н.А. Дидковская (*Книжная полка кафедры культурологии ЯГПУ*).

Наши гости Н.А. Дидковская и М.В. Петрова

Участники и зрители семинара

В целом, подводя итоги «книжной дискуссии», исследователи согласились с тем, что грань профессионального писателя и читателя, ученого-исследователя и неофита-потребителя научной литературы максимально стерлась. Мы все время находимся в поисках той самой лучшей книги, создателями которой невольно становимся сами, выходя из фона и при этом становясь фигурами. В следующем году конференция предположительно состоится 22–23 января.

Литература

1. Егорова, Л. В. Биография в истории культуры : сборник статей / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2020. – № 1. – С. 270–275.
2. Якушева, Л. А. Фон и фигура: синопсис конференции / Л. А. Якушева // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 122–123.
3. Якушева, Л. А. Фон и фигура: провинциальные сюжеты / Л. А. Якушева. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 159 с.

ЮБИЛЕЙ

С ЮБИЛЕЕМ ТАТЬЯНУ НИКОЛАЕВНУ КУЗНЕЦОВУ!

«Я была влюблена в английский язык», – рассказывает Татьяна Николаевна, вспоминая школьное время. Эту любовь она сумела пронести сквозь годы, будучи сначала студенткой факультета иностранных языков Вологодского государственного педагогического института, а затем став преподавателем. Огромную часть своей жизни Татьяна Николаевна посвятила изучению и преподаванию английского языка, а выбрала она этот путь еще школьницей.

Училась в школе № 8 города Вологды. Ее учительница английского языка Бухарина Мария Александровна, безусловно, смогла вдохновить своих учеников. С особой теплотой Татьяна Николаевна вспоминает, как на английском языке они ставили «Чиполлино», пели песни, слушали пластинки. В послевоенные годы детей в классах было мало, но самоотдача учителей давала им многое. Ребята с удовольствием посещали бесплатные кружки и дополнительные занятия. Именно с этой бескорыстной помощью педагогов связан тот факт, что большинство одноклассников поступило в крупные вузы Москвы и Ленинграда. Вспоминает Татьяна Николаевна и движение по озеленению парков Вологды. Она была участницей специально созданного «Зеленого патруля» по высаживанию деревьев в Парке Мира. Спустя много лет они с дочерью любили каждое воскресенье, несмотря ни на что, прогуливаться в парке. «Вот наши березки», – рассказывала она Ирине, показывая на собственноручно посаженные деревья.

Однажды совершенно случайно – в 9–10 классах – Татьяна Николаевна познакомилась с интереснейшим человеком из их дома. Всеволод Петрович Горлов-Лермин играл на скрипке, изучал английский язык. С его помощью они вместе прочли сложнейшее тогда для нее еще дореволюционное издание «Домби и сына» Диккенса.

Татьяну Николаевну влекло преподавание, и, не взирая на неодобрение отца, после окончания школы в 1961 году она поступила в ВГПУ на факультет иностранных языков. Николай Христофорович Кузнецов был убежденным коммунистом. Ему не нравилось, что его дочь привлекали люди, получившие образование до революции. «Не наши это люди», – говорил он. У него тоже было педагогическое образование (учитель истории), но свою жизнь с педагогикой он не связал – работал начальником в цехе. Мама, Елена Степановна Кузнецова, окончила МГУ и во время войны работала на заводе «Северный Коммунар». «Ей приходилось работать в тяжелейших условиях», – рассказывает Татьяна Николаевна. В этой связи воспитанием занимался дедушка – человек старой формации. Именно Грибанов Степан Иванович поддержал внучку в выборе профессии. Он и бабушка Татьяны Николаевны, Грибанова Елизавета Никифоровна, были учителями. Степан Иванович, окончив Тотемскую учительскую семинарию, некоторое время руководил школой, где преподавал физику и математику в селе Минском (Ульяновский уезд, Архангельская область). Там и родилась мама, Елена Степановна. Елизавета Никифоровна после окончания так называемой прогимназии работала учителем начальных классов. Революция изменила привычный ход вещей. Степана Ивановича обозначили царским специалистом, и ему пришлось оставить руководящую должность, преподавание. Он стал бухгалтером и потом перевез семью в Вологду. Окончил здесь учительский институт и начал работать в школе № 1. Позднее они с бабушкой переедут в Москву, куда на время заберут с собой и внучку. В Москве Степан Иванович найдет работу в училище, где будет преподавать физико-математические науки.

На момент поступления Татьяны Николаевны в пединститут деканом факультета иностранных языков

была Кузичева Тамара Христофоровна, кафедрой заведовала Домашнева Вера Сергеевна¹. На кафедре работали Яковлева Зоя Арсеньевна, Сидякова Нина Михайловна², Миттельман Анна Иосифовна³, Соколова Маргарита Дмитриевна. Владимир Александрович Хомяков стал первым дипломированным специалистом на кафедре английского языка. Его авторитет был бесспорным.

Вологда, 1936 год. Дедушка, Грибанов Степан Иванович, и бабушка, Грибанова Елизавета Никифоровна, с детьми Ниной, Анной, Еленой (мама Татьяны Николаевны – вторая в верхнем ряду) и Славой

¹ Вера Сергеевна и Хомяков Владимир Александрович были фронтовиками. Вера Сергеевна часто рассказывала о том, как она была медсестрой, работая на санитарном поезде, постоянно пересекавшем линию фронта и вывозившем раненых солдат из полевых госпиталей в тыл. А Владимир Александрович никогда не рассказывал, только потом узнали, что, оказывается, он был в плену, где и выучил английский язык. Он попал в плен в Норвегии вместе с человеком, с которым познакомился и подружился, звали его Эрик Партридж, автор известного словаря A Dictionary of Slang and Unconventional English, переизданного 8 раз.

² Нина Михайловна закончила Первый московский институт иностранных языков, впоследствии Институт им. Мориса Тореза, и читала в Вологде лексикологию без учебника по лекциям А.И. Смирницкого. Она поступила в аспирантуру под руководством А.В. Кунина, разработавшего теорию В.В. Виноградова о фразеологическом фонде применительно к английскому языку с его отличной от русского языка типологией. Он трепетно относился к теории и объединил всех фразеологов СССР.

³ Анна Иосифовна оказалась в Вологде не по своей воле. В предвоенные годы ее старший брат с семьей оказался «за границей»: мечтко, где он жил до войны, перешло Финляндию, а затем Швеции. Как граждане, чьи родственники жили за границей, Анна Иосифовна и ее мама были высланы из Москвы, где dochь работала в академии им. М.В. Фрунзе на кафедре, которой руководил В.Д. Аракин, в Архангельск. Сестра Анны Иосифовны, Эсфирь Иосифовна, преподавала английский язык в Молочном институте под Вологдой. По окончании Великой Отечественной войны она сумела добиться перевода мамы и сестры в Вологду, чтобы объединить семью.

Школа, выпуск мамы Татьяны Николаевны – Елены Степановны Кузнецовой, 1936 год. Она во втором ряду, вторая слева. Второй ряд, второй справа – Лихачев Николай Иванович – отец Лиллы Николаевны Лихачевой

На втором курсе программа была пересмотрена, и длительность обучения сократилась с 5 до 4 лет. Убрали медицину и второй иностранный язык (Татьяна Николаевна самостоятельно изучала французский и впоследствии сдала по нему кандидатский экзамен). Самым замечательным для студентов было то, что теоретические дисциплины, кроме политэкономии, истории коммунистического движения, читались на английском языке: литература, история языка, теоретическая фонетика, теоретическая грамматика; стилистики не было – усваивали самостоятельно. Был студенческий научный кружок, и на конференциях выступали с докладами наравне с преподавателями. Даже в коридорах со студентами общались только на изучаемом языке (по-другому – только на уровне декана).

В 1965 г. Татьяна, окончив учебу, остается на факультете. В этот год было два выпуска: 4-летнего и 5-летнего курсов обучения. Три студента уехали работать переводчиками за рубеж, в том числе близкая подруга Николаева Екатерина Александровна, после выпуска отправившаяся в Непал. Почти половина англичан (10 человек) были распределены в Мурманскую область. Пять человек до сих пор живут там, остальные вернулись в свои районы и школы. Татьяну Николаевну как отличницу и ответственную, надежную студентку оставили на кафедре в качестве преподавателя.

Вспоминая то время, она описывает неуверенность, охватившую ее вначале. «Это были такие масштабные люди! – говорит она про своих бывших учителей, теперь ставших ее коллегами. – И я – такая молодая, такая неопытная! Я ведь даже в школе не работала и среди своих преподавателей чувствовала себя неловко». Но ситуация вскоре изменилась: факультет расширялся. Среди новых педагогов были Киселева Римма Александровна, Алмаева Алла Алексеевна, Лихачева Лилла Николаевна, Кряжева Валентина Павловна, Таран Виолетта Павловна, Юклутова Алла Ивановна, Волкова Римма Викторовна. Этот новый, молодой, сплоченный и активный коллектив

был полон сил и энергии. Под чутким руководством В.А. Хомякова проводились занятия по подготовке к сдаче кандидатских экзаменов. «Велико было его влияние на нас, молодых. Он нас стимулировал, чтобы мы занимались наукой, двигались вперед», – рассказывает Татьяна Николаевна. Владимир Александрович способствовал тому, чтобы молодые педагоги кафедры отправились в Москву или северную столицу для продолжения своего обучения и защиты научных диссертаций.

1965 год. Окончание института

Татьяна Николаевна в период 1967–1969 обучалась в Ленинграде на Высших педагогических курсах, проводившихся на базе Государственного педагогического университета им. Герцена. Это были два особых года жизни. Белые ночи, Мариинский театр, чтение Бродского. На ВПК преподавала Ирина Владимировна Арнольд, основоположница стилистики декодирования. На «Капустнике» (мероприятие перед Новым годом, связанное с католическим рождеством, на котором студенты «дурачились» – ставили пьесу «Макбет») присутствовал Витольд Густавович Вилюман⁴. Теорию перевода на курсах преподавал Ефим Григорьевич Эткинд. На его лекции собирался народ со всего Петербурга, и мест зачастую не хватало. Шекспироведение вел Борис Александрович Ильиш, автор учебника «История английского языка». Зинаида Яковлевна Тураева, известный исследователь в области теории и лингвистики текста, преподавала стилистку. По окончании курсов, получив удостоверение преподавателя вуза, Татьяна Николаевна вернулась в Вологду на прежнее место, где и работала до 2001 года.

Под руководством Киселевой Риммы Александровны были организованы методические объединения. Татьяна Николаевна занималась стилистикой в сотрудничестве с Риммой Александровной, Марченко

Татьяной Михайловной, Жуковой Маргаритой Васильевной, Редкозубовой Ольгой Михайловной, Кучиевым Сергеем Александровичем.

Татьяна Николаевна и сама исполняла обязанности зав. кафедрой английского языка на историческом факультете (с дополнительной специальностью учитель истории и английского языка) во время болезни Риммы Александровны.

1965 год. Выпуск Татьяны Николаевны.

Верхний ряд (слева направо):
Долгий Виктор, Кузнецова Татьяна, Шутова (?),
Зеленская Галина, Ворочалков Владимир.

Нижний ряд: Кондрин (Табарова) Галина,
Сидякова Нина Михайловна, Страхова (Галочкина) Зоя,
Суханова Светлана, Басова Галина

Татьяна Николаевна была привлечена и к работе Общества знания при Народном университете, существовавшего с 1969 года. В наше время подобная организация уже кажется удивительной. Ее главная функция заключалась в проведении бесплатных занятий для всех желающих изучать английский язык. В период перестройки, например, к ним пошло немало банковских работников, стремившихся узнать о работе банков за рубежом. Для этого приходилось изучать множество печатного материала, часами разыскивая необходимую литературу в библиотеке. За плодотворный труд Татьяна Николаевна совместно с Надеждой Федоровной Бондарь были награждены путевкой в Адлер в пансионат «Знания».

Зима 1969. ВПК (слева направо): Ирина Госман,
Татьяна Кузнецова, Майя Кикоть,
Римма Вопилкина, В.Г. Вилюман

⁴ Витольд Густавович Вилюман (1920–1982) – доктор филологических наук, признанный специалист в области синонимии английского языка. Работал в ЛГПИ с 1948 г., из них последние 10 лет – в должности профессора кафедры английской филологии (1972–1982). Опубликовал более 50 научных трудов и подготовил 20 кандидатов наук. Он и В.А. Хомяков дружили, и Вилюман приезжал в Вологду читать лекции, принимать кандидатские экзамены (готский, историю английского языка).

Удалось Татьяне Николаевне в 1970 году побывать и в Англии. Время, признает она, было неудачное – из-за чешских событий. Молодым людям, собравшимся со всего Союза, не давали общаться с англичанами. Но ощущений все равно было много: «Столько впечатлений, не передать!» Поражала Англия, в первую очередь, красотой. Проехав за две недели всю страну до границы с Шотландией, Татьяна Николаевна не могла перестать любоваться этими видами. Для нее, к тому моменту не бывавшей даже в социалистических странах, все было в новинку. Одним из ярчайших удивлений стали разноцветные трактора: красные, желтые! Студенты сельскохозяйственного техникума Англии тоже повергли в шок. Для советского гражданина было неслыханным, как ребенок преподавателей вуза мог работать трактористом. Изменилось представление о языке (впервые тогда услышала слово «fabulous», например). Люди тоже были другими. «Я увидела, как они могут проходить мимо человека, которому нужна помощь, – вспоминает она. – Он не просит помощи – значит, надо оставить его в покое». Особенно поверг ее в шок дом престарелых. Пусть дом и был хорошим, но насквозь пропитан тем, как семья отталкивает своих близких. Увидев родные лица пилотов в аэропорту, Татьяна Николаевна была нескованно рада возвращению на Родину.

Первомайская демонстрация 1982 г.

Слева направо: Кузнецова Татьяна Николаевна, Смирнова Маргарита Викторовна, Талашова Валентина Александровна, Ефремова Маргарита Николаевна, Бондарь Надежда Федоровна, Никольская Маргарита Николаевна, Беляева Зинаида Васильевна, Судакова Любовь Константиновна

Много времени посвящалось общественной работе. Каждый год вместе со студентами ездили на уборку урожая, поэтому в сентябре почти не учились. Татьяна Николаевна с легкостью перечисляет все процессы, начиная от сбора льна вплоть до отправки его на льнозавод. Помнит и демонстрации. Каждому педагогу назначали группу студентов, явку которой следовало обеспечить, выдавалась книжка с планом коммунистического воспитания. На эти демонстрации

ходили семьями. «Чтобы моя дочь Ира пропустила хоть одну демонстрацию – да это для нее было трагедией!» – с улыбкой рассказывает она. Помимо прочего, обязательными были субботники, на одном из которых Татьяна Николаевна с Лихачевой Лилой Николаевной работали на строительстве корпуса на Проспекте Победы, 37. «Думали, надо же! – рассказывает Татьяна Николаевна. – Здание строят такое, как в столицах! С настоящими лекционными аудиториями!»

Один из выпускников Т.Н. Кузнецовой, 1986–1987 гг.

В ВГПУ Татьяна Николаевна пережила два потрясения. Первое – это аккредитация. Вологодскому государственному педагогическому институту было присвоено звание Университета, но, чтобы полностью ему соответствовать, следовало увеличить количество кафедр. И второе – сокращение штата: английская кафедра на историческом факультете прекращала свое существование. Большое количество работников, в том числе и Татьяна Николаевна, были сокращены. 1983 год был крайне тяжелым для нее: на руках маленький ребенок, а работы нет. Так Татьяна Николаевна оказалась на межфакультетской кафедре, а затем вернулась на иностранный факультет.

«Вдруг нам сказали, что будем изучать компьютеры!» – рассказывает она о начале обучения компьютерной грамоте в 1990 году. Компьютер был один – стоял на Орлова, 6 и занимал целую комнату. Была оборудована лаборатория, где педагоги могли брать тексты, пленки с записями. Еще в специальной аудитории, поделенной на кабинки, находились магнитофоны, взятые из военной части. Аполлинарий Николаевич Разумовский, преподававший политлексику, специально вставал рано, чтобы записать для студентов новости с BBC.

Работа, как это обычно бывает, не ограничивалась только «работой». Веселые культурные мероприятия, выставки вологодских художников, походы в кино и музеи, концерты симфонических оркестров – все это составляло духовную жизнь рабочего коллектива иностранного факультета. Английским языком тоже занимались не только в стенах родного института, но и устраивали занятия в картинной галерее, в музее Батюшкова, на Кремлевской площади. Люблили готовить и проводить концерты, особенно на 8 Марта: коллектив был в основном женский. На некоторые мероприятия приглашали педагогов с других факультетов.

Весна 1993. Группа, где училась Ирина Коноплева.

1 ряд (слева направо): Лена Пивоварова

(в замужестве Тряпицына),

Аполлинарий Николаевич Разумовский,

Ира Кузнецова (Коноплева).

2 ряд (слева направо): Аня Смирнова (Манойлова),

Наташа Баландина (Рыжакова), Наташа Орлова,

Лена Фролова (Арюхина), Лена Николаенко (Ветрова)

Довелось Татьяне Николаевне поработать и в естественно-математическом лицее с 1996 до 2000 года. Этот этап жизни она вспоминает с особым трепетом. Показывая открытки, подаренные школьниками, в том числе бейджик от пятиклассников с подписью «Настоящая английская леди», Татьяна Николаевна благодарно улыбается. Именно поэтому и по сей день она не может отказаться от преподавания, помогая школьникам в наверстывании школьной программы и в поступлении в вузы. Работая в лицее, совместно с Астафьевой Татьяной Васильевной разработала курс технического перевода для 7–11 классов. Благодаря эффективности этого курса к 11 классу ученики переводили целые статьи по химии.

Встреча выпускников через 30 лет.

1-й ряд: Таня Кропина (Быкова),

Наташа Маркелова (Галушки),

Маргарита Дмитриевна Соколова,

Аполлинарий Николаевич Разумовский,

Ирина Васильевна Дмитриева, Алла Алексеевна Алмаева,

Татьяна Николаевна Кузнецова.

2 ряд: Ира Фарафонова, Ира Козлова,

Люба Ушакова (Дубова), Валя Голощапова (Зверева),

Люба Еремина (Азарова), Римма Александровна Киселева,

Надя Никитинская (Ждановская), Маша Бабукина.

3 ряд: Наташа Кирина (Хомякова), Ира Бокарева,

Таня Король, Наташа Белова (Меркульева), Юра Рулев

Учительский дар у Татьяны Николаевны, по-видимому, в крови: от бабушки с дедушкой. Влечение к этой профессии и любовь к английскому она передала дочери Коноплевой Ирине Николаевне и внуку Роману. Для поступления они выбрали Вологодский педагогический институт/университет. Татьяна Николаевна с гордостью показала диссертационную работу Ирины. Роман окончил магистратуру в Москве. Сейчас обучается в аспирантуре и уже преподает практику языка на 4 и 5 курсах. На вопрос, общается ли она с внуком на английском языке, Татьяна Николаевна смеется: «Да, нам это так приятно. Ему приятно, когда я что-то не знаю».

За свои труды Татьяна Николаевна удостоена званий «Отличник народного просвещения» и «Ветеран педагогического труда».

В 2019 году Татьяна Николаевна отметила свой 75-летний юбилей. Здоровья ей и бодрости духа!

*Витушкина Екатерина Александровна
студентка Гуманитарного института ВоГУ
(2Б44 АНЯ-32)*

Подготовлено к публикации Л.В. Егоровой

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андианова Лариса Сергеевна

методист Регионального центра дополнительного образования детей (Вологда, Россия)
anlaris@mail.ru

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, проректор по научной работе Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Богатырев Арсений Владимирович

кандидат исторических наук, независимый исследователь (Тольятти, Россия)
sob1676@yandex.ru

Боева Наталия Станиславовна

заведующий обособленным подразделением «Музей кружева» (Вологда, Россия)
venega@yandex.ru

Витушкина Екатерина Александровна

студентка 2Б44 АНЯ-32 Гуманитарного института Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
e_vitushkina@inbox.ru

Грязнов Анатолий Леонидович

старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Древности» (Вологда, Россия)
rubicon-2@yandex.ru

Дидковская Наталья Александровна

кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
yspu_smi@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Квашнин Владимир Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права и политологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kvashnin195@mail.ru

Кириллова Элла Андреевна

заслуженный работник культуры России, журналист. В 2005–2009 гг. – доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета (Вологда, Россия)
kamrakova@yandex.ru

Кириловский Алексей Николаевич

независимый исследователь, фотограф (Вологда, Россия)
aleksy-kir@mail.ru

Колгушкина Нина Васильевна

заслуженный учитель РФ, директор Музея академика И.И. Срезневского РГУ им. С.А. Есенина (Рязань, Россия)
n.kolgushkina365@rsu.edu.ru

Мазаев Руслан Михайлович

студент кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
ruX12345@gmail.com

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
markovius@gmail.com

Милютина Юлия Васильевна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка института русской и романо-германской филологии Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия)
julchik-sed@bk.ru

Пермяков Андрей
поэт, прозаик, критик (Владимирская обл., Россия)
grizzlins@gmail.com

Розанов Юрий Владимирович
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
rosanov007@gmail.com

Саблин Василий Анатольевич
доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Соловьева Александра Сергеевна
магистрант кафедры истории Древней Греции и Рима Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
alek-soloviova@mail.ru

Сучкова Наталья Александровна
поэт, специалист по связям с общественностью Администрации Вологодского муниципального района (Вологда, Россия)
strekozka@yandex.ru

Турбанов Афанасий Николаевич
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
turbanov.a.n@yandex.ru

Тюкавина Ирина Александровна
кандидат исторических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела Коми республиканской академии государственной службы и управления (Сыктывкар, Россия)
irina.tukavina@gmail.com

Черкасов Валерий Анатольевич
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)
cherkasov.valeri@mail.ru

Юкина Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (Москва, Россия)
sobol-sbr@mail.ru

Якушева Людмила Алентиновна
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafticie@vogu35.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrianova Larisa Sergeevna

Education Methodologist for Regional Center for Supplementary Education of Children (Vologda, Russia)
anlaris@mail.ru

Beznin Mikhail Alekseevich

Doctor of History, Professor, Professor of the National History Department, Vice-Rector for Research, Vologda State University (Vologda, Russia)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Bogatyrev Arseny Vladimirovich

Candidate of History, Independent Researcher (Togliatti, Russia)
sob1676@yandex.ru

Boeva Natalia Stanislavovna

Head of the Vologda Lace Museum (Vologda, Russia)
venega@yandex.ru

Vitushkina Ekaterina Aleksandrovna

Student, the Humanities Institute, Vologda State University (Vologda, Russia)
e_vitushkina@inbox.ru

Gryaznov Anatoly Leonidovich

Senior Research Fellow of the Non-for-Profit Scientific Research Center «Drevnosti» (Vologda, Russia)
rubicon-2@yandex.ru

Didkovskaya Natalia Aleksandrovna

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushins (Yaroslavl, Russia)
yspu_smi@mail.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Kvashnin Vladimir Aleksandrovich

Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
kvashninv195@mail.ru

Kirillova Ella Andreevna

Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, journalist. In 2005–2009 Associate Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kamrakova@yandex.ru

Kirilovskiy Alexey Nikolaevich

independent researcher, photographer (Vologda, Russia)
aleksy-kir@mail.ru

Kolgushkina Nina Vasilyevna

Honored Teacher of the Russian Federation, Head of the Academician I.I. Sreznevsky Museum, Ryazan State University named after S. Yesenin (Ryazan, Russia)
n.kolgushkina365@rsu.edu.ru

Mazaev Ruslan Mikhailovich

Student, Institute of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
ruX12345@gmail.com

Markov Alexander Viktorovich

Doctor of Philology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
markovius@gmail.com

Milyutina Yulia Vasilyevna

Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian, Institute of Russian, Romance and Germanic Philology, Bryansk State University named after I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia)
julchik-sed@bk.ru

Permyakov Andrey

Poet, prose writer, critic (Vladimir Oblast, Russia)

grizzlins@gmail.com

Rozanov Yury Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Vologda State University (Vologda, Russia)

rosanov007@gmail.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)

sablin@inbox.ru

Solovyova Alexandra Sergeevna

Student, Institute of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

alek-soloviova@mail.ru

Suchkova Natalia Aleksandrovna

Poet, Public Relations Specialist of the Administration of Vologda Municipal District (Vologda, Russia)

strezkozka@yandex.ru

Turubanov Afanasy Nikolaevich

Doctor of History, Professor, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)

turubanov.a.n@yandex.ru

Tyukavina Irina Aleksandrovna

Candidate of History, Associate Professor, Head of the Editorial and Publishing Department of the Komi Republican Academy of State Service and Administration (Syktyvkar, Russia)

irina.tyukavina@gmail.com

Cherkasov Valery Anatolyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory, Pedagogics and Methodology of Primary Education and Fine Arts, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

cherkasov.valeri@mail.ru

Yukina Elena Yuryevna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Indo-European and Oriental Languages, Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Moscow Region State University (Moscow, Russia)

sobel-sbr@mail.ru

Yakusheva Ludmila Alentinovna

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)

kafticie@vogu35.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 2 (17) / 2020

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 22.06.2020. Выпуск в свет 29.06.2020 г. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 15,5. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 53 экз. Заказ № 120. Бесплатно

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВоЛНЦ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru